

An artistic illustration of a young man with reddish-brown hair and a white shirt with a blue floral pattern, placing a laurel wreath on the head of a young woman with long reddish-brown hair and blue eyes. She is wearing a blue dress with a yellow laurel wreath around her waist and holding a sword. The background is a soft, hazy landscape with a large blue cloth or wing floating in the air.

ЭТО Я ТЕБЯ УБИЛА

18+

*История Орфея и Эвридики,
какой вы ещё её не видели*

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА

Екатерина Звонцова

Это я тебя убила

Серия «Лучшие мировые ретеллинги»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69579877
Это я тебя убила: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-191795-1*

Аннотация

Наш мир устроен очень просто: слушайся богов Святой Горы, чти их правила – и с тобой ничего не случится.

Я всегда ненавидела правила. Потому что родилась одной из тех, кому отказали в долгой жизни. Принцесса Орфо Каператис. Волшебница в мире, где волшебники неизбежно умирают и сходят с ума.

От этой участи меня уберегал Эвер, мой гаситель, мой хранитель, мой друг. Теперь он в Подземье, в краю жутких тварей и теней, откуда нет возврата.

И это моя вина.

Чтобы спасти Эвера, я готова на всё. Но даже если мне удастся спуститься в Подземье и выйти оттуда живой, вернётся ли со мной в мир живых человек – или монстр?

Добро пожаловать в мир Тысячи Правил, где Орфей и Эвридика поменялись местами!

Ретеллинг всем известного мифа для поклонников Мадлен Миллер и комикса «Предания Олимпа».

Атмосфера Древней Греции, дух фильмов Гильермо дель Торо и персонажи, навеянные образами из знаменитого сериала «Очень странные дела».

Сильная героиня, травмированный герой и динамика «хороший мальчик/плохая девочка».

Уникальный сеттинг: в мире существует очень много правил, которые люди должны соблюдать, иначе боги убивают их.

Екатерина Звонцова – автор бестселлеров «Теория бесконечных обезьян» и «Серебряная клятва». Успешно издавалась сначала под псевдонимом Эл Ригби, потом под собственным именем.

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Правила волшебников	10
Орфо. Чудовище	11
Принцесса	17
Чудовище	26
Принцесса	32
Чудовище	54
Принцесса	63
Чудовище	82
Принцесса	93
Чудовище	111
Принцесса	119
Чудовище	149
Вне правил. Эвер	153
Часть 2. Правила принцесс	165
1. Правь или умри. Орфо	166
2. Третий ребенок. Эвер	216
Конец ознакомительного фрагмента.	250

Екатерина Звонцова

Это я тебя убила

© Звонцова Е., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Скала смотрит. Смотрит, как он с трудом, припадая иногда на локти, движется. Под его ладонями и коленями жжется бледно-золотистый раскаленный песок.

Он ненавидит свет и синеву, режущие глаза, ненавидит боль в согнутой, искореженной спине, но куда больше ненавидит крики чаек, ласковый плеск волн и разнеженный говор. Визги. Хохот. Прочие звуки из хрупких глоток тех, кто думает, что им ничего не грозит. Топот босых пяток. Шум

воды, в которой они возятся, как свиньи в грязи. Все ближе. Кто-то пьет вонючее терпкое вино, в котором колко бренчат ледышки, кто-то пожирает фрукты, обливаясь липким соком.

Они по уши в своем счастье, в своем душном, липком, глупом лете. Резвятся, жирные животные, настолько довольные, что пока даже не заметили его, да что там, его не заметил по пути никто, хотя разве это просто – пропустить человека на четвереньках? Вряд ли. Впрочем, если, пытаюсь его задержать, ты умираешь... Ха-ха. Вот тогда-то ты его и *пропустишь*.

Он продвигается еще немного вперед, со лба падают на песок капли пота. Застывают темными точками, чуть светлеют и превращаются в паучков, которых он очень хотел бы проглотить или хотя бы посадить себе на спину, но некогда. Паучки подождут. У него дело, которое не терпит. Нужно успеть, пока не узнал брат.

Но потом он должен узнать обязательно. Должен. Ему придется.

– Смотрите! – мерзкий детский крик. – Кир ползет!

Он поднимает голову, взглядом вылавливая среди пары десятков отдыхающих на пляже любопытного ребенка, который смеет так визжать, да наверняка еще и таращится и тычет пальцем. Находит. Девочка в коротенькой зеленой тунике, с крупной ракушкой в пухлой левой руке. Она застыла прямо посреди пляжа, подняла вторую руку в его сторону.

Широко улыбается. Пары зубов нет. И пялится, правда пялится большими, выпуклыми, как у лягушонка, глазами.

– Кир, кир, кир! – взвизгивает она снова, так, будто видит что-то самое потрясающее в своей короткой жизни, и он ощущает еще несколько взглядов – от тех, кто в воде, тех, кто лежит возле пенящейся кромки, тех, кто дальше.

В этих взглядах уже не любопытство. Многие все понимают и начинают вставать.

– Эй, – чеканит какой-то мужчина. Аккуратно подходит сбоку. – Эй, вы... ты... – Бедолага даже притащил с собой меч. О боги, кто таскает мечи на пляж?.. Зато узнал. Узнал, это читается по округлившимся глазам и рту, из которого вылетает: – БЕГИТЕ!

Скала смотрит. Он чувствует ее выжидательный взгляд и чувствует, как смех и смерть, сдерживаемые годами, вскипают в груди и разливаются по рукам силой. От точек пульса до кончиков пальцев. Именно так. Хорошо. Кто-то правда бежит с криком при виде всего-то его вскинутых рук с сухощавыми, изгрызенными в мясо пальцами. Так еще лучше. Скоро они позовут брата. Они должны позвать брата. Брат должен вспомнить, ему будет что вспомнить, будет, будет, будет...

Брат вспомнит все, чего ему обещали не делать. Никогда не делать.

– Милая! – зовут наглуую пигалицу в зеленой тунике, но она уже не ответит.

Улыбаясь мерзкому солнцу и мерзкому небу, он вскидывает руки выше и, когда первые тела – сразу шесть или семь – взмывают над песком, лениво поворачивает кисти. По часовой стрелке. Против. По. Против. Будто выжимая мокрую ткань. Хрусть-хрусть. Пока не прекратятся последние крики.

Никогда еще он не слышал такого славного треска костей. Приятный звук. Намного приятнее торжественной песни горнов-раковин. Тех горнов-раковин, что отняли все. Тех горнов-раковин, с которыми *она*, победоносно улыбаясь, склонила голову, чтобы на нее надели венец.

На песок падают новые и новые паучки, горячие и красные, куда крупнее первых.

Скала смотрит. Ей нравится это зрелище.

Часть 1. Правила волшебников

– *Смотри, какой красивый сад алеет там, вдали.*

– *Мне дела до чужих садов нет, я тоскую по своему.*

Как был он свеж, душист и зелен.

– *Так отчего не плачешь ты? Как гордо ты
глядишь...*

– *Не плачу оттого, что и по мне не плачут.*

*Не страшно мне, и там, где слышат Вой иные, я
слышу Песню.*

Песню мстительного гнева.

– *Кто пел ее в падении тебе?*

– *Тьма безголосая, и кажется, что... ты?*

Я будто знаю. Будто вспоминаю. Тебя.

А не случилось ли тебе гулять в моем саду?

– *И до того, как он твоим стал.*

Дай мне руку.

Узнай меня.

– *Не верю...*

Орфо. Чудовище

Не убивать его. Только не убивать.

Я не выпускаю мысль из головы, даже когда в уши врывается лязгающий скрежет торакса¹. Когти сминают его – черно-багровые, жесткие, каждый с мой палец длиной. Пять глубоких царапин медленно, но верно раскраивают узорчатую сталь; от моих ребер когти отделяет, скорее всего, тончайший, не толще волосинки, слой уцелевшего металла, да еще слой одежды. Даже сквозь них я, кажется, чувствую иномирный холод – озноб продирает до онемения, щупальцами обвивает тело. А может, не кажется: почему еще я, распростертая на спине и выронившая меч, никак не вывернусь? По позвоночнику словно ползают ледяные жуки.

Монстр Преисподней – освеженный до мышц и костей, широкоплечий и похожий на обугленного, начавшего уже гнить атланта – склоняется ниже, скаля серые зубы на серых же остатках лица. Глаза в рваных лоскутах век полны красного света – и секунды три я трачу на схватку с другой мыслью. Как больно в них смотреть.

Не потому, что они жгут все тем же холодом. И не потому, что в них желание выгрызть мне лицо, а затем уже в спокойной обстановке дожрать остальное, включая, возможно, мою одежду, мои сапоги и моего кота, если этот мелкий паразит

¹ Торакс – античный корпусный доспех.

сглупит и вернется.

А потому что я помню эти глаза другими.

Секунды три. Больше нет. Монстр, зарывав до дрожи в каменных сводах, молниеносно подается вплотную – действительно собирается впиться зубами в мои щеки и нос. Воздух из его пасти ничем не пахнет, но таящиеся в дыхании осколки льда режут скулы, попадают в глаза.

Попалась.

Я, завопив, все же изворачиваюсь – и откатываюсь вбок, скинув его холодную тушу. Торакс лопается прямо на мне, сразу в нескольких местах: и там, где когти в него впились, и там, где металл слишком терся о камень, по которому меня успели повалить. Низкие температуры многое делают хрупче, меня же предупреждали... Зато я ухитряюсь вскочить и снова схватить оружие.

Следующий удар когтей приходится на запевший и заискривший серебром клинок – Финни, моя выкованная богом Фестусом верная подружка, готова крушить, ей-то холода не страшны. Но увидев в который раз вторую руку Монстра – серую, тонкую, болезненно нелепую руку с одиноким ободком бирюзового кольца на мизинце, – я снова отступаю, теряю запал и, пропустив удар в лицо, отлетаю к стене. Финни возмущенно звенит, но другой звук хуже.

Слабая.

Что-то в моей голове, под страдальческий хруст позвоночника.

Ты пропала.

Это громче – когда я падаю.

Монстр оказывается рядом в ту же секунду, когтями поднимает меня за горло. Хватка, вероятно, сдирает с моей шеи немало кожи, глаза застыт слезы. На миг красная лоскутная боль ослепляет, и пальцы опять выпускают Финни. Хриплю, впустую дергаю ногами, но, на счастье, меня швырнули в крайне удачном месте, где достаточно сталактитов, – а у меня пока достаточно сил, чтобы, отломав один, использовать его как дубину, прямо на этой склизкой, покрытой ожогами и шрамами голове. Под новый рев камень рассыпается в крошку. Но я вновь оказываюсь на полу.

Шею разрывает, кости омерзительно ноют: устали от злощастной пещеры. Заставляю себя не щупать глотку, вообще ни на что не тратить время – только два действия: схватить оружие и отпрянуть как можно дальше. Монстр не успевает за мной: видимо, отвык от того, как двигаются люди; в Подземье все немного медленнее – по крайней мере, по его жителям так кажется. Он бьет когтями камень там, где еще недавно была моя голова. Но я уже в пяти шагах.

– Эй, эй! – зову, подпрыгнув. Мой рассудок, конечно, не в восторге от подобной смелости, но выбора нет, и я снова встречаю пылающий взгляд. – Я бешу тебя, да, да? За мной!

Он кидается – я убегаю, оскальзываясь на влажных булыжниках. Мне нужно совсем в другую часть этого огромного, темного, как задница морского змея, пространства. Крас-

ные кристаллы, местами растущие из потолка и пола впере-
мешку со сталактитами и сталагмитами, не помогают, света
все равно маловато, полагаться приходится на память. Так,
вот тут я вошла – и в этот коридор могла бы выбежать. Тут
мы столкнулись, тут сшиблись – а там я упала в первый раз,
стесав ладони о шершавые камни. Упала неудачно, настоль-
ко, что...

– Эй, эй! – Падаю снова, там же, и одновременно развора-
чиваюсь. В этот раз Финни я бросаю сама, а вместо ее успо-
каивающе прохладной рукояти пальцы смыкаются на кажу-
щемся очень хлипким деревянном древке, дергают его с по-
ла вверх. – Помнишь? Получай!

Мышцы плеча отзываются болью, но это другая, почти
приятная боль: наконец-то! Монстр кидается на меня мигом,
и все же змея хлыста быстрее – рассекает влажную затхлость
воздуха грозным свистом, глуша даже рык. Щелчок у са-
мых глаз – Монстр замирает в странной полусогнутой позе,
с безумной гримасой на том, что могло бы быть лицом. Вто-
рой щелчок – и ремень хлестко обматывается вокруг кост-
лявого горла, в два оборота. Сплетенные жгуты вспыхивают
таким же красным сиянием, как эти яростные глаза. И петля
затягивается сама.

Как всегда.

– Помнишь? – шепчу я. Дергаю легонько, но Монстр тут
же падает на колени, будто ему подрубили ноги. – Да...
Неприятно. Сюда, сюда.

Воздух заканчивается быстро; Монстр хрипит, пристально глядя в ответ. Холод от него я чувствую даже через разделяющие нас четыре шага, особенно когда из серо-черной груди, не то заросшей кровавыми лишайниками, не то теряющей ошметки кожи так же, как лицо, вырываются рваные булькающие сипы. Попытки вздохнуть. Хлыст медленно, но верно делает каждую все труднее, ведь он сам знает, когда хватит, точно так же, как знаю это я.

– Ирония, правда? – Пальцы похрустывают: древко я невольно сжала крепче. Но вовсе не потому, что боюсь упустить добычу.

Пару раз Монстр дергается, пока его не парализует; пару раз поднимает руки, пытаясь порвать плетеный ремень, – но обжигается предупреждающим красным огнем. На камнях у моих ног злорадно звенит Финни: она сегодня не попробовала крови, но все равно чувствует себя причастной к победе. А вот я уже не чувствую ничего.

Не убивать его. Только не убивать. Голова кружится, лицо в поту, из рассеченной губы и носа идет кровь. Колени ощущаются скорее как разбитые яичные скорлупки; спина и шея просто горят, будто мне напихали за ворот углей. Смотреть на валяющийся искореженным шматом торакс страшно, особенно если вообразить, что в нем могла застрять я – получился бы горячий ужин в некоем подобии железной банки. Но я повторяю это про себя снова и снова, не то как заклинание, не то как молитву.

Не убивать. По крайней мере, пока есть надежда, что он помнит.

Если он не помнит, я обречена.

Его глаза закрываются. Он падает к моим ногам.

Принцесса

Наш мир устроен очень просто: слушайся богов Святой Горы – и с тобой ничего не случится. Боги, скорее всего, не дадут оступиться, ты только не зли их и не огорчай. Тогда тебя ждут удача, благоденствие, просветление. И много всего приятного в довесок.

Правила богов запомнит и ребенок: не воруй у них, не дерзи им. Клади мертвецам монетки на глаза, нарекай свой меч женским именем, если ты женщина, и мужским, если мужчина. Не ешь гранаты с земли, не мучай лягушек, загадывай желания звездам только про себя. Не превосходи богов в каком-либо мастерстве. Не засиживайся на троне больше двадцати лет. Не повезло родиться *волишебником* – просто смиришься, что не проживешь долго, а пока жив, делай что должен. Принадлежишь к другому *демосу* – странникам, ломателям, изыскателям, целителям, любому, – возблаговари судьбу; не мечен вовсе – возблаговари стократ, ведь это освобождает тебя от ожиданий. И дальше, дальше, дальше.

Правила записываются: мы вносим их в своды сразу, как постигаем. А иногда боги столь щедры, что сообщают нам о новых правилах сами. Правда, такое в последний раз было поколений десять-двенадцать назад: тогда они как раз прокляли все наши регалии и старым тиранам пришлось срочно искать преемников. Остальные же мы открываем случайно.

Раз за разом.

Я всегда ненавидела правила. Потому что родилась одной из тех, кому отказали в долгой жизни. Принцесса Орфо Каператис. Волшебница.

Я хорошо помню, как самое первое правило: «Дочь наша, ты особенная, и тебе будет непросто» – ворвалось в мою жизнь. Мне было семь, мы с родителями ужинали в бухте, и я побежала по берегу за старшим братом Лином, требуя отдать последнюю вымазанную в меду и козьем сыре лепешку. Лину недавно исполнилось десять, он бегал намного быстрее и неприкрыто этим гордился. Смуглые пятки его сверкали, тонкие браслеты на щиколотках насмешливо звенели. Он здорово от меня оторвался, и я, бессильно смотря на темные завитки его прыгающих на ветру волос, в какой-то момент подумала, что здорово было бы набросить веревку ему на икры, свалить – да и протащить назад, а потом отнять еду. Веревки у меня не было, но стоило это представить – и Лин упал, а потом его поволокло ко мне. Я многое не продумала: по пути он измазал лепешку в песке, и больше это угощение меня не прельщало. Но именно тогда подбежавшие отец с матерью и объяснили наконец, что же за маленький рисунок темнеет на внутренней стороне моего левого запястья с самого рождения.

Направленная к ладони стрела, наконечник которой охвачен огнем. Метка волшебников.

Еще больше мне должны были объяснить их панические

крики: «Орфо! Орфо! Не смей трогать брата!» Но тогда я этого не поняла. Почувствовала неладное, только когда обратно к замку меня вели, слишком крепко держа за руки с двух сторон. Скорее как преступника, чем как дочку, которую хотят повеселить, внезапно подняв в воздух и раскачав, словно на качелях. Лин шел в стороне и молчал. Оба его золотисто-загорелых жилистых запястья были чисты от знаков. С метками ведь рождается только половина людей или около того. У мамы метки тоже не было, а отцу достался знак *хозяина* – маленький домик, символ того, кто обладает особой способностью создавать уют, где бы ни находился. Неплохой знак для короля.

В тот вечер, поговорив со мной, родители быстро заперлись в спальне. Я, сильно волнуясь, конечно, пошла подслушивать к дверям. Услышала я мало: двери у нас толстые, из сосны чуть ли не со Святой Горы. Но трех реплик на повышенных тонах было более-менее достаточно.

«Вот оно и проявилось, Плиinius!»

«Только бы хватило ей силенок на подолыше».

«Какие силенки? Нужно срочно искать гасителя, пока она не!...»

С той ночи правда для меня пахнет золотистой смолой, которую источает в тепле сосновая древесина. С той ночи я часто думаю, на сколько мне «хватит силенок» или они вообще уже закончились.

Наутро за завтраком я, даже не пытаюсь скрыть, что под-

слушала, спросила, кто же это – гаситель. Могла бы и догадаться: я получу сразу два туманных безрадостных ответа.

«Тот, благодаря кому ты, может быть, доживешь до двадцати», – сказала мама: она всегда сердилась из-за того, как я пренебрегаю правилами, что божескими, что родительскими.

«Тот, кому придется отдать тебе свою жизнь», – добавил отец, и вот тут я заревела. Стало совсем понятно: происходит что-то плохое. Я не нуждалась в чужих жизнях, мне хватало своей, она была маленькой, но я ее любила. Я плакала в голос, а родители молча глядели на меня: хмурая мама с холодным облаком золотых волос и сжатой в тонких пальцах маслиной; отец, похожий на большую темную гору, но явно мечтающий спрятаться за кувшином с молоком.

Лин тоже был там и сосредоточенно слушал. Смотрел на меня, смотрел, а потом подал наш тайный знак – ущипнул себя за мочки ушей – и удалился с кубком медовой воды на балкон. Это он пообещал мне все объяснить, поэтому я скоро перестала плакать, выскочила из-за стола и присоединилась к брату. Родители за нами не пошли: уже привыкли, что Лин как бы... не может долго с людьми, особенно тяжело ему по утрам. «Каким же ты будешь королем?» – ворчала иногда мать, все же вламываясь в его уединение. «Тихим и скромным», – шутил Лин, но глаза его, такие же глубоко-синие, как у нее и у меня, словно замерзли. Я знала, что он тоже боится или, скорее, не хочет: терпеть много придворных,

праздников и дел, и заводить жену, и каждый день общаться с нудными советниками, и много другого. Но выбора не было: корону всегда получает старший или старшая. И, что еще важнее, никто в здравом уме не коронует волшебника. История знает исключения, но лишь несколько. Во всех них замешаны или любовь, или отчаяние, или и то и другое. И ни одно не кончилось хорошо.

Я не знала о волшебниках ничего. При нашем дворе их не было, при других вроде как были, и среди наших подданных тоже – но это не слишком громкие люди. Они тоже подчиняются множеству правил: например, могут «помогать своим», но не могут «вредить чужим»; не имеют прав на власть, в определенные ночи года страдают от ужасных кошмаров – потому что их дар на самом деле краденый, и часть богов до сих пор человечество не простила. А главное, самое главное... чтобы протянуть хотя бы лет сорок, волшебнику нужен рядом *гаситель*. Иначе волшебник однажды просыпается с вывернутыми суставами или вытекшими глазами, без легкого или почки, без кожи, глубоко старым, не способным ходить. Дальше – или одновременно с этими увечьями, или еще раньше, чем они обрушатся, – волшебник начинает сходиться с ума. Видит галлюцинации, не контролирует плохие чувства. Становится похотливым или прожорливым, гневливым или вдруг мечтает захватить мир. У каждого это происходит в разном возрасте, в зависимости от того, насколько он развивает силы и сколько раз нарушает правила. Гаситель

– человек, близость которого замедляет все эти жестокие вещи. Волшебнику он может быть родственником, другом, мужем или женой, слугой, командиром – кем угодно, лишь бы рядом, физически и сердцем. Знак гасителя – тоже стрела, но повернутая в сторону локтя и без пламени. Гасителей мало, их невероятно трудно найти, многие волшебники так без них и погибают. Но родители обязательно найдут.

Примерно все это – только помягче, чтобы маленькая я не умерла от страха, – и сказал Лин, когда мы стояли на белом резном балкончике с кариатидами и глядели в голубую, полную пенистых барашков даль. Лин ко мне не поворачивался, брови его были сдвинуты, и он казался старше из-за серьезности. Я старалась скрыть, как напугана. Понимая, что хорошего не услышу, я все-таки подошла ближе, встала на носки и потянула его за край синей туники, перехваченной в талии золотым ремешком.

– Лин, – спросила я, – а ты не сможешь стать моим гасителем?

В тот миг я видела его профиль – и заметила, как грустно дрогнул край узкого темного рта.

– С метками рождаются, малыш. По-другому никак. – Он помедлил. – Но ты не бойся. Говорю, родители тебя не бросят.

– А ты? – Я запнулась. Снова вспомнила, в каком ужасе мама с папой – особенно мама – кричали на меня вчера. – Ты?... Ну... я же, получается, опасная...

Лин повернулся, заметил что-то на моем лице, удивленно наклонился. Его теплые ладони легли мне на плечи, легонько сжали и даже встряхнули. Я опять зашмыгала носом.

– Ну эй, – начал он, смотря мне в глаза. Улыбнулся уже по-другому. – Эй, малыш. Не настолько. Волшебники, знаешь ли, на самом деле всегда творили великие дела. – Он потрепал меня по волосам, вздохнул, и вид его стал рассеянно-мечтательным. – Орфо, был, например, у нашей страны великий король Арктус, так вот у него был большой отряд верных воинов, Боевое Братство, которое он собирал за Круглым столом, и еще придворный волшебник Марион – самый надежный его союзник и советник. Помогал укрощать чудовищ, берег от ошибок, всегда оставался лучшим другом. Знаешь Арктуса?

Я помотала головой. Родители пока читали мне в основном истории о богах: о верховном громовержце Зирусе и его добросердечной, но упрямой жене Гестет – покровителях всего живого; о сестрах-близнецах Окво, которые так много плакали, что разлили Святое море; о непреклонном Арфемисе, придумавшем «правило двадцати лет», когда его возмутил гнет одного людского тирана или тиранши. Я догадывалась, почему для меня выбирают такие сюжеты: чтобы я, как все жители Гирии, да и прочих стран, поскорее поняла и выучила правила. И конечно, я не решалась признаться: мне так не хватает историй о людях.

– Скоро узнаешь, я тебе почитаю. – Лин гибко выпрямил-

ся, снова облокотился на перила. Но его хитрый взгляд не отрывался от меня. – Тебе понравится, я думаю. И из тебя получится здоровская придворная волшебница. – Мои глаза округлились. – Да-да. Я бы этого очень хотел.

– Что же мне придется делать? – опасливо и одновременно с надеждой спросила я. Слова «придворная волшебница» звучали как большая, но интересная вещь.

– Защищать меня и мое Боевое Братство. Помогать нам. Быть умницей. Видеть больше, чем все вокруг, – начал важно перечислять он, но я немного споткнулась уже на первом пункте.

– У тебя нет Боевого Братства. Ты...

Тихий и скромный. Но я не решилась этого сказать. Лин наконец снова посмотрел на воду, убрал волосы со лба. Мне стало легче без его внимательного взгляда.

– Оно будет. Мне никуда от него не деться. Наверное.

– А если я... – Никак не получалось перестать думать о родительском страхе. И о других касающихся Лина вещах, с которыми мне было сложно.

– Орфо. – Как и не раз прежде, он угадал почти все, что я могла бы пролепетать. Залпом опустошил кубок, со стуком поставил на перила. Снова глянул на меня, но уже сверху вниз, не наклоняясь. – Орфо, запомни раз и навсегда: ты не опасна. По крайней мере, для меня. По крайней мере, пока. А чтобы все было хорошо, тебе просто нужен гаситель. Он найдется.

– А если... – залепетала я, но он перебил.

– Орфо, – повторил он. – Послушай. Я доверяю тебе. И всегда буду доверять. – Снова наклонившись, он протянул мне ладонь. – Король и его волшебница. На веки вечные. Ладно?

Я взялась за его горячие, липкие от меда пальцы сразу обеими ладонями. И улыбнулась, стараясь не думать о том, как сжимается сердце.

Я уходила с балкона, больше не плача, но бояться стала только сильнее. Я смотрела на свои руки, потом на всю себя в зеркало – пыталась понять, где прячется волшебство. В середине ладоней? Во лбу, в глазах? В груди? Все получилось так просто: я подумала стреножить Лина – и стреножила, подумала протащить по песку – и протащила. Что... Что же будет, если однажды я подумаю убить его? Или превратить во что-то? В какого-нибудь... зверя, не знаю? Вдруг я умею и это? А еще я все гадала, найдется ли для меня гаситель. И если да, то каким он будет. Вот бы кто-то, с кем я могла бы дружить. Вот бы кто-то... хороший.

Но чтобы я обрела гасителя, мне понадобилось потерять слишком много других вещей. Первыми были покой и мама.

Чудовище

Толпа низеньких серолицых подземцев *дрогфу*, возглавляемая моим котом, врывается под своды как раз в миг, когда я вытираю кровь из носа и перестаю ругать себя за пару внезапных слез. Темная тишина сразу наполняется возбужденными хриплыми криками, звоном бубенчиков на высоких колпаках, язычками факелов и тем неповторимым «хлоп-хлоп», с которым выстиранные трусы развеваются на ветру, а точнее, перепончатые крылья Скорфуса рассекают воздух.

– Ого, человечича! – подлетев и замерев рядом со мной и Монстром, изрекает он. Единственный глаз весело вспыхивает желтым. – Ты справилась!

Его голос еще ниже голосов подземных жителей – и не подумаешь, как противно он может мяукать, когда хочет есть. Крылья, черные с синими прожилками, обдают меня прохладой – затхлой, но куда менее колкой, чем недавно дыхание Монстра. На всякий случай я пинаю добычу в бок – и наконец велю хлысту окончательно ослабить петлю. Толпа дрогфу тут же несется вперед, некоторые грозно машут короткими копиями, и я спешу напомнить:

– Не убивать! Только связать!

Они принимаются за работу, но все равно приходится следить, чтобы кто-нибудь из этих неравнодушных граждан не

ткнул в серые ребра оружием, или факелом, или еще чем-нибудь, что может прятать в пестрой куртке, за сапогом и в том самом увенчанном бубенчиком колпаке. Подземцы слишком долго мучились с этим существом, бесконечно носившимся по их прекрасным кристальным пещерам и каждый раз кого-то пожиравшим. Подземцы устали от того, как тварь проникала в их сны, лишала воли, заводила в темные уголки и приканчивала. Подземцы, когда я с ними встретилась, были в гневе и ужасе сразу. Поэтому теперь я боюсь: вдруг обещание – отдать мне Монстра, если я с ним справлюсь, – они заберут назад и учинят немедленную расправу.

Но они вяжут своего огромного врага смирно и тихо: пять добровольцев орудуют веревками из пещерных водорослей, пять других страхуют на случай чего, а еще десять – местные токсоты², судя по тому, что колпаки желтые, – держат оцепление, не подпуская сердитых сородичей. Еще какое-то время я слежу, с трудом скрывая любопытство. Все-таки занятный народец, жаль, что больше я их, похоже, никогда не увижу. Дрогфу оказались довольно милыми. Они вкусно готовят слепую пещерную рыбу и пюре из тины. Знают все языки мира. И, что для меня, пожалуй, главное – у дрогфу вообще нет правил. И с богами все тоже очень условно. То ли жители Святой Горы о них забыли, то ли махнули рукой, то ли Скорфус прав и это действительно *совсем* другой мир. Точнее, не мир вовсе.

² *Токсоты* – название полиции и городской стражи в Афинах.

– Предатель, – отвлекшись, все же бросаю я своему коту, и он от возмущения переворачивается в воздухе. Густая черная шерсть ловит алые и рыжие блики.

– Я-а-а? – Это уже больше похоже на свойственное обычным кошкам обиженное «мяу». – Да я, между прочим, привел вот эту группу поддержки, и еще...

– Ты бросил меня, – отрезаю я, вспомнив, как быстро скрылся за поворотом тоннеля кончик его пушистого хвоста. – Нет тебе прощения.

– Неправда! – рывкает он, но, посмотрев в мои прищуренные глаза, тут же осекается и закатывает свой. – А-а. Ты шутишь, человечича. Ну да, ну да. Нет мне прощения.

Конечно, я шучу: потеряю еще и Скорфуса – мне точно конец. Я совершенно не была заинтересована в том, чтобы Монстр поймал его и разодрал, тем более магия моего... ладно, питомца, хотя Скорфус не кот, а фамилляр... сделала бы его сильнее. Дрогфу предупредили меня: Монстр набирал мощь с каждой отнятой жизнью. И жизнь, например, жреца, выращивающего кристаллы, питала его лучше, чем жизнь рядового гоплита³. Не говоря уже о том, что Скорфус не так чтобы любит драться. Он вообще по большому счету довольно мирное существо.

– Ты сделал то, что я тебя просила? – уточняю, уже примирительно почесывая ему голову между острых ушей.

– Пур-р-р-р, – отзывается он, но спохватывается и сбав-

³ *Гоплит* – название воинов в Древней Греции.

ляет тон на сухой и деловитый: – Да-да, транспорт там. – Он бегом кивает в сторону тоннеля. – Не карета, но сойдет.

– Отлично. – Я снова тревожно кошусь на дрогфу. Они уже почти связали Монстра. – Эй! – Я взмахом руки привлекаю их внимание. – Пасть... рот... тоже завяжите.

– Хм. – Еще не повернувшись, я чувствую, *как* Скорфус на меня смотрит. – У меня, конечно, нет дипломатического образования, но мне кажется, это не лучшее начало.

– Мне нужно подготовиться, – напрямую сообщаю я, и Скорфус разумно затыкается, на его островатой морде даже проступает что-то вроде сочувствия. – Да и слушай, судя по всему, разговаривать он все равно пока не может. А от его рева могут упасть сталактиты.

Запоздало понимаю: вторым доводом можно было и ограничиться. Уровень моего доверия к моему же коту порой меня пугает.

– Как всегда разумна, как всегда предусмотрительна, – изрекает он, вздыхает и сам трется пушистой макушкой о мою ладонь. – Ладно... Не расстраивайся, Орфо. Ты в любом случае сегодня молодец.

– А еще уважаю чужое жилище, – все так же запоздало добавляю я, кусаю губу и снова смотрю на дрогфу. Они расступились. Связанный Монстр лежит в поблескивающем круге маленьких начищенных сапог. Он все еще без сознания и все еще ужасен, несмотря на то, что изуродованную кожу и торчащие ребра скрывают путы. – О боги, Скорфус. Мы ведь

точно...

– Да, да, успокойся. – Судя по тяжести на плече, он садится туда; судя по влажной шершавости на шее, начинает зализывать одну из моих ран. – Это даже не будет сложно, первые подвижки ты, думаю, увидишь по пути. А дальше... просто нужен другой воздух.

– Какая все-таки я дрянь, – срывается с губ само. Взгляда от Монстра я так и не отвожу.

– Ты была малышкой, человечича, – спокойно отзывается Скорфус. – К тому же, если я понимаю правильно, все не так просто. Твой брат...

Монстр со сдавленным стоном шевелится. Получеловеческая голова его ворочается вправо-влево и замирает снова. Кто-то из дрогфу плюет ему в лицо, остальные начинают лопотать ругательства. Тревожно. Мерзко. Стыд прожигает до печенок. Взяв себя в руки, я останавливаю Скорфуса до того, как мне захочется зажать уши.

– Оставим это на потом. Нам пора.

Он не спорит – легко слетает с плеча, хлопнув крыльями у самого моего уха. Устремляется к подземцам и, зависнув под их замороженными, полными почти обожания взглядами, велит:

– Тащите его к телеге.

Чтобы поднять Монстра, нужно сразу десять дрогфу. Они несут его так низко, что серое человеческое запястье, торчащее из веревок, волочится по полу и бьется о камни. Лучше

поправить эти путы, потому что вдруг он освободится? Лучше поправить, потому что ему больно.

Но я не могу.

Принцесса

Наши боги и богини считают войны довольно полезным делом. Иногда кто-то из них выбирает одну человеческую сторону, кто-то – другую, и так они выясняют отношения. Делят смертных друзей и врагов. Хорошеньких жриц или жрецов. Яблоки и вино. Земли, которым покровительствуют. Всякие сокровища, которые хранят на Горе. Какая человеческая сторона выиграет, такой бог и победит. Для них это вроде как сыграть в настольную игру за чашей вина.

Но чаще все же бывают войны, на которые богам плевать: недовольно смолкнув, они лишь наблюдают и, вероятно, изумляются смертной глупости. Наша оказалась такой.

Когда Гирия напала на Физалию, я была слишком мала, чтобы понять, что именно нам там нужно. Да даже отец не до конца понимал – войну задумала мама. Говорила, будто Физалия много о себе возомнила. Будто ее волшебники – а там больше волшебников, чем у нас, – начинают вмешиваться в дела других стран. Будто они проникают в умы королей, императоров и консулов, и именно поэтому Физалию резко полюбили: все охотнее ездят к ним, чем к нам, покупают у них, чем у нас, хотят дружить с их правителем. Даже желтая императрица Ийтакоса и голубая императрица Хиды – наши самые верные, давние друзья – стали бывать там слишком часто.

Сейчас я догадываюсь: это была ложь. Волшебники не могут настолько нарушать правила, и способности воздействовать на других у большинства нет. Дело в ином: Физалия в прошлом – наша провинция. Так было веками, провинций у нас много, но однажды именно Физалия снискала особую благосклонность одного из наших королей – моего прадеда Иникихара – и стала независимой. Ей даже не понадобилось отвоевывать свободу. А потом она начала расцветать.

Мы тоже не бедствовали, другие страны дружили и с нами. Нам не было равных в сыре, вине, выделанной коже, дешёвых тканях и строительном мраморе. Но все равно мама злилась. Особенно когда узнала, что физальский король Гринорис вот-вот выдаст дочь за сына консула Игапты – самой большой, процветающей страны на континенте Святой Горы. Страны с огромной армией и особым покровительством самого Зируса. Страны, мнившей о себе, по мнению мамы, ещё больше.

Повод нашёлся вскоре – случилась бойня на острове Пери. Ту территорию, полную вулканов и самоцветных залежей, мы делили со дня, как Физалия освободилась. Половину населения там составляли гирийцы, а половину – физальцы. Жили они дружно, работу делили на всех – добывали обсидиан, проясняющий разум, гематит, останавливающий кровь, и священный лазурит, облегчающий агонию. Говорили на обоих диалектах нашего общего континентального языка. Над замком Дуумвирата – союза двух правящих

островом патрициев-наместников, гирийского и физальского, – развевались сразу два флага.

Маме было мало этого, залежами она хотела владеть безраздельно. На Пери тайно отправились ее младшие братья – чтобы убедить островитян перейти под нашу юрисдикцию, соблазнить их привилегиями вроде низких налогов. Но оказалось, не они одни вели подобные разговоры, Гринорис лелеял те же планы. Он был убедительнее, щедрее, обаятельнее, и большая часть народа уже выбрала физальский путь, путь дружбы с охочими до лазурита игаптянами. За попытку убить Дуумвират и захватить власть моих дядь растерзала разъяренная толпа, ну а вскоре, несмотря на официальные извинения короля за эту расправу, мама ввела войска – сначала на остров, потом в физальскую столицу, во имя *мести и превентивности*. Она верила, что это убийство – лишь часть будущих козней Гринориса. Она верила и во многое другое, о чем мы больше не говорим.

Сейчас я понимаю: она, никогда не любившая братьев сверх меры, скорее всего, знала, куда отправляет их – хилых, бестолковых, но постоянно требовавших должности в Сенате и ужасно мечтавших о славе. И не просто так задолго до этого по Гирии поползли чудовищные слухи: якобы физальцы *дичают*. Перенимают все больше темных практик у игаптян – например, мумифицировать тела в надежде оживить их; вспоминают собственные древние зверства – такие, как обычай сбрасывать со Святого утеса или скармливать сви-

ням слабых младенцев. Мама доводила меня до тошноты, то рассказывая подобное, то кроваво расписывая мучения дядь. А я не задумывалась о том, что Святое море нельзя осквернять кровью, тем более детской: это правило соблюдают все страны. Как не знала я о том, что физальцы не выращивают свиней, их кормит рыболовство, а не скотоводство. Мама твердила: «Игапта растит ручное чудовище. Если не призвать физальцев к порядку, они вместе уничтожат нас. Это мы должны главенствовать на континенте. Мы, не кто-то другой». Ее глаза горели. Она сама надевала торакс, брала два меча – в нарушение правил лишь у одного было женское имя, у второго мужское – и шла в бой.

Лишь многим позже я поняла: она опутывала меня жестокими выдумками. А тогда безнадежно раскаивалась за то, что киваю с пустым сердцем. За то, что мне не жалко болтливых дядь – толстого и тонкого, с одинаково кислыми лицами и быстрыми глазами. За то, что считаю: надо было им сидеть дома, а физальцы никакая не «часть нашей цивилизации». У них же волосы другие, и одежду они носят странную, и вообще! Они ведь были таким же древним народом, как мы, – пока однажды беда не вынудила их покориться.

Мы воевали год. Боги нами так и не заинтересовались, а вот Игапта физальцам помогла: брак случился. Все кончилось, без приобретений для кого-либо, зато с потерями для всех. Я до сих пор гадаю: зачем было начинать? Мама поражения не перенесла, прыгнула с утеса почти сразу, как отец

запросил мира. Ужасно, но я скорбела меньше, чем подобало. Мама к тому времени казалась сумасшедшей и чужой, мне не нравилось, что она постоянно уезжает командовать армиями и сечет плетью каждого, кто спрашивает: «Госпожа, когда остановится война?» или кричит на улице: «Нет бойне, нет королеве!» Лину было тяжелее: они с мамой очень любили друг друга. После ее смерти он прибирался на могиле каждые несколько дней.

Но та война принесла мне и хорошее. Одно-единственное. Эвера.

Ему было пятнадцать – на три года больше, чем Лину. Он, обычный ученик военного медика, попал в плен в одной из последних битв. Его выловили из воды, когда потопили корабль, где тот медик находился. Эвер никогда не рассказывал о том дне, ничего, кроме единственной детали: что, даже теряя сознание, очень боялся падать, потому что вода была в трупах. А когда очнулся, наш медик, осматривавший его, уже нашел на левом запястье – где и у всех меченых – маленькую устремленную к локтю стрелу и доложил об этом отцу.

Здесь сошлось все: то, как быстро начали готовить перемирие; то, что Эвер ненадолго забыл свое имя; то, что его оказалось некому спасать. О нем вообще не вспомнили, а если бы вспомнили, вряд ли бы это помогло: отец почти сразу решил его не отдавать. Мама разбила его сердце, теперь он ужасно боялся потерять еще и меня и готов был на что угодно.

но, лишь бы я обзавелась гасителем прямо сейчас. К тому же Эвер – хрупкий, брошенный, спокойный, вежливый – сразу ему понравился. А Эверу, хотя признался он намного позже, понравился мой отец. Не удивительно: *хозяева*, как правило, нравятся всем, с ними чувствуешь себя нужным и обогретым, даже если они просто тебе улыбаются и спрашивают, который час. К тому же старый физальский медик был вовсе не опекуном, а владельцем Эвера. Плохо с ним обращался, держал как прислугу, делал мерзкие вещи, которых маленькая я не могла даже вообразить. И когда мой отец предложил Эверу отдельные покои, хорошую одежду и возможность все свободное время жить как вздумается, он согласился. К тому же, наверное, ему было обидно: физальцы бросили его. Без владельца, который в той битве погиб, Эвера для них просто не существовало. Как и всех прочих рабов.

Я не ждала его и не так чтобы хотела нашей встречи. Мои силы пока вели себя спокойно. Дважды я предугадала исходы битв, имена военачальников, которые к нам не вернутся, и тех, которые маму предадут. Один раз неосознанно записала список кораблей, которые физальцы к концу войны потопят. Пару раз отпихнула силой мысли слуг, пытавшихся оторвать меня от мамы, – я все время вцеплялась в нее, когда она собиралась на линию боев и тащила «за зрелищами» бедного перепуганного Лина. Еще были кошмары, но магической ли природы? Не помню. Вроде они походили на более поздние, уже точно магические – вязкие, липкие, полные

то тварей, разрывающих меня на части, то огня, в котором я горю заживо. Так или иначе, я не мучилась сильно и никому не желала зла, а значит, оставалась в уме. Но отец все равно беспокоился только больше и заражал меня страхом. Слишком часто спрашивал: «Как ты себя чувствуешь, Орфо?» Слишком часто одергивал: «Не смотри на кухарку так пристально, Орфо, вдруг ты что-то ей сделаешь?» «Что тебе снилось, Орфо?» И когда мамы не стало, моя судьба была решена.

– Орфо, это Эвер. Он твой гаситель.

В день, когда отец сказал это, я, как обычно, возилась в саду: пыталась пристроить в тенистом уголке у крепостной стены лесные ландыши. Земля там была каменистая, щебенку предстояло сначала расковырять и убрать, потом – все прорыхлить, полить, удобрить и только уже дальше сажать. Этим я и занималась, орудуя то маленькой лопаткой, то – когда теряла терпение – ногтями. Голос отца отзывался мурашками в моей взмокшей спине. Я замерла. Уставилась на потревоженного краснопузого жука-толстяка, бежавшего наутек по земляным руинам. Позавидовала ему.

– Орфо, – снова позвал отец, но я чувствовала: он стоит по-прежнему далеко. Даже он меня побаивался. Второй человек молчал.

Я медленно положила лопатку на траву, поднялась. Постояла так несколько секунд, глубоко дыша через нос, затем быстро обернулась. Отец – моя любимая темная гора – ка-

зался особенно огромным и грозным. Из-за существа, которое было рядом.

Оно смотрело на меня внимательно, наверное, так же настороженно, как я на него. Оно было в белом – не наш, не гирейский цвет. У нас любят бежевые, медовые, красные, серые, синие краски. А тут белая туника – нет, рубашка, судя по тому, что вместо шнуровки ряд перламутровых пуговиц, – и свободные штаны, которые у физальцев, кажется, называются швары. Светлые волосы почти как у мамы: не слишком длинные, похожие на прохладное, подсвеченное солнцем облако. Но «существом» я назвала его из-за глаз – бирюзовых, прозрачных и больших. Больше, чем у всех в нашей семье, больше, чем у придворных и слуг. Странно, но в тот момент я подумала: все правильно. Физалия и должна была снова стать отдельной страной, рано или поздно. Там люди с совсем другими глазами. Цвета моря, которое они избрали покровителем в древние-древние времена. Как вообще могли они подчиниться таким, как мы, – людям с глазами цвета медной монеты, оливковой древесины, темной ночи? Но так случилось, были мрачные годы, которые этому поспособствовали.

– Привет, – тихо сказал он. У него был еще юный, но глубокий голос и совсем слабый акцент: все согласные звучали чуть мягче, чем на самом деле, будто скруглялись.

Я все стояла, растерянно перебирая грязными пальцами воздух. Этот... Эвер, да?.. был таким белым, а под моими

ногтями густо чернела земля. Я поморщилась и отвернулась, неожиданно разозлившись на папу: нашел время! Мог бы велеть причесать меня, и одеть в платье, и все такое...

– Вот видишь, – снова заговорил папа. – Непросто с ней. Злая моя дочура. Вся в мать.

Я вспыхнула: пожалуй, это худшее, что я когда-либо слышала. Захотелось подобрать камень и бросить в этих двоих, но я сделала иначе – опять в упор уставилась на отца и мысленно дернула сразу за оба его пышных уса. Он охнул, схватившись за место между носом и губами. В темных глазах блеснула такая обида, что я сразу устыдилась. Это же папа. И он старается.

– Так ли непросто? – Эвер спросил словно в пустоту, а больше ничего не сказал. Его не развеселила и не разозлила моя выходка, он ее будто не заметил. Это было странно: выглядел он лет на пятнадцать, а держался-то как совсем взрослый. Отец задумчиво на него посмотрел.

– Ты осторожнее. – Он отвел ладонь, за которой, как оказалось, уже зажглась знакомая, любимая мной улыбка. – Но не думай, она у меня очень хорошая, только вот...

– Она здесь, – тихо прервал Эвер. Я растерялась снова: отца не полагалось перебивать. – Не стоит говорить так, будто ее нет.

Это, видимо, было какое-то правило, которого я не знала: отец, смутившись, кивнул. Расправил плечи, пошел мне навстречу, приблизился и приобнял – насколько позволял его

огромный рост. Я сразу успокоилась и прижалась к его теплomu боку. От него пахло кожей и маслом, наконец-то – не разогретым металлом. Торакс он перестал носить не так давно, весь год мама заставляла надевать его, боясь покушений со стороны недовольного народа. Хотя недоволен народ был прежде всего ею.

– Пойдем, познакомитесь. – И он повел меня к Эверу. Я шла покорно, только украдкой вытирала грязные руки: одну о свою тунику, другую – об отцовский плащ.

Когда мы поравнялись, Эвер так и не шелохнулся. Он продолжал внимательно меня разглядывать, и я поняла, что еще с ним не так: у него... медленные глаза. Они двигались, но вполосину не так быстро, как у отца, напоминали самоцветы, но в то же время казались чуть заледенелыми. Еще он был бледным, бледнее нас. В мраморно-нежных мочках ушей блестели серебряные гвоздики, а на шее темнел широкий, розоватый, с багровыми краями след, охватывая ее. Я понимала, что это неправильно, но устояла на поврежденную кожу во все глаза. Испугалась. Эвер этот взгляд поймал. Спокойно коснулся полоски пальцем, провел влево.

– Я носил ошейник. Но больше не буду. Все обязательно скоро заживет, не переживай.

Наши глаза встретились, и он вдруг улыбнулся, слегка наклоняясь. В его лице правда читалось это – благодарность вместе с пониманием. Я все еще была грязной и красной от злости из-за слов про маму, но мне стало чуть лучше. Я не

решилась улыбнуться в ответ, но кивнула.

– Дай ему руку, Орфо, – попросил отец. Он не вмешивался в разговор. Я с сомнением посмотрела на Эвера, почему-то желая, чтобы он кивнул, и правильно: кивка не последовало, лицо дрогнуло. Там отразился пусть не страх, но какое-то страдание. Отец тоже это заметил. – Хорошо, Эвер. Дай ей руку первым. Она не укусит.

Это тоже стоило ему усилия, но меньшего. Он наклонился еще, и белая худая ладонь замерла в воздухе. Взгляд не отрывался от меня. Глазами я спросила: «Можно?» – и теперь он кивнул. Я взялась одной рукой за его кисть, сразу почувствовав приятную прохладу пальцев, а другой несмело подняла рукав рубашки. Понадобилось совсем чуть-чуть. Стрела была там, точно такая, как мне описывали: без пламени на наконечнике, устремленная к локтю. Эвер так же осторожно коснулся моей левой руки и отодвинул ткань. Язычок пламени, охватывающий мою стрелу, мигнул золотым, потом красным и снова почернел. Так же вспыхнула-погасла стрела Эвера. Метки, неразрывно связанные по воле богов, признали друг друга.

– Вот и все, не так страшно, правда? – тихо спросил он, но его пальцы подрагивали в моих. Я еще не понимала, что дело в самом касании. Думала, он волнуется или стесняется. Ведь сама я волновалась и стеснялась очень сильно.

– Угу, – только и получилось сказать, и я не сразу сообщила, что заговорила впервые с их с отцом появления. –

Запачкала...

Это я говорила о следах своих грязных пальцев на его белой коже. Он покачал головой, улыбнулся снова и, освободившись, стал отряхиваться. Даже это он делал аккуратно и как-то невесомо. Голову опустил, светлые ресницы прикрыли глаза. На лоб падали волосы. Мамины были, несмотря на внешнюю легкость, жесткими, как щетинка, интересно, какие у него?

– Чувствуешь что-нибудь? – пробормотал отец.

Судя по тому, что Эвер молчал, вопрос предназначался мне. Я помотала головой. Правда не чувствовала, по крайней мере, ничего магического. Может, почувствовала бы, если бы прежде мне было плохо. Но мне не было.

– Ладно. – Он прокашлялся. Я вдруг поняла: ему хочется скорее убраться подальше. Не знаю почему. – Тогда я вас оставлю, мне еще сегодня говорить с вдовами наших гоплитов, а Лину хорошо бы поддержать детишек.

– Я опять буду обедать без вас?! – Все-таки вырвалось, хотя я даже зубами щелкнула в надежде прикусить язык. Поздно. Ляпнула, да еще с обидой.

– Дела, дочура. – Отец снова потрепал меня по плечу. Ладонь была очень горячей. – Сама уже понимаешь, войны кончаются – беды остаются. Зато можешь сегодня пообедать в саду. – Он легонько кивнул на Эвера. – Можете вместе.

Я снова подняла глаза. Эвер слушал молча, со странным лицом, на котором будто бы опять читалось сочувствие. Ко-

го он жалел: меня, отца или себя, вынужденного отныне и навеки сопровождать чужую девочку из вражеской страны? Девочку, которая может в любой момент сойти с ума и убить его.

– Хочешь? – без обиняков спросила я, грозно глянув исподлобья: вдруг поняла, что обижусь, если он откажется.

Он кивнул без колебания. И отец, не скрывая облегчения, нас покинул.

Едва он скрылся за большими лохматыми кипарисами, несшими в моем уголке караул, я подступила к Эверу ближе и окинула его новым взглядом. Еще раз рассмотрела белую одежду, и простой кожаный пояс, перетягивающий рубашку, и серебряные сережки, и пальцы – без единого кольца, непривычно для Гирии, где не унижать себя перстнями – все равно что выйти на улицу голым. Мне еще не полагались кольца, но Лин их уже носил. И тем более должен был надеть Эвер.

Я взяла его руку снова и стала придирчиво рассматривать пальцы. Он легонько дернулся.

– Ты не думай, – сказала я ему. – Я еще не сумасшедшая.

Он промолчал, но глаза многое сказали. «Не трогай меня, пожалуйста» – не злое, не презрительное, не снисходительно-взрослое, просто усталое и почти умоляющее. Мне стало неловко, я его отпустила. Снова, кажется, начала краснеть, я ведь чувствовала: что-то не так. Но я была слишком маленькой, чтобы понять, почему лучше правда не дотрагиваться

до него лишний раз. Даже отец ведь не дотрагивался, хотя обычно хлопает по плечу или спине всех, кто хоть сколь-нибудь ему нравится. Я списала это на свои грязные руки. И на страх.

– Ладно, пойду сажать цветы. – Мне уже тоже хотелось как-то спрятаться. Не дожидаясь ответа, я развернулась, побрела к стене. Снова начала перебирать пальцами воздух.

– Я могу помочь? – тихо донеслось в спину.

Я не стала оглядываться и говорить «нет», только помотала головой. Почему-то точно знала: он не будет навязываться. Знала, что для него не навязываться важно.

– Я должен быть с тобой как можно больше, – все же напомнил он, и это «должен» кольнуло меня.

Глупая. Я же ненадолго забыла, что Эвер моя... обслуга, ну или почти обслуга, не знаю точно, как это назвать, *обслугой* гасителей называла только мама. В общем, Эвер здесь не потому, что я ему нравлюсь. Он здесь по приказу отца. И потому, что иначе я могу сойти с ума, лишиться ног или без всякого предупреждения превратиться в сухую горбатую старушку без глаз.

– Тогда сядь вон там, в тени. – Все так же не оборачиваясь, я махнула грязной рукой в сторону кипарисов. – Солнце высоко.

Я не видела, послушался ли он, шагов тоже было не слышно. Не хотелось проверять. Я вернулась в свой уголок, взяла лопатку и принялась сосредоточенно выковыривать из зем-

ли самые крупные камешки. Ужасное место... уродское. Но только здесь садовники не насовали гадких роз, гортензий и гвоздик, обожаемых мамой, а еще тут достаточно тенисто, чтобы ландышам было хорошо. Земля не такая и плохая, если прорыхлить. В другом уголке у меня отлично растут лесная земляника и виолы, хотя впору расти скорее каким-нибудь колючим жителям пустынных долин Игапты.

Я принялась за работу: это помогало меньше думать. И о мертвой маме, и о Лине с отцом, которых я не увижу до вечера, и о том, что теперь у меня есть... обслуга. Обслуга, которая, видимо, будет отвечать за меня. Обслуга, за которую буду отвечать я, потому что нет, нет, нет, я не хочу сходить с ума и кого-то убивать! Эвер вроде славный. Очень даже. Я буду общаться с ним, как с другими работающими в замке людьми, просто постараюсь держаться подальше. Чтобы в случае, если я начну сходить с ума слишком рано, он успел спрятаться или убежать.

Я ужасно боялась этого – ну, сумасшествия. Правда боялась, спасибо маме и папе. Я успела узнать, что даже гасители не панацея, рано или поздно волшебник все равно увечится и сходит с ума. Хорошо, если в таком порядке: от калеки вреда все-таки меньше. Но не всегда. Брат нашего прадеда, того самого Иникихара, перебил целый пляж, когда лишился рассудка. К тому времени он уже двигался только на четвереньках: спина не разгибалась от дикой боли, хотя ему было лишь двадцать пять или около того. Так случается чаще все-

го, если дар очень сильный. У брата прадедушки был такой, он даже летал, чего не умеет никто, много веков. Я не была и вполтину так сильна, но все равно иногда становилось жутко. А потом я от страха отмахивалась и уверяла себя, что мне повезет – повезло же моей прабабушке Эагре, жене Иникихара! Хотя как сказать, умерла-то она тоже молодой... И все же. Кому-то везло дожить и до сорока. И чуть больше...

Я все рыла землю, пытаюсь сделать ее пригодной для ландышей. Они, склонив белые головки, наблюдали за мной из сгустка тени, где я их укрыла, – каждый был вкопан во влажный кусочек родной лесной земли. Каждый предстояло хорошо посадить.

Эвер тоже на ландыши похож.

Странная мысль, я не заметила, как захихикала из-за нее. Но правда: у ландышей белые цветки, широкие плотные листья, сама... осанка, или не знаю, как это обозвать, какая-то благородная. И тень. Я почему-то была уверена, что Эвер любит тень, что правильно я его услала туда.

Он все это время молчал. Я вроде чувствовала его взгляд, но боялась повернуться и проверить. Что, если он подумал, подумал да и ушел? Решил побыть со мной в какой-нибудь другой раз? Если я совсем ему не понравилась, раз не хочу разговаривать, если...

– Ты устала, – раздалось над головой. – Сходи лучше к пруду. За мхом.

Я не вздрогнула, я вообще почти никогда не вздрагиваю, –

наоборот, замерла с занесенными над разрытой ямой руками. Подняла глаза и увидела Эвера рядом. Он присел на корточки. Забрал мою лопатку. Прищурился, оглядывая землю, а потом решительно копнул ее, с такой силой, что поддел сразу много камней. Они полетели в стороны, в том числе на его штаны. Он и не заметил.

– За мхом? – бездумно переспросила я. Он кивнул.

– Ландыши любят мох. Лучше окружить их им, он будет удерживать воду, если что.

– Если что? – уточнила я. Он улыбнулся.

– Например, если забудешь полить. В лесу почти всегда довольно влажно, ты ведь знаешь.

Я не знала, но не могла сказать. К замковой территории, с противоположной от моря и города стороны, прилегал лес, но туда в основном ходили слуги – за грибами, ягодами, дичью. Меня лес завораживал, я порой просилась с ними и даже тащила на прогулку отца, но все-таки случалось это редко. Я не знала, как, чем лес живет. Всякий раз была уверена, что его сырая, тенистая, зеленая прохлада – чарующая случайность, которую мне повезло застать.

Я кивнула и пошла, ничего не ответив. Но все это время – пока добрела до выложенного камешками водоема, пока нашла место с самыми густыми изумрудными подушками, пока оторвала немного в тех местах, где садовники особо не заметят, – я продолжала думать. Почему все-таки он решил помочь? На его месте я бы радовалась, что меня отослали

просто отдыхать в тень. Разве он не должен бояться приближаться ко мне лишний раз?

Проблема гасителей – их поиска – в том и есть. В отличие от остальных демосов гасители часто скрывают клейма. Не хотят быть привязанными к чужому человеку: ведь если попадутся, как Эвер, их могут и заставить, особенно если волшебник высокопоставленный, если помощь ему – вопрос безопасности государства. В наших законах даже прописано: «Каждый гаситель обязан исполнять долг». Это не то правило, за нарушение которого накажут боги, но то, за исполнением которого внимательно следят люди. Матери гасителей или повитухи должны сообщать о появлении таких младенцев сразу. Конечно, это не работает: узы на много лет, угроза смерти от руки сумасшедшего – никто не хочет этого для своего ребенка. Гасители прячутся. Содрать кожу с клеймом нельзя; поверх татуировок и шрамов оно тоже проступит. Даже если отрежешь руку, оно появится на другой, а может и на лице. В детстве я не понимала, как это несправедливо, а еще несправедливее, что ни один другой демос не связан такими ограничениями. В детстве я и заподозрить не могла, к чему само наличие «Закона о долге гасителей» приведет меня. Моего брата. Его друзей. И Эвера.

Я вернулась с ладонями, мокрыми от мшистой тяжести. Зеленые подушечки лежали на них и пахли лесом – удивительно, ведь лес был далеко. Эвер уже разрыл, удобрил и даже полил землю, а теперь просто сидел на корточках и вни-

мательно смотрел на меня. Снизу вверх. Странно. Легкий ветер дрожал в его волосах, взгляд казался оживленным – будто Эверу нравилось то, чем он занимался. Он молча кивнул на ландыши: похоже, смирился, что я не слишком-то разговорчивая. Я сложила мох в траву, сходила за саженцами, принесла их и начала расселять в новом жилище. Эвер аккуратно присыпал каждый землей и снова немного поливал. Потом мы уложили вокруг мох. Все это время между нами висела тишина.

Получилось не так чтобы красиво; ландышам не понравилась пересадка. Они понурили головки и листья, я расстроено оглядела их и вздохнула.

– Не переживай, – сказал вдруг Эвер. – На новом месте всегда тяжело. Нужно привыкать.

Я медленно повернула к нему голову. Поняла, что он все не о цветах.

– Расскажи о себе, – выпалила я, прежде чем прикусила бы язык. Опять, как с папой, запоздало клацнула зубами. Эвер явно это услышал: на секунду приподнял широкие брови-полумесяцы. – Ну... хоть что-то.

– Что, например? – спокойно спросил он, тоже не отводя глаз. Я не могла понять, неприятно ли ему, и потому терялась.

– Ну... ну... – Теперь прикусить язык хотелось из-за глупости. – Почему ты... не убегаешь, например? Или только задумал побег?

Эвер помедлил, не меняясь в лице. Но потом его губы дрогнули так сильно, будто он вот-вот расхохочется; они даже приоткрылись, и мелькнули зубы – ровные, белые, островатые и крупноватые ровно настолько, чтобы оставаться красивыми.

– Так я тебе и сказал! – фыркнул он, и я невольно улыбнулась в ответ. Мы продолжали друг на друга смотреть. – А если серьезно... нет, Орфо. Нет. Мне некуда идти.

Он опустил глаза и стал выравнивать мох. Я смотрела на его губы, нос, светлые ресницы, пытаюсь ко всему этому привыкнуть: было пора. Шумно выдохнула. И требовательно спросила:

– Это почему?

Эвер молчал. Но я уже не могла оставить его в покое.

– Ты... ты что, не хочешь домой? – Это плохо укладывалось в моей голове. – И не расстраиваешься, что твой демос раскрыли?

Что ты здесь, что я здесь, что мы брали друг друга за руки и теперь связаны? Но этого я не произнесла. Эвер снова посмотрел на меня, теперь как-то странно – словно бы с удивлением.

– Я не знаю. – Трудно было угадать, к какому из двух вопросов относится ответ. Или к обоим? – Пока не знаю, многого не знаю, но обязательно пойму. Как и ты.

Это было правдой, я тоже запуталась. Я робко кивнула.

– Что касается демоса. – Эвер поднял руку, поправил во-

лосы – убрал падающую на лоб густую копну. Серьги блеснули. – Не все скрывают его. Я и не думал, что буду это делать. Просто в моем даре никто прежде не нуждался.

– Никто? – Я не поверила. Сорвала пучок травы, стала протирать им руки, даже не замечая, что пачкаюсь только сильнее. – Но говорят, в Физалии в последнее время родилось много волшебников и вообще всегда было немало...

– И там достаточно гасителей. – Эвер кивнул. Звучало невероятно: в нашей-то стране гасителя не найти. – Закон о долге у нас отменили несколько лет назад. Физальские гасители сами решают, помогать ли волшебникам. И большинство отвечает «да» на этот вопрос просто из милосердия. И потому что волшебники ценят их.

Я понурилась. Война, которую начала мама, и так казалась мне неправильной. А после такого признания и вовсе выглядела дикой. Физальцы что, цивилизованнее нас?

– Со мной проще, – продолжил Эвер. Тон его изменился, стал холоднее. – Во мне не нуждались. Хозяин воспринимал мое клеймо как... вложение в будущее и надеялся позже перепродать меня подороже. В какой-нибудь другой стране, где в гасителях больше нужды. А до этого я был нужен ему для... – Я подняла глаза. Мне показалось, что он стал бледнее, что немного начал задыхаться, – других вещей. Разной помощи. Вот.

– Хозяин, – повторила я.

Прозвучало вопросительно: слово ассоциировалось у ме-

ня только с папиным клеймом. Хороший человек, который умеет всех поддержать шуткой или делом. Любит танцевать на винограде, печь лепешки на пару с главной кухаркой и колоть дрова. Ловко заправляет одеяло в пододеяльник. Может сам отправиться на охоту за «мясным ужином» или наловить рыбы в море и знает, что где лежит, даже если об этом забыли все управляющие и мама.

– Хозяин, – повторил Эвер все тем же неживым голосом. – Да. Но это другое. *Другое*, просто забудь пока, хорошо?

Я не шевелилась. Кивнуть не получалось. Почему-то стало страшно.

– Расскажи мне о себе, – повторила я и прибавила тверже. – Все. Я хочу знать. Ведь мы теперь вместе, правда?

Он опять приоткрыл рот в удивлении. Потом его глаза сверкнули яркой бирюзой. Пальцы, такие же грязно-черные, как у меня, потянулись к шее, но, не тронув ее, опустились. Он явно колебался, но наконец что-то решил.

– С чего бы начать, – вздохнул он. – Пожалуй, с того, что есть на свете рынки, где продаются люди...

Чудовище

Телега скрипит, качается, стучит колесами на каждой колдобине – уже болит голова. Но большая бесцветная ящерица с короткими мощными лапищами тащит ее исправно, даже довольно быстро. Слишком быстро, чтобы я могла пожалеть себя, вылезти и трусцой побежать рядом. Но недостаточно быстро, чтобы мерзавец Скорфус не мог вальяжно лететь над нами, оберегая пушистый зад от лишних ударов.

– Мы уже приехали? – иногда монотонно спрашиваю я.

– Не-а.

– А теперь приехали? – интересуюсь, когда делегация дрогфу, провожавшая нас от самого места битвы, наконец откланивается и на прощанье просит оставить ящерицу у входа.

– Нет, человечича, ты же помнишь, сколько мы тащились до обитаемых пещер.

Розоватые жабры ящерицы недоуменно раздуваются. Наверное, даже ей слово «человечича» режет уши. Или что там у нее? Сложный вопрос, я даже не уверена, что она правда ящерица, а эти веерообразные кожные наросты на ее горле – правда жабры. Жабры вроде... у амфибий?

– Ну теперь-то приехали? – вздыхаю еще через несколько залов, уже совершенно пустых: без сталактитов, без кристаллов, лишь с унылыми обледелеными водоемами. На сте-

нах и потолке дрожит белесое кружево изморози – примерно такая отделка украшает некоторые королевские наряды. Не люблю кружева. А здесь еще и так погано холодно, что я уже вся в мурашках.

– Орфо, я выцарапаю тебе глаза, – нежно обещает мой кот, сделав над телегой мертвую петлю. Из пасти вылетает густое облачко пара. – Заткнись сейчас же, я что, не устал?

На самом деле мне почти плевать. И я хорошо представляю, сколько нам ехать до места, откуда мы в Подземье попали. Мне просто нужно отвлекаться – на окрестности, на препирательства, на холод, на силуэт Скорфуса, похожий в сумраке скорее на громадную и пьяную летучую мышь, чем на кота. На любые детали. Только бы не смотреть на расprostертое существо, которое занимает большую часть телеги. Пока я на ухабах ушибаю только задницу, оно бьется о подгнившие доски всем телом. И судя по гримасам, бьется болезненно.

Его привалили спиной к борту и замотали понадежнее: живую руку больше не видно, как не видно и вторую, железную. Нормально вообще видно только голову. Полуоткрывшиеся, затуманенные от недавнего удушья красные глаза буравят меня, и в них читается одно-единственное слово, то же слово, которое эхом отдается в моем рассудке.

Ты.

Скорфус прав: подвижки определенно начались. Значительные ли?

Я глубоко вздыхаю, прикрываю глаза, обнимаю колени и тычусь в них подбородком. Мне плохо, и вовсе не оттого, что шея по-прежнему болит, и не оттого, что Скорфус, как нередко, злит меня своей бодростью. Я боюсь. Я ужасно боюсь. И даже не могу предположить, что будет дальше: во-первых, не в силах сосредоточиться, а во-вторых, как выяснилось еще в первые минуты чудовищного путешествия, мое волшебство здесь просто не работает.

– Что делать-то будем? – звучит в черноте. Свистит под крылом воздух, Скорфус опять приземляется на мое плечо. Спасибо и на том: хотя бы становится теплее.

– Можешь еще разок вылизать мне шею, – вяло предлагаю я. – Это помогает.

– Не вопрос. – Он издает что-то вроде урчания, но приступать к работе не спешит. – Вот только я не о том, человечка. С ним, с ним что?

Не нужно поднимать веки, чтобы угадать, в кого тычет черная когтистая лапа. Поморщившись, я все-таки прошу:

– Не говори так, будто его тут нет.

– Душнила, – фыркает Скорфус и все-таки начинает лизать мою вновь закровоточившую шею. Понял: обсуждать такие вещи мы сейчас не будем.

Правда, что тут обсуждать? Я не знаю, понятия не имею, в душе не представляю, и все, что у меня есть, – обещания и уверения этого кота. Того, что мне нужно от Монстра, не получить, если Скорфус окажется не прав. Я попаду в безвы-

ходную ситуацию и погибну, погибну с огромным позором, разочаровав и вдобавок ввергнув в ужас всех. На моем надгробии посадят вместо оливы или апельсина самую вонючую полынь и выбьют что-то вроде:

«Здесь лежит грешная Орфо. Она пыталась. И это был кошмар».

Телегу опять подбрасывает одновременно с тем, как я ударю по ее борту. Боль в кулаке двойная, я шиплю сквозь зубы и выплевываю:

– С-собака...

– Не ругайся, – требует Скорфус и перебирается на второе мое плечо.

Рокочет тихий утробный смех – и я цепенею, забыв даже вздохнуть. Судя по впившимся в тунику и кожаную накидку когтям, мне не послышалось. Скорфус тоже замер, тоже напрягся, и только его мокрый язык продолжает соприкасаться с моей шеей. Потом он шепчет:

– Хороший знак.

И возвращается к вылизыванию.

Медленно, осторожно я открываю глаза и заставляю себя опустить взгляд. Распростертый на дне телеги Монстр по-прежнему смотрит на меня; по краям тряпки, закрывающей его рот, выступила темная, с совсем слабым багровым оттенком жидкость – точно кровь. Глаза немного прояснились, хотя все еще больные. Я не то чтобы чувствую жалость... хотя не без этого.

– Орфо, – тихо говорит Скорфус, слетев с меня. Мы поднимаем головы почти одновременно. – Сталактитов больше нет. И вряд ли уже пещера осыплется. Мы почти приехали.

С этими словами он перебирается на спину ящерицы – аккуратно, чтобы не задеть ее тонкую, лишенную чешуи кожу когтями. Самоустраняется, паршивец, но я не могу его винить. То, что Скорфус вообще взялся помогать мне, то, что поверил словам «Слушай, да, все плохо, но без этой твари мне правда конец» – уже большая щедрость с его стороны. Важная. Ведь когда он только появился, я была уверена: им руководит чистый расчет. Примерно такой же, как и у любого бродячего животного, пусть даже и полубожественного происхождения.

Я смотрю на Монстра снова, плавно подаюсь ближе – и, глубоко вздохнув, резким движением сдираю повязку с его рта. Да, мое волшебство не работает в Подземье, но оно превратилось в физическую силу, какой в Гирии у меня нет. Думаю, только это спасло меня от десятка переломов, пока я дралась и считала спиной стены. И позволило ломать огромные сталактиты, как тоненькие соляные сосульки. Вот и теперь ткань просто трещит в моей руке, не приходится даже развязывать узел у Монстра на затылке.

– Дыши, – щедро разрешаю я, хотя сама понимаю: глупость.

Он и так дышал носом, точнее, остатками носа, больше похожими на провал в черепе. На череп похожа и сама го-

лова – бугристая, полулысая, ну разве что на ней многовато кожи и из затылка тянутся по спине несколько жидких длинных прядей волос неопределенного оттенка. В этих волосах ползают красноватые черви. Боги... надеюсь, вылезают они не из ушей или мозгов.

Стаскивая повязку, я ждала рыка, к которому уже почти привыкла, но рыка не было. И нет. Монстр действительно вдыхает, сипло, жадно, булькаяще. Дергает подбородком, пытаюсь вытереть идущую изо рта кровь о веревки, а когда не получается, просто свешивает голову влево-вниз. Он глядит все так же злобно, угрюмо, исподлобья, будто молча спрашивая: «Ну что, довольна?». Я облизываю губы, он делает то же – язык черный, раздвоенный. Я поднимаю брови. Поднимает брови... или надбровные дуги... и он. Дразнит меня. О боги. Да, это определенно они. *Подвижки.*

– Перестань, – тихо, тише, чем хотела, требую я, и он хмыкает, выдохнув облачко пара. – Хочешь поговорить?

Молчание, упрямое молчание, а потом веки медленно смыкаются. Не хочет. Не хочет, несмотря на развязанный рот. Могу понять, я бы тоже не стала, да и, если честно, рот вообще не имеет тут значения. Ведь пока мы дрались, Монстр говорил со мной через мой же рассудок.

Попалась. Слабая. Ты пропала.

Я слышала его смутно, наверное, вполовину не так хорошо, как несчастные жертвы, которых он заманивал в темные катакомбы. Волшебство дает мне защиту от таких ве-

щей, да к тому же я не из Подземья, и, возможно, ему чуть сложнее найти бреши в людских умах. Хотя дрогфу говорили мне, что находили у подземных озер и человечьи трупы. Чудовищно изуродованные. С сожранными внутренностями и лицами. Значит, как-то люди сюда проваливались, не знаю, правда, *наши* или жители какого-то другого мира. Говорят, их – миров – много, просто ходить между ними – удел богов. Ну а Скорфус считает, будто Подземье, с его темнотой, странными жителями и бесконечной протяженностью, – что-то вроде огромной межмировой кишки, из которой можно выбраться куда угодно, не обязательно в наш мир Тысячи Правил. Может, в чудесный край, где летают и не взрослеют дети; может, туда, где люди произошли не от обезьян, а от кошек и свиней; а может, туда, где они изобрели себе железных друзей с сердцами из угля. Именно поэтому Скорфус так переживает и тащит нас через кучу пещер. Он очень боится, что мы выйдем куда-то не туда, он далеко не опытный проводник.

– Ты помнишь, кто ты? Помнишь, за что наказан? – спрашиваю я. Тихо. Почему-то не хочу, чтобы Скорфус меня слышал.

Монстр снова издает странный звук – смешок или хмыканье. Глаз не открывает, только слабо дергается. В моем рассудке тишина, но и эта тишина кажется презрительной, горькой, злой. Конечно же, у Монстра тоже есть вопросы к слову «наказан».

– А меня ты помнишь? – звучит глуше, тусклее, почти жалобно. Ненавижу себя.

Вообще не понимаю, зачем мне это все сейчас. Уверена, Скорфус прав: нужен другой воздух. Точнее, если хоть что-то и поможет в той заднице, где я нахожусь, то лишь другой воздух. Продолжать разговор сейчас – только шатать свою выдержку. Бессмысленно.

– Помнишь? – все равно повторяю я. Слишком громко: уши Скорфуса дергаются, хоть он и не оглядывается.

Я... очень... устал.

Это в моей голове, хрипло, прерывисто. У Монстра опять даже не получается приоткрыть глаза. Может, я его передумала. Может, тот самый воздух уже становится другим и не нравится ему. Мало ли что с ним случилось, разберемся чуть позже. Если доедем.

– Я тебя поняла.

Он лежит все так же, чуть склонив голову, – и ужаснее всего то, насколько гордая, уязвленная, *человеческая* эта поза. Он напрягает шею, чтобы голова не просто свешивалась, как у дохлой птицы; чтобы не моталась, когда подпрыгивает телега. Это стоит ему усилий. Он их зачем-то прилагает, хотя его веки похожи на лоскуты, местами в прогалах подгнившей челюсти виднеются зубы, а в волосах, больше похожих на хвосты, ползают черви.

Я закрываю глаза: на них опять выступают слезы.

Прости меня.

Но это то, что я скажу не сейчас.

Принцесса

Лин знал правду об Эвере и без меня, но Лину было не до того.

Отец, правда, все время таскал его с собой и все напористее приучал к королевским делам – в этом он мало отличался от мамы. Ну, разве что не надевал платье цвета войны – алое – и не водил моего брата по полю боя, показывая, скольких врагов и насколько зверски убила наша доблестная армия. С отцом было проще: он хотел, чтобы Лин научился разбираться в доходах и расходах, разговаривать с разными людьми, поддерживать, вдохновлять, командовать. В общем, делать, что положено королю. И Лин уже не так плохо к этому относился, как раньше: это помогало ему отвлекаться.

Он тосковал без мамы, я знала. Ему было плохо, а еще он очень хотел быть ее достойным. Войну он не понимал, как и многие в королевстве, как я, как отец. Но в отличие от нас двоих Лин, видно, чувствовал теперь вину за это. Может, говорил порой он, нам нужно было больше быть с ней. Чаше возносить богам хвалу за сохраненные жизни. Делать так, чтобы мама регулярно видела физальцев – обычных, мирных, добродушных, а не тех, кто жил в ее воображении, не чудовищ, кидавших младенцев свиньям. В ней самой ведь текла физальская кровь: прабабушка Эагра была коренной физалийкой. И вообще физальцы – судя хотя бы по Эверу –

не представляли собой ничего дикого, нечеловеческого. Они злились на нас, но не мстили, у них там ходили свои слухи – что это нашу, нашу королеву околдовали, а вот король, ни дня не прошедший без попыток найти консенсус и не дававший бросить в бой свою часть войск, у нас вполне добрый. Мы уже не узнаем, могло ли такое быть. Лично мне с годами все меньше кажется, что ко *всем* важным вещам в мире причастны боги, волшебники, фамильяры. Нет. Многие делают люди. Мама хотела вернуть провинцию, веря: Иникихар зря дал физальцам независимость. А когда не получилось, она умерла. Это был ее выбор. Раскаивалась ли она? Вряд ли. С утеса она прыгнула в красном, и я видела ее глаза в тот самый день. Убегая из замка, она оттолкнула с пути многих. В том числе и меня.

Я не умела, так и не научилась проникать ни в чей разум, но откуда-то знала про две картинки у Лина в голове: на одной – мама в красном платье ведет его по усеянному трупами полю, а на другой – в том же платье закалывает себя и кидается в море. Они, эти картинки, очень меня пугали, но стоило заикнуться о них, как Лин мрачнел, закрывался, переводил разговор или звал слуг, при которых обсуждать подобное не стоило. Он отдалялся от меня. Он, похоже, про себя решил: если прежней семьи со счастливыми родителями у него нет, то нужно строить что-то новое. Новое по-настоящему. Меня он с этой стройки не изгнал, но относиться стал иначе.

«Я справлюсь, Орфо».

«Со мной все в порядке, Орфо, займись собой».

«Иди поиграй в саду, Орфо».

Однажды, когда мне это совсем надоело, я не ушла, а наоборот – взяла его за руку, сжала пальцы. Мне было уже девять, в тот год я неожиданно быстро стала расти в высоту, и ни Лину, ни Эверу больше не приходилось так уж сильно наклоняться, чтобы поболтать со мной на равных.

– Король и его волшебница, – произнесла я, смотря в его грустные глаза. – На веки вечные. – Он промолчал, и мое сердце упало. – Нет? Ты передумал?

Ладонь он не выдернул, но в глазах не появилось ни одной искорки из тех, которые я так любила до войны. Зато там появились слезы. Страшные. Ведь он сроду не плакал.

– Когда-нибудь. – Все, что он сказал, и моя рука упала сама. Лин развернулся и пошел на балкон. Он все еще любил там прятаться. Я ему компанию больше не составляла.

Эвер не знал всего этого – я не думала жаловаться, впрочем, и не понимала на что. «Мой брат больше меня не любит»? Неправда. «Я хочу, чтобы все было как до войны»? Невозможно. «Давай сделаем что-нибудь, чтобы Лин повеселел»? Глупо. Лин не стремился в нашу скромную компанию, и даже не из-за дел или тоски по маме. Просто я была для него слишком маленькой, а Эвер – слишком большим. Вдобавок он, наверное, напоминал о людях, оказавшихся сильнее мамы и сломавших ее... гордость? Дух? Заклятие над

ней? Не знаю. Нет, такого, чтобы Лину не нравился Эвер, не было. Но Лин явно не видел, какой Эвер замечательный.

Ландыши прижились и начали разрастаться. Я старательно поливала их, Эвер иногда помогал с прополкой, хотя чаще делал то, что я ему велела: сидел в тени и наблюдал. Он нравился мне белым и чистым, без зеленых и черных пятен на шварах, без грязных рук. Я обожала его рассказы о кораблях, на которых ему случалось путешествовать, о болезнях, о лекарствах. Единственное, о чем Эвер никогда не говорил, – его... медик. Медик, только медик, я не звала того человека «хозяин», «хозяином» для меня оставался папа. Так или иначе, с Эвером было очень, очень интересно болтать. А вот со мной, наверное, нет, потому что с моего языка не сходило имя Лина.

– Так ты хочешь стать его придворной волшебницей, – сказал однажды Эвер задумчиво и печально. Как и всегда, я не могла до конца понять, что читается в его глазах.

– Быть ничьей волшебницей мне было бы грустно, – призналась я. Мы ужинали в саду, как уже почти всегда. Без Лина и без отца.

– Ты не осталась бы ничьей. – Он взял лепешку, намазал козым сыром и медом, передал мне. Ему не полагалось меня обслуживать, вместе мы только гуляли и делали уроки, но он и не воспринимал это так. Подобные мелочи он шутиливо звал «ухаживаньем», Лин и отец – тоже. – Ты слишком замечательная.

Я широко заулыбалась, сама себя испугавшись: до его появления, в военный год, улыбки я почти забыла. Теперь они возвращались, становились все более спонтанными и, как мне казалось, глупыми. Стараясь это скрыть, я откусила кусок побольше. Эвер продолжал за мной наблюдать. Он не смотрел нежно, как иногда папа; не смотрел с гордым видом «Это моя сестра», как иногда Лин, но этот взгляд нравился мне, нравился с первой встречи. В нем читалось что-то очень простое, и именно этого мне не хватало. «С тобой интересно. Ты важна».

– Спасибо, – сказала я с набитым ртом, и он засмеялся. Не знаю почему, но именно в ту секунду я посмотрела на его шею, хотя давно пообещала себе этого не делать. Уродливый след поджил, стал намного светлее. – Ты... ну, тоже замечательный.

– Приятно слышать. – Он кивнул с шутливым достоинством, и мы замолчали.

– Тебе кажется... – снова осторожно заговорила я через какое-то время, – что придворной волшебницей мне становиться не нужно?

Про себя я уже знала, что если он кивнет, то я вспылю и заявлю: «Ты не прав». Но он только миролюбиво посмотрел на меня поверх кубка, потер веки и ответил:

– Я не могу об этом судить. Я не знаю, что для тебя лучше. Мне просто не нравится слово «придворный». Оно обязывает.

В его глазах снова было то, что удивило меня в давний день в саду: они немного застыли, двигались медленно, то и дело останавливались. Я задумалась. Я ведь понимала, что стоит за всем этим. Эвер был рабом. Наверное, для него оказаться *при* ком-то – пусть при короле – тоже рабство. В который раз с момента, как он появился, я стиснула зубы, по спине пробежал холод. Я подумала: считает ли он себя моим рабом? Сама я быстро, очень быстро выбросила из мыслей слово «обслуга» по отношению к нему. Эвер был моим... нет, не другом, наверное, я не доросла с ним дружить. И не няней. И не совсем учителем, хотя скоро ему предстояло начать учить меня драться. Пока он учился сам, старательно, у лучших гоплитов и целеров⁴ отца. У самого кира Илфокиона – нашего целериона⁵, который достался папе от мамы и стал во всем его слушаться. Сделать хорошего убийцу из гасителя – значит сделать хорошего убийцу из гасителя. Я прекрасно понимала, зачем и почему.

– Да, – сказала я. Приподняла подбородок со всей возможной гордостью, улыбнулась. – Да, вот так. Буду его рабыней в каком-то смысле, может, и так. Но он мой брат, и для него мне этого не жаль.

Эвер, поднесший было кубок к губам, замер. Бирюзовый взгляд мерцнул поверх чеканного серебра, и я страшно испугалась. Вдруг он оскорбился? Вдруг в словах ему почудилось

⁴ Целеры – название личной стражи правителя в Древнем Риме.

⁵ Целерион – начальник королевской охраны.

что-нибудь вроде «Буду рабыней, такой же, как ты»? За все время вместе я вроде ни разу еще не обидела его, не задела, не сделала ничего лишнего. Но по-прежнему такого боялась.

– Орфо, – тихо позвал он. Кубок медленно, со стуком встал на стол. Я обмерла. – Орфо... порой мне завидно, что ты не моя сестра. Понимать и принимать правду о том, что всякая любовь есть в той или иной мере рабство, – большое мужество. У меня, например, его нет.

Он улыбнулся, и я, выдохнув, улыбнулась в ответ. Схватила уже, кажется, третью лепешку, начала жевать, ничем не помазав, – так волновалась. Эвер все глядел на меня; я спохватилась, что он сегодня почти ничего не ест, и подвинула к нему ближе блюдо с желтой малиной и виноградом. В том году они не уродились, и того и другого было мало, и почти все за ужином доставались мне. Но Эвер их тоже любил. А я знала, что ягоды хорошо едятся, даже когда аппетита совсем нет.

– Мне очень грустно, – призналась я, когда он скромно отщипнул гроздь винограда. – Лин стал дальше. Я понимаю, он будет королем и ему нужно многое понять и выучить, но все-таки...

– Но все-таки это неправильно, особенно если вы действительно хотите в будущем что-то делать вместе, – закончил он мысль.

– И грустно, – упрямо повторила я, хотя его слова были логичнее.

– Отец вообще знает, что вы это решили? – Эвер сложил пальцы домиком, подался чуть-чуть вперед. Виноград так и лежал на краю его тарелки.

– Я... – Я задумалась. – Ну, наверное, нет. Я не говорила. Маме бы не понравилось.

– А принц Лин?

А он сказал мне: «Когда-нибудь». В глазах защипало, и пришлось скорее опустить голову, мотнуть ею так, чтобы темные пряди хоть немного занавесили лицо. Я старательно отращивала их, как раз для такого.

– Понятно. – Эвер не стал дожидаться ответа. За волосами я видела только его руки. – Подумайте об этом. Может, так что-то станет проще.

– Он не... – начала я, имея в виду угрюмую отстраненность брата, но тут же вскинулась: почувствовала, что Эвер опять слегка улыбается.

– Советы королям дают волшебники. Ты сама так говорила.

Я поняла, что он имеет в виду, в тот же день. Впервые за долгое время мне повезло: папа позвал нас с Лином провести вечер в экседре⁶. Ему вспомнилась вдруг петтейя – игра на мраморной клетчатой доске, где нужно двигать свои фигуры и «есть» фигуры противника. Кто первым займет чужие клетки и сохранит при этом больше фигур, тот и выиграл. Пока была жива мама, мы играли по парам, а потом из каж-

⁶ *Экседра* – гостиная.

дой пары сражались победители. Теперь нас осталось трое, и пусть мне очень хотелось пригласить Эвера – он тоже умел играть, – я не решилась. Так что мы сделали иначе: Лин играл с папой, а я болела то за одного, то за другого. Играли мы с братом, а папа болел. И наконец он сразился со мной. Победитель определялся по скорости и эффективности ходов.

Где-то в середине последнего поединка я и сделала то, что мы с Эвером задумали: спросила папу, что он думает о придворных волшебниках. Помрачнев, он тут же начал сыпать вопросами, зачем я такое спрашиваю, – и я с деланой неохотой призналась: «Хочу быть придворной волшебницей Лина, вот». В ту минуту я посмотрела брату, сидящему сбоку, в глаза. Он молчал и рассеянно улыбался. Он вообще был задумчивым, оба своих сражения проиграл.

– Это правда? – Отец тоже обратился к нему.

К моей радости, Лин кивнул. Не было никакого «когда-нибудь».

– Я... – Папа сосредоточенно уставился на доску. Наконец конник – фигура, ходящая углом, – двинулась в атаку на моего императора. – Я подумаю над этим, это... занятно. Но если так, я многое делаю неправильно насчет вашего воспитания.

– Что? – сонно спросил Лин, хлопнув черными как уголь ресницами. Было ощущение, будто он вообще, пока папа бубнил, отвлекся, задремал. Это сердило: разве ему не важно, что мы на это вышли? Почему он не помогает мне?

Папа почти повторил слова Эвера:

– Если вы правда собираетесь в будущем что-то решать вместе, вам нужно побольше видеться. А все так поменялось без Валато... – Взгляд его потускнел. Я взяла своего легата и пустила в лобовую атаку на его копыеносца. – Ого, дочура... хороший ход.

– Я бы и рада больше видеться! – призналась я. Копыеносец завалился на бок.

– Я тоже, – встрепнулся Лин, но меня не оставляло ощущение, что он опять нас не слушал, опять проваливался в сон.

– Я... – повторил папа, подцепляя поверженную фигуру пальцами и убирая с доски. Он, в отличие от Лина, не спал, просто очень глубоко думал. – Понимаешь, Орфо, э-э, есть препятствия, которые меня беспокоят и с которыми надо бы что-то сделать.

Я сглотнула, снова покосилась на Лина в поисках поддержки. Тот, откинувшись в кресле, сидел с сомкнутыми веками и барабанил пальцами по подлокотникам. На тонком усталом лице его не читалось ни тени энтузиазма. Под глазами лежали глубокие тени. Таким изможденным я помнила его только в год войны – когда он раз за разом мог лишь гадать, заберет ли его с собой мама.

– Препятствие к... тому, чтобы я стала придворной волшебницей? – с запинкой пробормотала я, но папа сразу помотал головой.

– Нет, нет. – Голос зазвучал почти заискивающе, и продолжил он быстро, точно желая скорее проскочить самое неприятное: – К тому, чтобы вы снова общались... сейчас.

Я уставилась на него во все глаза, но Лин так и не реагировал. «Когда-нибудь, – издевательски пронеслось в моем мозгу. – Когда-нибудь». Неужели ему совсем все равно? Захотелось лягнуть его, да посильнее. Или шлепнуть по щеке.

– И какое же? – спросила я как можно ровнее, проследила за тем, как чужой легат вплотную приблизился к моему императору, и отвела его. В ход пошла императрица. Легат пал.

– Твоя сила, малыш, – вдруг раздалось рядом. Лин опередил отца, а вот позы так и не изменил. Сидел, стучал по подлокотникам, жмурился. Губы кривились в малознакомой желчной улыбке. – Отец боится, что прямо сейчас ты можешь случайно убить меня, потому что она все еще очень непредсказуема. Отец вообще боится теперь всего на свете, после того как...

С чего он вдруг проснулся? И с чего... начал злиться или вроде того?

– Лин, – оборвал папа. Его нависшее над доской лицо слегка побагровело, но глаза на брата он даже не перевел. – На что ты намекаешь, Лин? Не выдумывай!

Я молчала. Теперь я остолбенела и только хлопала ресницами. Они... они что?..

– Это чушь. – Брат все же открыл глаза, но смотрел он не на отца и не на меня, а куда-то между нами. Губы теперь

тряслись. – Чушь, и очень похоже, что теперь ты вообще относишься с опаской ко всем в мире женщинам. Может, ты ругаешь в мыслях и Гестет? А как насчет нашей доблестной прабабки, которая...

– Да что ты несешь, сынок? – Отец ударил кулаком по столу. – Перестань, а ну!

Фигуры подскочили, но я сосредоточилась и удержала их в равновесии взглядом. Такие фокусы я уже потихоньку осваивала, они никому еще не причинили вреда. И отец, и брат синхронно замерли, наблюдая, как императоры, и императрицы, и конники, и пехотинцы левитируют. Как плавно опускаются на места и замирают.

– Все это правда? – У меня по-прежнему получалось говорить ровно. Не знаю почему, но я не вопила, не плакала, у меня и мысли не возникло кого-нибудь из этих двоих убить. Может, потому, что и я по-прежнему опасалась своего дара. И не могла ручаться за себя. Во мне кипела обида, но голос разума легонько дул на нее, напоминая: «Зато если вдруг папа окажется прав, ты очень пожалеешь». – Все еще правда?..

– Орфо... – начал отец под внезапный злорадный смешок Лина. Я покачала головой.

– Просто скажи, правда или нет. Я же так стараюсь! И я никого, ничем еще...

– Я... – Отец был уже совсем красным. И вместо злости я чувствовала жалость, не только к себе, но и к нему. – Пойми, Орфо, все эти слухи, которыми оправдывала войну твоя

мать, и все другие слухи о ней самой...

– Она даже не была волшебницей, – отрезала я. Фигуры перед глазами все же поплыли. Пришлось моргнуть.

– Но ее двоюродный дед, твой прадед, тот самый, который...

– Не упоминай! – Лин дернулся.

– Ей ничего от него не досталось. В смысле дара, он не наследуется, – напомнила я. – А еще Лин прав, была ведь прабабушка Эагра, которая как раз...

Папа только вздохнул, а при упоминании прабабушки скорбно сдвинул брови. Предостерегающе поднял ладонь, как бы осаживая: «Это другое».

– Да, Валато не досталось дара. Зато безумие достаться могло. С ним все сложнее.

– Тогда сойти с ума может и Лин! – здраво напомнила я.

– Или уже сошел! – Брат вдруг высунул язык, искривил плечи так, чтобы одно оказалось выше другого, и закатил глаза под лоб. Заерзал, заболтал ногами в воздухе. – Что, не видно? Я безумец, безумец, безумец!

Это было совсем не смешно, скорее омерзительно: будто моего обычно серьезного и спокойного брата подменил какой-то уродливый безмозглый зверек. Может, он просто нервничал из-за всех этих повышенных тонов, может, надеялся так нас отвлечь и помирить? Я не понимала. Отец явно тоже: он хрустнул кулаками, схватился за голову и отчаянно выпалил:

– Да что сегодня с вами... поросята!

Я могла сказать то же про них двоих. Но вместо этого я произнесла:

– Не думаю, что мамино поведение было связано с чем-то таким. А если ты боишься, что я наврежу Лину, так пусть за нами кто-то присматривает, когда мы вместе. Я же не против.

Это предложение опять что-то сделало с братом: он разом перестал кривляться и помрачнел. Его глаза сузились. Кажется, он никогда прежде так на меня не смотрел: будто на предателя? Он даже взвыл – тихо, не разжимая зубов.

– Кто, например? – прозвучало почти со злостью. – Какие-нибудь твои няньки?

Я спохватилась: все-таки он уже почти вырос. Наверное, ему неприятна была мысль о любом присмотре, но я слишком хотела вернуть брата себе, чтобы печься о таких вещах. Подумаешь, прислуга. В нашем замке все очень хорошие, добрые, и никто не станет лезть почем зря. Тем более... о чем он? Это ведь для его же безопасности! Как ни обидно звучали слова папы, совсем отрицать их я не могла. Путь прадедушки, путь прабабушки... оба были возможны.

– Да хотя бы кто-то из целеров, – примирительно предложила я. – Все равно вместе мы бываем не так много.

Меня устроил бы даже кир Илфокион с его цепкими глазами, рокочущим голосом и привычкой поливаться благовоениями. А ведь я терпеть его не могла за то, что вечно посы-

лал кого-то шпионить за мной и Эвером, надеясь нас на чем-нибудь поймать и сделать приятное отцу. Он хотя бы был бдительным, верным и храбрым. Все это он доказал, когда мама выбрала умереть и сбежала из замка. Лина, ничего не понимающего, она тогда потащила с собой, и кир Илфокион забрал его уже у скал, хотя ее остановить не сумел. Я не сомневалась: мы делим похожие кошмары о том страшном вечере. Мне ведь досталось от мамы тоже. Я почувствовала, *чего* она хочет, и попыталась задержать их с братом на главной лестнице, но меня сбросили со ступеней и опалили взглядом, полным такой ненависти, что, может, я лишилась чувств не от боли, а из-за него. Очнулась я, только когда мама была уже мертва, а кир Илфокион за руку вел Лина домой.

– Я не хочу! – отрезал Лин, которому, конечно, тоже доставалась излишняя целерская опека.

Но я не успокаивалась.

– А ты сам? – Я заглянула отцу в глаза. – Я и тебя с удовольствием бы видела почаще. Может, сделаем снова какие-то семейные...

– Не получится, – вздохнул он. Его усы висели как-то уныло. – Я бы и хотел, но даже сегодняшний вечер для меня самого большой подарок. Отменилась встреча с Мористеосом Монусом, ну, патрицием границ. У него вроде несварение от плохой клубники...

Брат прыснул. Я в который раз удивилась: его никогда не

смешили туалетные разговоры, тем более кира Мористеоса с его добрым взглядом, щедрыми подарками в виде сладостей и звенящими колечками в бороде мы обожали. Стоило посочувствовать ему, а не веселиться.

— Я не хочу, чтобы за мной и сестрой кто-либо шпионил, — заявил наконец Лин. Он говорил так запальчиво, будто его загоняют в угол и нужно сражаться насмерть. — Я и так вижу слуг достаточно часто, и я не хочу, чтобы они, например, стояли над нами! Они начнут потом на нас жаловаться и передавать тебе наши секреты. — Он поморщился и продолжил с явной неохотой: — И потом, кто из них что сделает, если вдруг Орфо правда...

Если вдруг Орфо правда...

Он не продолжил, но меня прошиб гадкий озноб. Я сделала то же, что за ужином: занавесилась волосами, чтобы никто ничего не заметил, и до хруста сжала кулаки на коленях.

...захочет убить меня. То самое, чего боялся папа. Я. Многие, даже слуги, не разбиравшиеся в волшебстве. Но именно понимание, что Лин, мой Лин, тоже этого боится, боится и допускает, пусть краешком сердца, ощущалось как горькое предательство. Я чуть не плакала. Я боялась, что не сдержусь. Стоило просто вскочить и убежать, запереться в комнате, где есть окно, и, высунувшись из него, пощипать дюжину апельсинов с садовых деревьев. Это всегда меня успокаивало, тем более на апельсины год выдался урожайный. Но я сидела и молила себя потерпеть. Глубоко дышала,

понимая: слезы вот-вот побегут по лицу. Как унижительно. Как глупо. Я сама знаю о себе правду, я должна понимать, я должна мириться и...

– Эвер, – сказал папа. Повисла тишина.

– Что Эвер? – мрачно спросил Лин. Украдкой глянув на него, я опять заметила нервный блеск глаз. Еще и пятна какие-то на щеках выступили...

– Если не хочешь слуг и целеров, но хочешь придворную волшебницу, которая, возможно, убережет твой разум вместе со своим, – я скорее начала убирать волосы за уши, чтобы все видеть, – пусть за ней и за тобой заодно присматривает гаситель. Тем более, как я знаю, он делает отличные успехи в бою, пусть техника и... неклассическая. Вот.

Отец переводил взгляд с Лина на меня, ожидая возражений, но мы молчали. Я старалась скрыть радость и облегчение: идеально, просто идеально, это же предел моих мечтаний! Лин же явно растерялся: только хватал ртом воздух. Удивленно. Будто не веря ушам.

– Физалец... – выдохнул он наконец полувопросительно.

– Физалии он больше не принадлежит, – отрезал отец, и слово «принадлежит» резануло меня. Отец вряд ли считал Эвера рабом, но все-таки. – А еще он умная голова. Читает много. Много путешествовал со своим предыдущим... нанимателем, даже более-менее разбирается в политике. Ты зря не дружишь с ним, мальчик замечательный.

– Я... – Теперь Лин не мог подобрать слов. Опустил голо-

ву, начал тереть веки. – О боги, папа...

– Да что? – не понимал тот.

– Я обожаю свою сестричку, но почему в довесок к ней должен идти этот белобрысый мертвый груз? – Лин даже глаза опять закатил.

– Не говори обо мне так, будто меня тут нет, – огрызулась я. Мне не нравился сам тон, не нравились скользкие словечки: ходульное «наниматель», презрительное «белобрысый»... Моего Эвера вдруг захотелось оградить от всего этого. И никому не отдавать, ни брату, ни отцу.

Папа неожиданно поддержал меня – засмеялся и поправил:

– Живой. Более чем живой. И уверен, ты не пожалеешь.

– Правда-правда, – уверила я и, подавшись вбок, ухватила Лина за руку. Пальцы были вялыми, потными и холодными, странно, пугающе холодными, но я заставила себя об этом не думать, потому что они все же легонько сжались в ответ. – Эвер хороший, и он вечно боится кому-то помешать, так что с ним не будет проблем, ты...

– Король и его волшебница, – тихо и грустно оборвал меня Лин. Он снова прикрыл глаза, немного откинул голову. – На веки вечные. Речи ни о ком третьем не было.

– Но истории меняются с течением времени, – отозвался отец. Он снова сосредоточился на игре. – Особенно если там есть правила. А правила есть почти везде.

Оба они были правы. Одну сторону принять бы не полу-

чилось, даже если бы я хотела. Ведь в действительности история придворного волшебника Мариона отличалась от моей как минимум одной важной деталью.

Король Арктус родился с клеймом гасителя.

А мне предстояло однажды потерять и своего гасителя, и своего короля.

Чудовище

Две мои нелюбимые легенды – о том, как в мире Тысячи Правил родились первые волшебники и гасители. Они напоминают о том, что правила богов берутся не с потолка. Они появляются по одной простой причине: люди не могут соблюдать свои.

Наши древние предки жили в холодных пещерах, ели сырое мясо и много болели оттого, что любящие промозглость паразиты селились в их внутренностях. Наши древние предки страшно боялись огромного мира вокруг, не умели ни исцелять раны, ни создавать красивое, ни даже нормально дышать. Наши предки были ничтожествами, которые, возможно, вообще не понимали, зачем появились на свет такими несовершенными – голокожими, двуногими, нелетучими, бесхвостыми подобиями обезьян. Им оставалось только выживать.

Однажды вожди нескольких племен узнали о необычном месте – Святой Горе. Прячась поблизости, подглядели, как оттуда спускаются красивые животные и... красивые, очень красивые люди. Огромного роста, с ухоженными руками и волосами. Одетые не в засаленные шкуры, а в яркие узорчатые ткани, украшенные самоцветами, золотом, раковинами, венками. У тех людей были зычные голоса, лики сияли, глаза наполнились жизнью. Те люди на самом деле не были людьми

– даже вожди это поняли и не посмели нападать. Но поняли они и кое-что еще: если чем-нибудь поживиться у этих красивых существ в доме – там, на Горе, – возможно, удастся сделать собственные народы чуть счастливее.

Вожди рискнули и в одну ночь полезли на Святую Гору, к ее серебристой мерцающей вершине. Они нашли там все, что и можно себе представить, – дворцы из мрамора и стекла, сады, полные фруктов, пруды, кишасшие рыбой. На Горе было так красиво, что вожди испугались, почувствовали себя совсем жалкими. Они не посмели – благоговение помешало – забрать ничего, кроме одного-единственного колчана со стрелами. Только колчан, без лука, ведь что такое лук, они не знали. Но и этого оказалось достаточно. Коснувшись одной стрелой стопки сухой травы, люди получили огонь. Приложив другую к гноящейся ране ребенка, излечили ее. Воткнув в землю третью, вырастили оливковое дерево. Стрелы очень помогли людям, но, совершив одно-два чуда, каждая рассыпалась. Вскоре волшебство кончилось. И вожди решили повторить свою дерзость.

Они отправились на Гору снова, но в этот раз их ждали. В сверкающем дворце Зируса, верховного бога с крокодильим взором, их поймали стражи-атланты и бросили в ноги господину. Вожди стали молить о пощаде. Зирус спросил: «Что же толкнуло вас воровать у меня?», и тогда самый смелый, самый бесхитростный из пленников сказал просто: «Мы плохо живем. А вы – хорошо. Это несправедливо». Казалось, за

такое Зирус должен был убить несчастных, но ответ неожиданно ему понравился. Поговорив с вождями еще немного, он промолвил: «Я понял», отпустил их и глубоко-глубоко задумался. Зирус прежде не знал такого слова – «справедливость». Никто из богов не знал, просто потому, что с несправедливостью на Святой Горе не сталкивались. Здесь верили: тот, кто трудится изо всех сил – как трудились пещерные жители, добывая пищу и обогревая друг друга, – просто не может «плохо жить». Поэтому встреча изменила не только людей, но и богов.

Решив, что люди правда заслуживают помощи, Зирус и принес в наш мир волшебство. Он отметил тех дерзких вождей и еще нескольких понравившихся младенцев знаками на запястьях – горящими стрелами – и наделил особыми силами. Могущественными: создавать огонь, летать, находить подземную воду, исцелять, предвидеть судьбу. Так, казалось ему, он восстанавливает справедливость. Ту, о которой пока слишком мало знал. Увы, Зирус переоценил людей: через несколько поколений они возгордились. Волшебники сговорились и решили напасть на Святую Гору, чтобы взять оттуда что-нибудь еще. Конечно, у них не получилось, ну а рассерженный Зирус в наказание ослабил их магию: отнял полеты, и власть над пламенем, и все, что могло причинять сильный вред. Тогда же ввел первое правило: рано или поздно волшебники теперь становились калеками и сходили с ума. Люди присмирели. Жизнь продолжилась. Демос волшебни-

ка больше не считался даром, чаще – отсроченным проклятием.

Шло время, волшебники продолжали рождаться то там, то тут. Люди уже не жили в пещерах, огонь добывали без колдовства, строили города, возделывали поля. К Святой Горе приносили дары – в благодарность за давнее милосердие и в знак извинения за давние дерзости. Носили эти дары, как правило, волшебники. Так с ними познакомилась жена Зируса, прекрасная Гестет, богиня с кошачьими глазами и ушами. Она полюбила общаться с волшебниками, а они были милы и добры с ней.

Среди волшебников у Гестет вскоре появилась подруга – настоящая подруга, с которой они плели друг другу венки, собирали ягоды, купались в море. Гестет тайно проводила ее на Святую Гору и тайно же ходила к ней в дом смотреть на людской уклад, эти двое очень любили друг друга, да и другие волшебники все больше нравились Гестет. А потом настал роковой день. Любимая подруга изувечилась, ослепла и сошла с ума. Когда эта женщина напала на своих детей и на попытавшегося защитить их старосту деревни, Гестет пришлось убить ее, и сердце богини разбилось. Она вернулась домой к мужу и сказала: «Волшебники давно искупили вину. Все это несправедливо». Муж не согласился с ней и не смягчил правило. Тогда она ввела другое: создала второй демос. Гасителей. И навеки связала их с волшебниками.

Очевидно, как все пошло дальше, правда? Люди никак не

могли жить нормально, у богов постоянно находился повод для расстройств, они лезли в наше существование только больше и вводили новые, новые правила. Рыбохвостые сестры-плаксы Окво придумали странников и наделили клеймом-кораблем, обязав раз в определенное время отправляться на поиск новых земель, чтоб меньше воевать за старые. Тигрозубый Арфемис, который, пожалуй, больше всех богов любит понятие «справедливость», вообще издевается над нами по полной: создал демос законников, отмеченный весами и способный распознавать ложь, проклял регалии так, чтобы они убивали любого, кто засидится на троне больше двадцати лет... Гадостный Арфемис. Именно из-за него я сейчас оказалась там, где оказалась.

Обо всем этом я думаю под методичный скрежет: Скорфус носится вдоль отвесной стены в десятке шагов от телеги и покрывает камень заковыристыми письменами на одном ему и богам понятном языке. Больше похоже на кружевной рисунок, а каждая бороздка, каждый завиток, едва проступив, наполняется слепящим красным светом. Когда мой гениальный кот распишет всю стену, мы наконец сможем вернуться домой.

– Скоро там? – кричу я: для меня знаков уже довольно много.

– Попробовала... бы... сама... – пыхтит он, и на каждую паузу приходится еще по одному росчерку когтей, еще по одному символу.

Может, я бы и попробовала, мне не жалко ему помочь. Вот только где мне? Холодный порыв ветра задевает по щеке, и я ежусь: не понимаю, откуда дует, этот поцелуй или, скорее, укус сквозняка уже не первый. Не хватало еще простудиться. Мерзкие пещеры...

Вздыхнув, я отвожу глаза от мечущейся черной фигурки, затем от лениво разлегшейся на камнях ящерицы и, наконец, опять смотрю в противоположный конец телеги. Монстр открыл глаза, но лежит все так же безжизненно, таращится в одну точку; грудь, перетянутая веревками, чуть-чуть вздымается. Наверное, я хотела бы знать, о чем он думает. И думает ли.

– Как полагаешь, я убью тебя? – интересуюсь я, прикусив угол губы. – Да, да, это я тебе.

Он смотрит на меня секунду, не больше, и снова упрямо дергает подбородком.

– Может, и стоило бы, – бросаю я. – После того, как ты поступил. Ты ведь мог стать великим вопреки всему, отец так надеялся на тебя...

Он смеется. Потом кашляет.

– Это того не стоило, правда.

Он опять закрывает глаза. Я скольжу взглядом по веревкам, опутывающим его тело. Железные когти замотаны аж тройным слоем, эта рука прижата к телу так плотно, что, наверное, туда уже вообще не поступает кровь. И снова мне становится жаль. Я говорю мягче:

– Потерпи. Скоро мы будем дома. Если, конечно, ты помнишь дом.

Он все так же не отвечает. Я сжимаю зубы, резко встаю и выкарабкиваюсь из телеги, прыгиваю на сырые камни, выдыхаю слабое облачко пара. Кажется, будто меня дразнят уже два кружащихся порыва ветра. Бр-р. Нужно пройтись: согреться и прояснить голову. Нужно перестать думать как о будущем, так и о прошлом, сосредоточиться на настоящем.

Пещера большая и почти идеально круглая – уже это намекает на ее искусственность. Стены гладкие, легонько отливают масляной радугой – скорее кварц, чем гранит. Если приглядеться, за этой темной полупрозрачностью можно рассмотреть силуэты – каких-то огромных волосатых слонов, костистых бескрылых драконов, кораблей, у которых горят окошки. Несколько человеческих скелетов. Несколько далеко не человеческих – с крыльями, с огромными черепами. «Осадочная порода времени» – так это назвал Скорфус, когда, попав сюда впервые, я чуть не умерла от ужаса.

Скорфус вообще знает и использует много странных слов. «Трансцендентальность», «душнила», «человечица», «осадочная порода», «херня». Он говорит, эти слова приносит ему само мироздание. Он говорит, что иногда может только догадываться об их смысле или вкладывает собственный. Я говорю, что лучше бы знать смысл слов, которые ты используешь, но он тут же зовет меня душницей.

Я снова начинаю наблюдать за его стремительным, верт-

ким силуэтом. У Скорфуса очень красивое тело, если можно, не выставив себя ненормальной, сказать так о нечеловеческом существе. Но это так: даже не будь у него одного глаза и крыльев, даже не будь у него человеческой речи и настолько омерзительного характера, его сложно было бы принять за обычного кота. Он словно не ходит, а перетекает. Не лежит, а сливается с окружающей ночью или тенями. Не потягивается, а раз за разом заново лепит свои позвонки из черной глины. То, что Скорфус не из Гирии, видно невооруженным глазом. То, что он мой, просто удивительно.

– Ты пялишься на меня. – Сделав петлю, хитро констатирует он, и на стене появляется огромное кольцо, на которое «нанизано» сразу несколько символов-паучков.

Тьма пещеры отзывается: начинает негромко, нежно, без слов, но с призрачным перезвоном петь. Это будто священный хор там, за каменными пластинами, среди драконов, слонов и кораблей. Так же тьма пела, встречая нас. Хороший знак.

– Почему бы нет. – Я пожимаю плечами и выдавливаю самую двусмысленную улыбку, на какую способна. – Может, в моих фантазиях перед сном или в купальне ты иногда превращаешься во что-то другое. Что-то двуногое и более аппетитное.

– Пф-ф. – Его хвост на пару секунд встает трубой. От кольца расползается яркий алый свет. – Полегче на поворотах, человечиха, если я умру от кринжа, вы отсюда не выбе-

ретесь.

«Кринж» – это вроде «омерзение». Еще одно иномирное словечко для избранных, ну-ну. Я отвечаю смешком и подхожу ближе, заметив, как полет Скорфуса неуклонно замедляется. Вовремя: стоит оказаться у стены, и он нагло складывает крылья, камнем падает мне на руки, замирает. Довольно тяжелое тело пылает, морда запрокинута, крошечное пятнышко белой шерсти на груди дрожит от частого дыхания. Вполне себе кот. Можно почесать ему пузо. И погреться: сквозняк опять усилился. То ли не хочет отпускать нас, то ли спешит ускользнуть следом.

– Откроется через несколько минут. – Блаженно зажмурив глаз, Скорфус бегло кивает на сияющую стену. – Напомню: нам нельзя выносить и вывозить из Подземья ничего из того, что ему принадлежит, точнее, с этими вещами мы просто не сможем выйти. То есть...

– Телега, – вздохнув, киваю я. – И эта ящерица.

– И веревки, – добивает меня Скорфус.

Проклятие. Некоторое время мы молчим.

– Будешь душить его снова или?.. – наконец тихо спрашивает он.

Я качаю головой, не дав ему закончить:

– Хватит.

– Как тогда? – Он ерзает в моих руках. Я аккуратно опускаю его на камни.

– Есть одно средство. Я и раньше использовала его для

решения проблем...

– Опасное, Орфо? – Он переворачивается на живот, встает и начинает шумно отряхиваться. Шерсть местами встает дыбом.

– Да нет, нет... – Я потираю лоб, а потом тянусь к маленькому флакону на поясе. – Жди.

Ящерица, точно что-то почуяв, встает, едва я прохожу мимо, и дергает хвостом. Снова забираюсь в телегу, подхожу к Монстру, сажусь подле него на корточки. Он успел впасть в забытие. Но, к сожалению, для нашей безопасности оно недостаточно глубокое.

– Эй. – Несильно бью его по щеке. Веки дрожат. – Эй, пора в дорогу. Замерз, наверное?

Глаза он приоткрывает совсем чуть-чуть; из-за красного мерцания они похожи скорее на две маленьких раны. Вид измочаленный, ответа нет.

– А еще ты, думаю, хочешь пить. – Я открываю флакон. Из него вырывается слабый травянистый запах: тимьян, лаванда, валериана, огромное количество корней, которых не найти в простом саду. – Давай, ведь боги знают, что будет дальше.

Он чувствует этот флер – и несомненно узнает, судя по тому, как дергается, как нервно хрипит. Не хочет, нет, но я, переборов омерзение, хватаю его за волосы, давлю пару червей и, намотав пряди на кулак, заставляю голову застыть в нужном, чуть запрокинутом положении.

– Пей, – повторяю я и прижимаю горлышко к его рту, прежде чем он сжал бы зубы. – Пей, от этого никто еще не умер.

В мгновения, пока сонное зелье льется ему в горло, он смотрит мне в глаза, и я это выдерживаю. Но концентрация убийственная, и сознание Монстра плывет сразу, слава богам. Не проходит и минуты, как он обмякает. Я отпускаю его, скорее вытираю руки, возвращаю флакон на место. И, сняв с пояса уже нож, начинаю сосредоточенно резать веревки.

Стена за моей спиной наливается все более ослепительным красным светом. Дом ждет нас, вот только все лишь начинается. Сквозняк бьет меня по щеке, точно злась.

Ничего нового, я зла на себя не меньше.

Принцесса

Наверное, самой тяжелой из обязанностей Эвера было ночевать со мной в Кошмарную неделю – ту, когда боги насылают на волшебников дурные сны. Луна в эти ночи разрастается в огромный шар с кровавой каемкой, глядит с небезлым глазом и подмечает каждое преступление. В эту неделю особенно опасно бить зеркала: лишишься удачи не только в делах, можешь и голову потерять. В эту неделю лучше не ходить на охоту: любое животное, которое ты убьешь, может оказаться священным, даже еж, белка или выдра. В эту неделю дурные сны видят и обычные люди. Но волшебникам все-таки хуже.

Это начинается, когда нам исполняется лет восемь. Отныне каждый месяц мы не спим семь ночей – точнее, спим, но сном это не назвать. Огонь и тьма, склизкие щупальца-плети и твари, сжирающие наши внутренности, чудовищные гиганты, насилующие нас, еда, покрытая червяками, вода со вкусом мочи и запахом фекалий... Все это – реальность, куда мы проваливаемся и откуда не можем выбраться до зари, все это встречает нас и если вздремнуть днем. Некоторые, конечно, хитрят: жуют особые корни и разводят с водой жженые бобы, позволяющие сопротивляться самому желанию спать долго-долго. Это немногим лучше: да, ты переживаешь Кошмарную неделю, но после семи дней и ночей

бессонницы ты даже больше похож на мертвеца, чем тот, кто покоряется судьбе. Терпеть кошмары – правило. Если ты не выполняешь его, тебя накажут.

Если рядом гаситель, сны чуть менее зверские, а еще он может разбудить тебя до того, как кошмар станет совсем невыносимым. Касание его ладони ко лбу унимает жар. Беда одна: гаситель не может спать вместе с тобой, он должен сторожить тебя – значит, жертвовать своим отдыхом.

Когда ко мне приставили Эвера, я не желала, чтобы он так делал. Сны еще только подбирались ко мне, я терпела их, но даже когда поняла, сколь они чудовищны, – я противилась. Полегчает мне оттого, что Эвер пару раз разбудит меня? А от его ладони на лбу? Мне всегда казалось, лучше просто принять то, что боги нам предназначили. Кошмары – значит, кошмары. Ведь они обязательно кончатся, и я даже точно знаю когда. А через пару ночей нормального сна я уже буду как новенькая. Ну и, конечно, все переносится немного проще, если днем есть побольше фруктов, пить укрепляющие нектары с медом, лимоном и шиповником, больше гулять.

Эвер считал иначе; я чувствовала, что ему меня очень жаль. Наверное, ему страшно представлять, как я мечусь на постели, невыносимо слышать, как я кричу и плачу – особенно если мне вдруг снится мама, тоже в облике какого-нибудь чудовища. Все-таки я была маленькой и вдобавок переживала это одна, на мои крики никто не прибегал. Я сама уговорила папу: «Я же волшебница, я должна привыкать».

Пару раз он, конечно, ломился ко мне, и служанки ломились, и даже целеры, но я всех прогоняла. «Я в порядке, в порядке!» – кричала я, стирая кровь с искусанных во сне губ. Выпивала воды из кувшина – и снова падала в черноту. Мама и другие чудовища встречали меня там, смеясь и скалясь.

С Эвером, правда, стало легче: в снах я теперь чувствовала меньше боли, побеждала некоторых чудовищ или убегала от них, выбиралась из пожаров. Это все равно было изматывающе, но терпимо. Приходя в себя, я благодарно брала Эвера за руку и раз за разом отправляла поспать днем. Он редко подчинялся, но кое-что между нами, несомненно, изменилось: от моих касаний он больше не шарахался. Даже когда я переплетала наши пальцы.

Кое-что расстраивало меня страшно: на Эвере ужасно сказывалась нехватка сна. После двух-трех таких ночей его шатало, он мог потерять сознание, а под его глазами стелилась такая чернота, что больно было смотреть. Он продолжал улыбаться и делать со мной уроки, мы возились в саду и гуляли – гуляли с Лином, ведь другой возможности «безопасно» пообщаться со мной у брата не было, – но я чувствовала, каких усилий Эверу все это стоит. Когда мы с Лином, например, находили в лесу поляну с земляникой и начинали азартно собирать ее, Эвер просто ложился под сосну поодаль и прикрывал глаза. Когда мы носились у морской глади – садился на песок и рассеянно пересыпал его в ладонях. Опасения Лина в такие дни оказывались беспочвенными.

ми: секретничать мы могли о чем угодно, Эверу не было до нас никакого дела.

– Чего ты все время на него озираешься? – вздохнул в одну из таких прогулок брат. Мы только что поплавали, сидели в мокрых туниках на песке и строили из него храм Арфемису. Противному нудному Арфемису, которого я терпеть не могла.

– Ничего я не... – начала я, но осеклась, поняв, что он прав. Я покосилась на сидящего ближе к валунам Эвера уже раза три. Я боялась, что он уснет и ударится о камни головой.

– Какой-то он у нас чахлый, да, малыш? – подавшись ближе, шепнул Лин. Его дыхание обдало меня странной горечью, напомнившей об укрепляющих настойках, которыми нас пичкали в холода.

– Это из-за меня, – вздохнула я, потеряв глаза кулаками. Была как раз середина Кошмарной недели, и в прошлую ночь я не спала. – Сам подумай. Он же бодрствует семь ночей подряд...

– Зато тебе лучше. – Лин слабо улыбнулся и принялся выравнивать колонны храма.

Я положила сверху легкий кусочек коры и стала покрывать песком, делая крышу. Был один страх, который я устала держать в себе. И я поделилась:

– Знаешь, с такими жертвами я сомневаюсь, что гаситель может прожить больше волшебника.

– Обычно именно так и бывает, – удивленно возразил

Лин. — Боги не дураки. Они дают гасителям тот запас прочности, который нужен, чтобы хорошо служить волшебникам.

— Служить... — повторила я, глянув на него исподлобья. Лин понял, спохватился.

— Помогать.

Мы замолчали. Соленый ветер трепал наши волосы, руки иногда соприкасались на влажных песчаных фигурах. Я чувствовала: Лину неловко, он думает, как возобновить разговор, но сама не очень хотела этого.

Наши отношения за последний год снова стали ближе — благодаря более частому совместному досугу, благодаря тому, что с Эвером действительно оказалось здорово играть в петтейю, благодаря их общему с братом интересу к истории и путешествиям. Эвер заново соединил нас, а особенно когда начал учить драться. Сам он сражался довольно необычным оружием, но и его навыков в фехтовании оказалось достаточно, чтобы обучить меня и подтянуть Лина. И все же одновременно я чувствовала: не все... так, как мне бы хотелось. Брат по-прежнему считал, что я для него маловата, а Эвер великоват. Поэтому он доверял нам меньше, чем мог бы. Поэтому мы, например, так и не упоминали в разговорах маму. Поэтому, влюбившись в дочку одного из наших садовников, Лин всеми силами старался это скрыть — и вспылил, когда Эвер попытался дать ему какой-то «мальчишеский» совет.

Эвер встал с песка, пошел к нам. Мы улыбнулись, когда он сел между нами и оглядел храм.

– Чего-то не хватает, – отметил он. Полез в карман штанов, вытащил довольно большую витую ракушку и занес над моей хлипкой крышей.

– Не надо, упадет! – запротестовала я: храм получился красивый.

– Нет, нет, он сможет, – уверил Лин, сощутив глаза. Он неотрывно, с каким-то странным выражением наблюдал за бледными пальцами Эвера. Бледными как всегда – Эвер почти не загорал и не обгорал. Его кожа словно отталкивала или просто впитывала солнечные лучи.

Эвер долго выбирал, как положить раковину, и в итоге она оказалась точно в центре нашей постройки. Песчаные своды дрогнули, но выдержали, в перламутре заиграло солнце. Красиво! Я захлопала в ладоши, любуясь; Эвер начал что-то объяснять про баланс и противовесы. Лин, то ли слушая, то ли нет, вдруг удовлетворенно улыбнулся, тоже занес руку... и одним движением, с криком «БАХ!» снес всю конструкцию. Я взвизгнула: песок попал мне в лицо. Осекшийся на полуслове Эвер нахмурился, но не сделал брату замечания. А сам Лин довольно засмеялся.

– С ума сошел! – Я опять принялась тереть кулаком глаза. К счастью, от мокрого песка я легко избавилась. Но я рассердилась: он сделал как... как ребенок! Которым уже даже я не была!

– Красота в скоротечности, – возразил Лин и посмотрел на Эвера так, словно именно от него ждал одобрения. Я тоже

посмотрела. Эвер продолжал хмуриться.

— Красота во множестве вещей и поступков, — ответил он наконец. — Скоротечность — только один из путей, и не самый трудный.

Лин с сомнением хмыкнул. Эвер отряхнул рубашку и внимательно посмотрел на него.

— Ты будешь королем, — произнес он довольно тихо. Взял раковину, подкинул на ладони. — Твоими ориентирами должны быть долговечность... — быстрым сильным движением он забросил раковину далеко в море, — и свобода. Скоротечность может погубить твой народ. Как мой погубил Великий Шторм.

Лин закусил губу, потом встал. Он все еще смотрел странно — теперь будто с обидой. Или с разочарованием.

— Понятно, — бросил он, повернулся и, подобрав сухую одежду и сандалии, пошел прочь, в сторону скалы, в которой вырублен был подъем к замку, на крепостную стену. — Пока.

Я хотела побежать за ним. Эвер мягко удержал меня за плечо.

— Не надо. Не сейчас. — Но его воспаленные, усталые глаза не отрывались от напряженной спины Лина. Кажется, Эвер был не со мной. Он встревоженно о чем-то думал. Тоже, наверное, заметил, что вот такие перемены настроения, взрывы чувств, спонтанные поступки случаются с Лином все чаще. Но был слишком тактичным, чтобы это со мной обсуждать.

– Он сам ведет себя как... Великий Шторм! – возмущенно заявила я, и Эвер, наверняка пересилив себя, рассмеялся.

– Нет, нет. Все не настолько плохо. Это называется «ранний подростковый возраст», ты тоже такая будешь.

Я надула щеки, замотала головой: чего? Он вздохнул и посмотрел на воду.

Великим Штормом называлось древнее, темное двадцатилетие, в которое море вообще не бывало спокойным. Волны постоянно ревели, выбрасывали на берег рыб и дельфинов, ломали в щепки суда. Говорили, это из-за какого-то физальского разбойника, попытавшегося похитить одну из дочерей Одонуса. Физальцы и пострадали от Великого Шторма сильнее прочих народов: они были мореходами, даже жили больше на кораблях, чем в городах. Голодные, потерявшие немалую часть людей, они вынуждены были присягнуть на верность гирийскому королю. Когда Шторм кончился, уйти они уже не смогли. Удивительно многим понравились сухопутная жизнь, праздность и богатство чужого двора... ну а чужому двору – нам – очень понравились удобные выходы к морю, просторные бухты, соляные карьеры и редкие, но могучие крепости. Вспоминать о былом величии и требовать волю физальцы начали только во времена моих прадедов. С тех пор словосочетание «Великий Шторм» стало у них почти ругательством. Порой я повторяла его за Эвером.

– Так или иначе, – ободрил меня он, с усилием отводя взгляд от волн, – все шторма роднит одно: они заканчивают-

ся рано или поздно. Сама увидишь.

И правда, за ужином Лин уже вел себя как ни в чем не бывало: был болтлив, уплетал суп из моллюсков и чесночный хлеб за обе щеки. Эвер, у которого наоборот пропал аппетит, то и дело посматривал на него, а я – на Эвера. Сердилась: какой он усталый... да еще и терпит всякие гадости. Всякие... шторма. Вскоре после этого я наконец придумала, как немного освободить его от ночных страданий – так разозлилась.

В комнате у меня всегда хранилось сонное зелье – мне выдавали его, чтобы я лучше спала после Кошмарной недели и быстрее восстанавливалась. Новый флакончик оказывался на столе каждый месяц. Никто не подозревал, что я не успеваю выпить его целиком. Под моей кроватью жило сразу несколько таких флакончиков, в большом сундуке. Так, на всякий случай.

В следующую Кошмарную неделю я впервые попробовала подлить Эверу немного зелья в молоко с медом, которое мы пили перед сном. Он ничего не заметил и задремал в кресле, так что всю ночь я была предоставлена своим кошмарам. Проснулась я совершенно разбитой, зато он – нет. «Ничего страшного, ты просто устал», – утешила его я, и мы пошли завтракать. Он встревоженно посматривал на меня раз за разом, но я была довольна. Даже счастлива.

Постепенно я отточила свои маленькие преступления: поняла, что снотворное лучше не подливать чаще, чем в три-

четыре ночи недели, а также решила сама в такие ночи не спать. Жевать пахучие темные бобы с Дикого континента у меня бы не получилось: такие бодрящие вещества разрешалось употреблять только взрослым. Поэтому я ограничивалась простыми методами: читала, ходила по комнате, когда было совсем невозможно – ложилась и вставляла в глаза обломанные палочки. Хорошо хоть Эвер в своем глубоком сне этого не видел. Зато я могла смотреть на него часами и в какой-то момент поняла, что мне не надоедает. Это красивое лицо напоминало скульптуру. Эти упавшие на глаза волосы я несколько раз трогала – и на ощупь они оказались мягкими, почти как шелк. На этих пальцах появились наконец кольца – тонкие серебряные ободки на средних фалангах. Я правда могла ночь напролет рассматривать Эвера, безвольно раскинувшегося в кресле. И только теперь, став постарше, понимаю, что, наверное, в этом было что-то нездоровое. Хотя чего ждать от человека, пялящегося и на своего кота?

Зато Эвер высыпался, и мы продолжали хорошо проводить дни. Прыгучее настроение Лина, конечно, портило их: он то был слишком веселым, то замыкался, то скакал как олень, то словно впадал в спячку. Еще, к моей досаде, он продолжал общаться с Эвером странно: будто не понимал, чего хочет больше – заслужить его уважение или бросить вызов. Лина, несомненно, уязвляло то, как хорошо Эвер обращается с оружием, – он постоянно одерживал над нами верх. Когда один-единственный раз я, используя волшеб-

ство, все же победила и опрокинула Эвера в траву, Лин возмущенно заявил, будто Эвер мне поддался, и мы поссорились. В следующем поединке Лин злился так, что проиграл за пару минут. Но послушно ухватился за протянутую руку, когда Эвер склонился над ним и сказал:

– Не переживай. Мои возможности всегда были и будут ограничены. Твои – бесконечны. И ты большой молодец.

Я не до конца поняла, что он имеет в виду, и я уверена – Лин тоже. Но он неожиданно весь покраснел и даже выпалил какие-то благодарности. А Эвер – совсем тихо, но я услышала – добавил:

– Если, конечно, ты перестанешь ограничивать их сам.

В первый вечер следующей Кошмарной недели, поставив на стол молоко в кубках, Эвер сел в изголовье моей кровати и сказал мне, уже забравшейся в постель:

– Орфо, перестань, пожалуйста, это делать.

– Что? – Я невинно округлила глаза, а под одеялом сжала кулак с флакончиком.

– Ты знаешь, – сухо ответил он. С этим строгим, сосредоточенным взглядом он казался намного старше своих восемнадцати.

– Не-а. – Я помотала головой. Параллельно я прикидывала, как бы его отвлечь, чтобы он встал и отвернулся от кубков.

Эвер вздохнул. Бледные пальцы его, дрогнув, потянулись к горлу, к розовому «ошейнику», от которого осталась толь-

ко пара маленьких рубцов возле кадыка. Я уже знала – это нервный жест. Эвер делает так, когда сильно переживает. А еще когда ему что-то вспоминается.

– Не опаивай меня, – наконец прямо попросил он. Рука опустилась, так и не коснувшись кожи. – Не нужно, ведь я очень боюсь, что ты пострадаешь. Упадешь с кровати и сломаешь шею, или случайно задушишь себя, или расцарапаешь...

– Я не всегда сплю, пока ты... – Отнекиваться я не стала, поняв, что бесполезно, и сразу бросилась спорить. Но Эвер не дал мне перебить.

– И я вдвойне прошу тебя этого не делать, потому что с такими вещами у меня связаны не лучшие воспоминания.

Я закрыла рот. Эвер хрипло выдохнул, положил руку на колени и, сжав кулак, посмотрел мне в глаза.

– Мой хозяин иногда так опаивал меня. Чтобы делать некоторые вещи. С моим телом. Когда я сопротивлялся слишком сильно. Когда... не мог расслабиться.

Между нами повисла тишина. Я понимала, что спрятаться в ней под одеяло с головой и сгореть там от стыда – плохое решение. И просто смотрела в ответ, не решаясь даже пошевелиться.

– Если тебе правда это так важно, я буду чаще спать днем, – как ни в чем не бывало продолжил Эвер. Его застывшие глаза снова стали немного живее. – Но пожалуйста, прекрати то, что ты придумала. И вообще сонное зелье – это не

игрушка.

– Я понимаю, – пролепетала я. В горле совсем пересохло, я схватила свое молоко. – Прости! Пожалуйста! Я хотела как лучше.

– Знаю. – Эвер кивнул. Его улыбка немного приободрила меня. Он взял свой кубок, стал не без опаски нюхать.

– Да нет там ничего, нет! – Я выпростала из-под кровати вторую руку и показала ему флакон на раскрытой ладони. – Я не успела.

– Ну и славно. – Он забрал зелье, задумчиво повертел в руке, потом встал, отошел и поставил на подоконник. – Очень славно. А теперь скажи-ка мне...

– Да? – Я подалась немного вперед. Уши горели: я была уверена, что сейчас пойдут вопросы вроде «Сколько уже раз ты надо мной издевалась?». Но Эвер спросил другое:

– Ты представляешь, сколько приблизительно у тебя скопилось таких пузырьков?

Я пожала плечами:

– Не-а.

– Можно посчитать?

Я кивнула, слезла на пол, мы с Эвером заглянули под кровать и нашли в сундуке семь бутылочек. Мало. Я точно помнила: в начале месяца их было одиннадцать. Еще одна стояла на подоконнике... значит, три пропали.

– Что-то не так? – вкрадчиво спросил Эвер, когда мы вышли на свет.

У меня пока не было ответа, но что-то подсказывало мне, что он прав. А еще что-то – скорее всего, волшебная интуиция, – что я догадываюсь, где, а точнее, в ком проблема.

Кошмарную неделю мы пережили без приключений и преступлений: я страдала, как волшебнице и подобает, Эвер присматривал за мной, а потом под моим присмотром дремал днем в саду. Все это время мы будто и не вспоминали о флакончиках, но я знала: он думает о них так же, как я. Лин с нами не общался – у него было много дел с отцом. К концу недели флакончиков под кроватью стало шесть. А отоспавшись после своего последнего наказания и выйдя утром в сад, я увидела, как Лин и Эвер шепчутся, сидя на скамейке в самом дальнем углу. Их позы казались напряженными. Оба жестикулировали.

Я подошла бесшумно и отлично услышала несколько фраз.

– Это не выход, пойми! – Эвер всплеснул руками. Он никогда так не делал.

– Я так больше не смогу... – пробормотал Лин, сжав край скамьи.

– Сколько ты уже на этом?

– Второй год... – Голос брата дрогнул, а Эвер схватился за голову.

– Ты хоть понимаешь...

– Это ты не понимаешь! – Лин попытался оттолкнуть Эвера подальше, но тот схватил его за плечи, встряхнул. Нико-

гда я не видела у него такого застывшего лица.

– Лин. – Голос звучал хрипло, но ровно и уверенно. – Чувства и воспоминания, которые ты притупляешь, все равно тебя настигнут. Это так не работает. Пора прекращать. Бери пример с сестры. Она же как-то справляется, а ведь она значительно младше.

Ответа все не было – Лин лишь смотрел во все глаза, смотрел то ли испуганно, то ли замороженно, как мышь на змею. В этом было что-то тревожное, что-то неправильное, ведь это же славный, добрый Эвер. Зато... он похвалил меня! Он меня похвалил! Понять бы еще за что, с чем я «справляюсь»... Интуиция снова зашептала ответ. Я сделала шаг вперед и намеренно громко хрустнула веткой. Мой король и мой гаситель обернулись, и я прижала палец к губам. Лин хотел вскочить. Эвер поймал его и посадил назад. Он выглядел замученным и как никогда усталым.

– Не понимает. – Кажется, Эвер... жаловался мне? Как взрослой, которая может помочь? Наверное, я зарделась, как гранат.

– Это вы не понимаете, оба! – рявкнул Лин, снова попытавшись вскочить и впившись в меня взглядом. – Орфо! Ты... хотя бы ты, ведь ты тоже это пережила...

Он запнулся, выдохнул хрипло и рвано. Я поскорее подошла, удержала его за плечи и прижала к себе. Взрослая, взрослая... я сама это знала. Он был выше, но сейчас, когда я стояла, а он сидел, смог уткнуться мне в грудь. Затрясся.

Может, даже заплакал, только без всхлипов. Я гладила его по волосам, а в нос мне снова бил запах горьких трав – знак, что сегодня брат переусердствовал. С дозой.

Свойства состава, лежащего в основе сонного зелья, меняются в зависимости от температуры. Прохладное зелье действительно усыпляет, подогретое на огне – действует как дурман. Оно бодрит и снимает тревогу, придает сил и отвлекает от невзгод. Оно веселит и заставляет ум работать быстрее, оно постепенно делает тебя не тобой и иногда, словно вспомнив об основном свойстве, начинает усыплять – в момент, когда само захочет. Зато тебе вроде как становится проще жить, конечно, пока ты совсем не превратишься в безмозглое чудовище. Испарения от подогреваемого зелья можно вдыхать, а можно – если хочешь совсем сильный эффект – пить. Сегодня Лин явно выпил. Как и в тот день на пляже, когда разрушил храм. Он нарушил правило – людское, а не божеское, но очень важное. Зелья-дурманы запрещены. Каждый, кто пойман на их употреблении, должен сдаться властям и пройти наказание плетьюми, а потом очищение – два месяца пить козью мочу.

– Давай, Эвер, – выдавил Лин. Он намертво впивался в мою тунику. – Давай, иди, расскажи отцу. Он точно тебя похвалит. И плевать ему, что без этой штуки я не смогу нормально сопровождать его, и держать столько имен в голове, и не думать о... о...

– О маме, – прошептала я. И тогда он задрожал и заревел

в голос, словно это ему, а не мне было десять лет.

Думаю, он вспомнил все их... путешествия в военный год. Вспомнил день, когда она, в алом платье, в последний раз вошла к нему спальню, ласково взяла его за руку и позвала: «Пойдем погуляем к дальним скалам». Вспомнил, как там, в штормовой тишине, когда чужие корабли уже маячили на горизонте, кир Илфокион приказал: «Отпустите принца», а мама отрезала: «Он умрет со мной, он не будет унижен» – и попыталась ударить Лина ножом, но не успела. Думаю, он вспомнил и мой сломанный от падения с лестницы нос. И то, как я теперь улыбаюсь, рассматривая в зеркале свою легкую, почти невидимую горбинку.

Я утешала его, а Эвер молча сидел и глядел в крепостную стену. Вдоль нее уже разрослись ландыши, смешались с земляникой. Воздух чудесно пах, так и звенел свежестью. Может, он и успокоил в конце концов Лина: мой бедный брат выдохнул, отстранился, яростно вытер туникой глаза. Тогда Эвер сказал:

– Я ничего ему не выдам. Но ты должен немедленно это прекратить.

Лин усмехнулся, мотнул прилипшими к лицу волосами. Я стала отводить черные локоны, стараясь не вдыхать глубоко. Эвер все смотрел на него. Он смотрел на Эвера. Наконец тихо спросил:

– Ты тоже это принимал?

– Попробовал несколько раз, – неопределенно ответил

Эвер. Его рука потянулась к шее. — Чтобы... не обращать внимания. Но, как ни странно, именно хозяин и смог вполне доходчиво объяснить мне, что потом со мной станет. И стал... иногда давать вино.

Или использовать то же зелье, но законно. Как я. Об этом продолжении я догадалась сама.

Мы с Лином переглянулись. Он прошептал:

— Мое тело зависимо от зелья? Я просто не понимаю, не контролирую себя, идя к сестре...

Эвер покачал головой:

— Твой разум. Только он. Ты уже привык спастись так, придется отвыкать. — Он снова слабо улыбнулся и кинул взгляд на меня. — Но мы поможем. Давай для начала попробуем просто проводить больше времени вместе. И разговаривать. В том числе о твоей матери и твоём страхе быть королем. А там посмотрим, понадобится ли тебе еще помощь.

Лин сжал зубы. Я знала: он вспоминает давние слова на берегу, слова о сложных и легких путях. Он долго шел легким. Теперь предстояло выбрать сложный. Он боялся. Я взяла его за руку.

— Король и его волшебница.

Лин вздрогнул, но вцепился в меня в ответ. А я подумала и поправилась:

— Король. Его волшебница. И ее гаситель. На веки вечные.

С того дня мы наконец по-настоящему стали друзьями. Жаль, ненадолго.

Чудовище

Ненормальная физическая сила покидает меня вместе с ознобом – с каждым шагом сквозь колышущуюся завесу. На ощупь эта дрянь тугая, немного липкая и теплая, как человеческая кожа, – хочется просто вспороть ее ногтями, разодрать в клочья и скорее вылезти на свет, но, увы, руки заняты. В ушах свистит: пещерные сквозняки не хотят меня отпускать.

Вряд ли в чью-то голову вообще поместилась бы такая картинка – я, грязная, окровавленная, всклоченная, гордо выхожу напрямиком из прибрежной скалы. Она вся в багровой гадости, больше похожа на прорванную девственную плеву, а через мое плечо небрежно перекинут огромный, в полтора раза меня крупнее, Монстр. Монстр Преисподней, впрочем, так его зовут подземцы. Мы-то даже не знаем, что за место Преисподняя, наши боги ни о чем таком не рассказывали.

Силы окончательно иссякают, стоит ногам впервые ступить на пляж, и я спешу скинуть черно-серую тушу, до того как захрустит моя спина. Не успеваю: падаю рядом, так неловко, что набираю полный рот песка. Проклятие! Ну ладно... Некоторое время просто лежу тряпкой, уткнувшись в него. Мышцы ноют, ободранная шея саднит, да еще и клеймо горит, будто рисунок раз за разом прижигают раскаленной иглой. По-видимому, так возвращается волшебство.

– Вставай, потомок обезьяны, – подначивает меня Скорфус. Судя по ощущениям в позвонках, по ним прохаживаются с выпущенными когтями. Изворачиваюсь и скидываю его, даже пытаюсь придавить собой. – Тихо-тихо, ты ведь помнишь, как я ценен?

Тут есть доля правды: фамильяры отличаются от обычных питомцев не только фантастической красотой. Они потомки животных, по своей или божьей воле покинувших Святую Гору и породнившихся с обычным зверьем. Большая загадка нашего мира – сами-то боги не могут сходиться со смертными существами, пламя в их крови и семени сжигает всех нас заживо, даже их поцелуи для нас смертельны. А вот фамильяров развелось уже множество, и почти каждый обладает как минимум одной волшебной силой, а порой целым букетом. Большинство говорят. Некоторые что-то предвидят. Другие умеют обращаться в людей, раздваиваться, выдыхать огонь, ходить сквозь стены. Скорфус чувствует и восстанавливает единожды открытые порталы, а его слюна облегчает боль. Но это не единственное и, пожалуй, не главное, на что он способен. И все равно мне есть чем встретить его наглость.

– Уже нет, – хмыкаю я, переваливаясь на бок. Подпираю рукой голову и начинаю внимательно наблюдать, как он извлекается от песчинок в лоснящейся шерсти. – Портал ты открыл и закрыл. Дело сделано. И к тому же...

Внутри что-то сжимается. Я не продолжаю.

Мой гаситель вернулся ко мне.

Вернулся ли?

Монстр глубоко спит, хриплое дыхание почти неразличимо. Я торопливо подползаю, оглядываю его, хватаю за руку – серую, болезненную, едва знакомую руку с обломанными когтями. Поворачиваю запястье внутренней стороной к себе. Стрела там, была все это время. Дальше я спотыкаюсь взглядом о бирюзовое колечко – свой давний, детский подарок, – выпускаю эту уродливую конечность и обессиленно закрываю глаза. Правда обессиленно, потому что именно сейчас, на *другом* воздухе, я понимаю: смотреть на это невозможно, держаться бодро невозможно, соображать невозможно. Реальность, которую я раскроила своей отчаянной идеей, сомкнулась и срослась. Вот они, последствия. Скоро мне предстоит как-то исправить то, что я натворила четыре года назад, хотя бы попытаться, а еще рассказать об этом правду хоть кому-то. Как минимум отцу. Ему будет больнее всех, но да. Стоит это сделать.

– Так, не реветь, не реветь! – Скорфус пролетает где-то передо мной: крыло нагоняет воздух. – Слушай, ну мы же молодцы, почти все сделали, осталась малость.

– Осталось *очень* много, Скорфус, – возражаю я, с усилием сев попряме и посмотрев на него. – Ты не представляешь. Ты тогда еще не был со мной.

Его это не впечатляет; он только весело кувыркается в воздухе и плюхается мне на колени, чтобы свернуться в клубок. Из черноты почти идеального мехового шара сверкает жел-

тый глаз.

– Зато я с тобой сейчас. И у меня большие планы.

Вздохнув, я привычно чешу его между ушей. Он издает вполне обычное урчание, совсем немного похожее на грохот медных труб. Все это время на Монстра я не смотрю. И не думаю, вообще не думаю о том, что делать дальше. Сонное зелье будет действовать до зари. По крайней мере, я уверена: в ближайшие часы он не проснется.

А когда проснется, будет уже другим. Прежним.

– Пур-р-р-р, – блаженно повторяет Скорфус в который раз. И я снова переключаю мысли на него.

Я нашла Скорфуса, когда мне было плохо – омерзительно плохо. Это случилось на берегу, в вечер, когда я почти ничего не соображала и потому приняла его за обычного кота. Потащила бы я домой фамильяра, зная, что некоторые из них опасны? Не знаю, я не отвечала за себя. А Скорфус, как позже выяснилось, только недавно свалился за борт корабля, на котором к нам добирался, еле выплыл, уснул на пляже среди водорослей. Он родом с отдаленного острова Игапты, где фамильяров-кошек целое племя. Почти все они любят свою землю до умопомрачения: местные их обожествляют как ставленников доброй Гестет. С острова их не выманить, а вот Скорфус – хотя фамильяры не рождаются с клеймами – всегда ощущал себя странником, тем, кому на роду написано путешествовать. Поэтому он пробрался на торговый корабль гирийцев. Но, к сожалению, как оказалось, он не переносит

качку, теряет из-за нее ориентацию.

Я нашла его без сознания, мокрым и замерзшим. Окоченелые крылья были так прижаты к облепленному водорослями телу, что я их даже не заметила, приняв за какое-то увечье. Неладное я почуяла, только когда дома он раскрыл глаз и истошно заорал. Впрочем, засыпать и видеть очередные кошмары мне не хотелось, поэтому я отсрочки ради решила выяснить, что за тварь неосмотрительно притащила домой. Мы поговорили. Узнав, что я принцесса, Скорфус мгновенно перевозбудился, без церемоний запрыгнул мне на руки, принялся вовсю тереться, повторяя: «Давай, давай дружить, у нас даже имена похожи, ну давай!» Орфо и Скорфус. Действительно, есть что-то общее. Мой разум был все еще затуманен, по сути, мне было плевать, и я просто сказала: «Давай», чтобы он скорее заткнулся. Потом я легла спать, и он нагло забрался в мою постель. А уже наутро стало понятно: у Скорфуса, пусть в зачаточном виде, есть дар гасителя. Ведь кошмары я пережила куда спокойнее, чем переживала все предыдущие месяцы, а еще через ночь они кончились.

Да, именно так, месяцы. Мое *наказание* больше не ограничивалось неделями.

Так я узнала, почему некоторые волшебники, не нашедшие гасителей, но подружившиеся с фамильярами, достаточно долго оставались живыми и здоровыми. Я сомневалась, что это светит мне: я нарушила слишком много правил. Но Скорфус дал мне надежду. И – куда важнее – стал

другом. Кажется, даже первым настоящим другом, ведь что Лин, что Эвер были для меня *не такими* друзьями. А может, и не друзьями вовсе, я зря использовала это слово, мои чувства к обоим были... чуть иными. Я этого уже не знаю. Не знаю ничего.

– Может, поцелуй? – вкрадчиво спрашивает Скорфус, приподняв голову.

– Что, прости? – уточняю я, недоуменно глядя в его хитрый глаз. Решив, что поняла, склоняюсь чмокнуть это наглое недоразумение в темя.

– Нет, нет, не меня! – Он тут же уворачивается.

– Тогда о чем ты? – Теперь чую неладное.

– Ну, одно из правил, – не унимается он, расплываясь в ехидном оскале. – Поцелуи всегда работают.

Вот же маленький уродец.

– Угу, только нигде не уточняется, *как именно* в каждом конкретном случае они работают, – мрачно напоминаю я, перерыв плечами. В волосах спящего Монстра уже нет червей: пришлось вынуть всех по одному, потому что тащить их с собой было нельзя. Зато на уродливое лицо успел сесть какой-то не менее гадкий жук. Сбиваю его щелчком. – Хотя, если хочешь, можешь попробовать, я не осужу никакие твои предпочтения, я вообще не осуждаю своих друзей.

– Я не... – начинает он, но сам хлопает себя лапой по рту. – Ну да, ну да. Ирония.

Какое-то время мы сидим молча, потом Скорфусу это на-

доедает, и он слетает с моих колен. Лениво идет к Монстру, запрыгивает уже ему на грудь, выпрямляется там, расправив одновременно крылья. Спина выгибается дугой. Есть в этом что-то хищное.

– Точно нет? – спрашивает он, неестественно, под очень сильным углом вывернув голову, чтобы на меня посмотреть. Серьезно, ненавижу эти его выходы в духе «Я бог».

Снова пожимаю плечами, а потом делаю жест «Мой рот зашит и не годится для поцелуев».

– Тогда лучше тебе отвернуться. – Весь Скорфус, но особенно его глаз, хребет и когти, начинает светиться слепящим золотом. – Я серьезно. И это... хорошо, что ты его усыпила. Правда. Все, давай, отворачивайся.

О подобном он просто так не просит. Я слушаюсь сразу, но все же успеваю заметить, как его силуэт растет, как перекачиваются под шерстью обычно незаметные мышцы. В воздухе что-то начинает потрескивать и гудеть, по отдаленному морю пробегает тревожный громкий плеск, тут же, впрочем, утихнув. А вот по телу бежит знакомый колющий озноб, и приходит внезапное желание – выкопать себе ямку в песке, переждать все там. Вместо этого я просто подношу к глазам ладони и прижимаю как можно крепче, ведь золотое сияние уже режет глаза.

Меня нет. Я ни в чем не участвую. Я ни за что не отвечаю. Я спряталась.

Но от звука, с которым звериные когти обдирают чужую

кожу, пытаясь отыскать под ней прежнее обличье, спрятаться сложнее.

Принцесса

Все стало меняться, когда мне исполнилось двенадцать. Я не сразу это заметила: слишком радовалась, что у Лина наконец появились *еще друзья*, и, может, поэтому не приглядывалась к ним пристально. К тому же я не разрешала себе забывать простую правду: Лин – принц. Будущий король. И далеко не всем, что происходит в его жизни, он должен делиться со мной.

Мы правда сблизились больше, когда Эвер догадался о его зависимости. И Лину правда повезло: он сумел оставить зелье в прошлом без посторонней помощи, тем более без козьей мочи. Мы приучили его вслух говорить простые слова: «Мне тяжело и плохо». Делиться дурными снами. Он рассказывал почти обо всем, через что мама проводила его за войну, – о трупах с развороченными ранами, о пленных на виселицах, о красном платье, летевшем на ветру, о словах в день перемирия: «Я слишком люблю тебя, чтобы оставить». И еще много разного. Страшного. Мы слушали, и я удивлялась тому, как Эвер владеет лицом. Ведь Лин повторял в том числе все проклятия, которые мама обрушивала на Физалию.

Пары зелья мы заменили на пары обычных эфирных масел – постепенно Лин привык нюхать пихту, лаванду и вербену, чтобы успокоиться, а иногда натирал ими виски. Мы начали совершать вечерние пробежки у моря, а еще завели

несколько ритуалов – например, перед каждой важной встречей с папиными придворными я сама надевала Лину кольца на пальцы, а Эвер проговаривал примерные планы того, куда может свернуть беседа. Мы нередко встречали Лина и провожали, порой нам даже удавалось напроситься его сопровождать – обо мне еще не говорили как о будущей придворной волшебнице, но до этого было недалеко. Папа ведь впился в идею. Ему теперь казалось, что мы придумали все гениально: близость волшебницы и гасителя не позволит Лину повторить мамины ошибки. Наверное, брат вообще теперь чувствовал больше поддержки, чем прежде. Меньше одиночества. И ему не нужно было зелье.

Но вдруг оказалось нужно что-то еще, чего мы дать не могли. Шторм продолжался.

Лин менялся на глазах, очень быстро вырослел. Лицо твердело, волосы становились пышнее, руки сильнее. Его красота теперь притягивала даже мой взгляд, он начинал говорить увереннее, а слушать его начинали с большим интересом. Порой, красуясь, он повторял странные философские тезисы Эвера – например, вот тот, про трудные и легкие пути, – но Эвер не обижался на эти кражи, только невинно уточнял: «Понимаешь ли ты все, что говоришь?» Лин смеялся и твердил одно: «Что бы я без тебя делал». Переводил взгляд на меня, добавлял: «И без тебя».

Но вскоре оказалось, что без нас он может делать очень много. И будет.

Двадцать королевских лет отца истекали через четыре с половиной года. Все его патриции, командующие, эпистаты⁷ и прочие большие люди уже понимали: пора занимать места *впрок*. Новый король, конечно, продолжит курс старого, все будет нормально, но... новый король точно захочет новых лиц в ближнем окружении. Молодых лиц. И лучше, если эти лица будут свои.

До пятнадцати лет с Лином дружили менее рьяно – ну, точнее, к нему по-настоящему не навязывались. Он общался с детьми как знати, так и прислуги, он влюблялся в дочерей как патрициев, так и поваров, на днях рождения и больших праздниках вокруг него вертелись толпы юношей и девушек. Но никогда раньше они – прежде всего, богатые, конечно, – так не старались задержаться рядом, обратить на себя его внимание, оттеснить других. Не дарили таких дорогих подарков, не напрашивались на танец, не звали то на охоту, то на скачки, то на какое-нибудь еще состязание. Мне все это казалось гадким. А вот Лину, прежде довольно замкнутому и застенчивому, теперь, кажется, льстило внимание. И, наверное, он боялся, что подведет отца, если не станет... как там называет это Скорфус... «более социально удобным», что бы это ни значило.

Одна из Кошмарных недель прошла для меня особенно сложно, в нее у меня еще началось женское кровотечение, – и все это время Эвер носился со мной. А когда оба мы, поряд-

⁷ *Эпистаты* – чиновники.

ком потрепанные, вновь вылезли на свет, то оказались перед свершившимся фактом: у Лина появилось что-то вроде постоянной, не отходящей от него почти ни на шаг компании. Человек восемь юношей и девушек его возраста и возраста Эвера. Шумные, резкие и мнящие о себе так много, будто родились от королей.

В честь моего выздоровления Лин потащил и их, и нас на берег, чтобы вместе поужинать у воды. Они оглушительно смеялись, много пили, неаккуратно – в основном руками! – ели, говорили друг другу постельные пошлости и постоянно швыряли друг друга в воду. А еще они странно смотрели на нас. Нет, никто не спрашивал, что мы делаем рядом с Лином, но этот вопрос читался, и разговоров между ними и нами все никак не получалось. В следующий раз Лин пошел гулять с друзьями один. А еще через несколько дней, в дождь, попросил нас куда-нибудь исчезнуть. Ну, пока он посидит в экседре с этими ребятами.

– Будете играть в петтейю? – с надеждой спросила я. С нами Лин не играл давно.

– Нет, – небрежно ответил брат. – Это же скучно.

– А во что тогда? – Я не стала спорить, хотя и растерялась. Петтейю Лин всегда любил, особенно сложные комбинации вроде гамбитов, которым научился у папы и Эвера.

– Будем просто разговаривать, – пояснил брат все так же равнодушно. – Об оружии. И о лошадях. Тут мне подарили жеребенка, помнишь?.. Надо обсудить, как его воспитывать.

– А чем тебе помешаем мы? – совсем удивилась я.

И в оружии, и в жеребьях мы разбирались не хуже, а где-то и лучше Лина. И между прочим, оба, в отличие от него, носили оружие, что ковалось из настоящего, могучего Святого железа с горы богов. Мое еще и Фестус выковал! Лин пользовался обычным: Святое дается не всем, не сразу. Чтобы овладеть мечом, секирой, перчаткой, чем угодно из него, пусть даже не живым, металл должен сам тебя выбрать. С царственными особами это рано или поздно происходит, но вариантом Лина, видимо, было «поздно» – еще одна вещь, из-за которой он сердился и переживал. Конечно, он мечтал короноваться – а коронуемся мы всегда с оружием – с великолепным двуручным мечом себе под стать. Чтобы обрести его, брату оставалось четыре года. Пока все живущие в замковой оружейной мечи наших предков и великих героев глубоко его презирали.

Лин смутился. У него забегали глаза. Он посмотрел на Эвера, снова на меня, отвернулся к столу, на котором стояли кувшин с вином и некоторое количество кубков, и тихо ответил:

– Вообще-то, ты, Орфо, можешь остаться. А вот *ему* придется ненадолго уйти.

Не говори о нем так, будто его тут нет. Лин забыл правило. Забыл!

Меня словно прошила холодная иголка с ниткой – я даже рот открыла. Беспомощно посмотрела на Эвера и сразу заме-

тила то, что всегда меня страшило и расстраивало, – как застыли его глаза и как еще сильнее побледнело лицо. Сжались губы. Чуть ближе сошлись у переносицы брови. Но удивленным он не выглядел. Совсем нет.

– Понятно, – только и сказал он, бесшумно развернулся и вышел. А я, не подумав и секунды, побежала за ним. Брат меня не удерживал.

Дойдя до угла коридора, остановившись и присев в самой большой оконной нише, Эвер стал задумчиво смотреть на дождь. Он был... таким, не знаю, как описать это, но очень несчастным. Я опустилась рядом, и наши колени соприкоснулись. Я было потянулась к его руке, но она задрожала, что напугало меня еще больше. Какое-то прошлое вернулось. Что-то, от чего я отвыкла и не собиралась привыкать назад. От этого во мне зашевелилась злость.

– Почему он тебя... – Я не смогла произнести слово «выгнал». Это было бы унижительно. Унижительно даже в отношении раба или слуги. У нас так не делали.

Эвер очнулся и тепло посмотрел на меня. Как и всегда в дождь, его глаза казались еще ярче.

– А ты как думаешь? – только и спросил он, но я упрямо пожала плечами.

Такого никогда не было. Мы же дружили. Такого не было, даже пока Лин скрывал от нас правду о зелье. И это не говоря уже об *изначальной* причине, по которой Эвера приставили к нам. Лин не только обижал нас, но и пренебрегал страхом

отца за его жизнь. Нарушал запрет, оставляя волшебника и избавляясь от гасителя!

– Орфо, – Эвер прервал тяжелую тишину, – все эти ребята, с которыми он общается, очень разные. Совершенно разные. Но их объединяет одно: как и большинство гирийцев, они считают, что гасители – ниже, чем рабы. Такие... придатки к волшебникам.

– Неправда! – возмутилась я. Теперь, через несколько лет нашего знакомства, я и не вспоминала мерзкое слово «обслуга», не говоря уже о чем-то упомянутом в законе. Эвер покачал головой и прислонился к окну. Казалось, он пытается спрятать взгляд.

– Так или иначе, в их представлении мне нельзя находиться в комнате, где король и его... Боевое Братство разговаривают.

– Боевое Братство, – прошептала я. Не такой Круглый стол, или как там это называется, я представляла. – Он, значит, рассказал тебе о своей детской мечте?..

– Да, – просто ответил Эвер. Помедлил. – Пару лет назад. – Вздохнул. – И сказал, что я обязательно буду в Братстве тоже, но, видимо, нет. Я ведь еще и физалец, а среди его... друзей есть «дети героев». Те, чьи семьи погибли в той войне. Боюсь, это важно.

Я чуть не заскрежетала зубами. «Дети героев»! Что-то вроде золотых сироток, ну да. Целых пятеро в любимой компании Лина были именно из таких: без отцов и матерей, но

с огромными пособиями и привилегиями. Конечно же, им не хотелось видеть Эвера, это даже можно было немного понять, но... но... Лин! Почему Лин уступил им, а не нам? И разве не его задача как короля – всех подружить и помирить?

– Ты что, Орфо? – Эвер спросил так мягко, будто это меня сейчас выбросили в мусор.

Я сглотнула, сжимая и разжимая кулаки. Мне захотелось обнять его, крепко-крепко, а потом побежать в экседру к брату и надавать ему с десятков пощечин, а то и вызвать на поединок. Мы уже оба неплохо сражались. Не дотягивали до Эвера, особенно когда он хватал любимое оружие – когтистую железную перчатку для правой руки и ловкий хлыст для левой, – но все же многого достигли. Я даже спрыгнула с подоконника, но Эвер тут же посмотрел на меня усталым взглядом: «Не надо, ничего не надо», и я приросла к месту. Ему было плохо. Я не могла его оставить.

– Это неправильно, – только и сказала я. От слов кололо в груди.

– Может, это и не повторится. – Он словно пытался утешить и меня, и себя. – Посмотрим. У всех бывают такие годы, годы, когда хочется, чтобы тебя... приняли?

Годы шторма. Но как смеет шторм *принца* быть таким грязным и гадким?

– Его и так примут! – Я топнула ногой. – Он же будущий король!

Эвер смотрел с грустью. Теперь он точно жалел меня, не

себя.

– Это разное. – Больше он тему не развивал. – Давай просто забудем. Не расстраивайся. Хочешь сыграть в петтейю?

И мы играли до позднего вечера, играли, а из соседней экседры даже сквозь толстый камень долетал гогот короля и его Братства. Не знаю, что они там правда обсуждали, но я дергалась, постоянно дергалась, а Эвер, наоборот, оцепенел. Мы мало разговаривали, уничтожая фигуры друг друга. Наши партии были долгими и неторопливыми. Меня не оставляло ощущение: все неправильно. Нельзя поддаваться. Я вглядывалась в Эвера, в его сосредоточенные глаза и гадала, что он чувствует. Но он прятал это так же ловко, как играл.

На следующий день Лин завтракал с нами как ни в чем не бывало. Это выражалось в двух вещах: он был очень мил и он даже не думал просить прощения или что-то объяснять. Он просто вычеркнул свое предательство из памяти. Или, по крайней мере, сделал вид. Эвер тоже ничем его не попрекнул. Я кипела и ерзала: как так? Друзья так не поступают. Друзья не врут.

После завтрака я надевала брату кольца – шесть, с разноцветными камешками. Он сидел в кресле, неподвижный, прямой, с вытянутыми мне навстречу руками и смотрел, кажется, куда-то на мой лоб.

– Зачем ты обидел нас? – не удержавшись, спросила я, когда нацепляла на большой палец его левой руки перстень

с крупным лимонным янтарем. Знак спокойствия.

— Обидел? — Он недоуменно посмотрел мне в глаза. — Когда?

— Вчера. — Я взяла маленькое колечко с крупным рубином и надела ему на правый мизинец. Знак красноречия.

Лин задумчиво пошевелил пальцами:

— Не понимаю.

— Все ты понимаешь! — От злости я попыталась нацепить малахитовое колечко для безымянного пальца — знак твердости — ему на указательный. Он поморщился. — Ты... ты прогнал нас!

— Только его, — мягко возразил Лин.

Я надела кольцо на правильный палец и взяла следующее, сапфировое. Знак чуткости. О которой брат будто забыл.

— Эвера.

— Эвера. — Он кивнул, подставляя мне средний палец левой руки.

— Так почему? — Я надела кольцо, с отвращением чувствуя: моя рука дрожит. — Почему?

— Ну... — Он помедлил. Все его пальцы тоже словно бы свело судорогой. — Мне просто показалось, компания ему не понравилась. В прошлый раз. Он сидел такой строгий, не играл с нами, не бросал девчонок в море и не... щупал их, отказывался от вина...

— Это потому что он взрослый! — Я даже вспыхнула, схватила большое кольцо-венчик с яшмой и нацепила на второй

его большой палец. Знак удачи. Хорошо бы не сработал.

Лин странно скривился – то ли угадал мои мысли, то ли обиделся на слова.

– Мы тоже уже не дети. Выглядело это так, будто он... ну, он...

– Что? – Тут я почему-то похолодела. Взяла последнее кольцо, с большим круглым лазуритом, сжала между ладоней. Оно было холодным. Это немного отрезвляло.

Лин опять посмотрел мне прямо в глаза. Слова упали тяжелее камней.

– Будто он считает себя лучше нас. Умнее. Выше. Так сказали ребята.

– Что?! – повторила я уже яростнее, сунула это последнее кольцо – знак долголетия – ему в ладонь и резко встала. – Лин, ты с ума сошел? Давай начнем с того, что он *правда* взрослее тебя. И взрослее твоих взрослых друзей. Да, ему столько же, сколько им, но то, что он пережил...

– Возможно, мне только кажется, – поспешил отвертеться Лин. Он глядел на меня снизу вверх с заметной опаской. И не зря: я вполне могла бы дать ему в нос коленом. Удивительно, как я еще держала при себе волшебство.

– Конечно, кажется, – грозно подтвердила я.

Он повертел кольцо в пальцах и все же надел. Когда он встал, это было какое-то усталое, натужное движение. Он даже плечи не смог нормально расправить, из-за чего показались ниже.

– Вот именно потому, что я не хочу об этом думать и это обсуждать, будет лучше, если Эвер и мое... Братство будут меньше пересекаться. Со временем, думаю, они привыкнут друг к другу. Но пока... – прозвучало почти умоляюще.

– Это гадко. – Я покачала головой. – То есть... – Тут я задумалась. – Может, это и разумно, но ты все устраиваешь неправильно. Ты не должен именно *прогонять* его!

– Да. – Отрицать он не стал, и я обрадовалась. – Тут ты права, малыш.

Вид у него был вроде не злой, а, пожалуй, даже смущенный, и это меня немного успокоило. Может, Эвер прав. Может, все это одно большое штормовое помутнение, которое не повторится. Конечно, брат рисовался перед новыми друзьями, особенно перед девочками. А еще, наверное, побаивался, что такой красавец, как Эвер, будет отвлекать на себя внимание! Правда ведь... даже за тем злосчастным ужином у моря я замечала, *как* они посматривают на моего гасителя. Так смотрят на красивые вещи за стеклом, которые очень хотели бы потрогать.

– Ну так обещай больше подобного не делать! – немного успокаиваясь, примирительно потребовала я. – Если уж собираетесь куда-то без нас, просто собирайтесь потише. А не так, что ты с нами, а потом заявляешь: «Слушайте, ко мне идут друзья, а вы сгиньте».

– *Ты*, Эвер, – с явным облегчением поправил Лин и попытался потрепать меня по волосам. – И не «сгинь», а «удались»,

пожалуйста, ненадолго, тебе все равно с нами скучно». – На этом я бы совсем утихла, но, то ли подлизываясь, то ли дразнясь, он вдруг куда более серьезным, даже жестким голосом добавил: – Тебя я бы никогда...

Тебя. Он словно разделил нас с Эвером чертой. Зачем, почему?! Никто не смеет нас разделять! И папа, как же папин страх?

– Меня это не устроит, – снова вспыхнув, отрезала я, и рука Лина замерла на моей макушке. – И вообще... ты что такое творишь? Эвер рядом с тобой, когда рядом я, не просто так, а для твоей же безопасности! – Я отчеканила почти по слогам: – *Я волшебница. Он гаситель. Мой.*

Казалось, я говорю очевидное, то, что он должен держать в голове и сам, ведь почти взрослый тут он, а не я. Но лицо его, по мере того как он слушал, снова становилось... странным. Я не могла описать это выражение, но определенно там проступала обида. И более того, недоверие, почти злость. Пальцы чуть сжались. Моим волосам стало больно.

– Я помню, поверь. Но иногда мне кажется, – медленно начал он, прежде чем я выпалила бы еще «Так что либо вместе, либо никак!», – что все это надуманные глупости.

– Риск твоей гибели? – опешила я. – То, что волшебники веками сходят с ума, как наш прадед? То, что, если я убью тебя, папа, возможно, тоже погибнет, потому что останется без наследников?

Это просто не укладывалось в голове. Нет, я все еще не

чувствовала себя сумасшедшей, менструация усилила мой дар, но не ослабила пока разум, и все же... Я, наверное, выросла. И все более ответственно относилась даже к тени риска, который могу нести для брата. А он?

– Признайся, – не отреагировав ни на один довод, Лин вдруг неприятно улыбнулся, – ты ведь тоже так считаешь. Хотя бы немножко.

– Как? – Я не поняла: потеряла мысль. Он наконец опустил руку и медленно отступил на шаг. Кольца блеснули пестрыми камнями.

– Что он лучше меня. – И это тоже прозвучало серьезно, обиженно, почти грубо.

– О боги! – Я топнула ногой, у меня уже глаза на лоб лезли от того, до чего мы договорились. – Лин, что ты несешь? Вы... разные. И люблю я вас тоже по-разному.

– А как ты любишь его? – быстро, вкрадчиво спросил Лин. Я совсем опешила.

– Чего?..

Но тут он быстро сдал назад.

– Нет, нет, ничего такого. Прости.

Я запоздало заметила, что лицо у него горит. Неужели застыдился наконец своих домыслов, выделяваний, дурацкой ревности? Слава богам! Еще несколько секунд между нами висело душное молчание. Казалось, солнце из окна светит все ярче, но это было неприятно.

– Обещай больше не обижать нас, – тише, мягче повторил

ла я. Оба мы понимали: я имею в виду «не обижать Эвера». Но Лин кивнул без колебания.

– Конечно, малыш. Обещаю.

Но он продолжил – нет, все постепенно становилось хуже. Уводить и приглашать компанию он действительно начал так, чтобы мы не сталкивались с ней, просто это ничему не помогло: с Братством он теперь проводил почти все время, которое не отнимал отец. Более того, Братству он явно стал рассказывать какие-то секреты. Посвящать их в свои королевские планы. Обещать что-то – должности, награды? Я угадывала все это по их самодовольным лицам и щенячьим взглядам. Угадывала по тому, как наряжаются в яркие туники и открытые платья девушки: они уже явно боролись за *другое* внимание Лина. Быть королевой Гирии ведь не хуже, чем королем. Супруги равны. Каждому подчиняется половина войск, каждый назначает половину патрициев и судей, каждый распоряжается половиной казны, у каждого свои советники. Я рассматривала этих девчонок – ловких, быстрых, пестрых. Вглядывалась в их глаза и... переживала. Они все казались мне безответственными, пустыми и жадными. Моя мама хотя бы – до того как потеряла рассудок и начала войну – была умной и целеустремленной. И любила цветы и театр, а не выпивку и гулянки.

Страхами я делилась с Эвером: все-таки он уже тоже считался гирийцем, и я не сомневалась: его тревожит судьба трона. Но, как ни странно, здесь он оставался спокоен, все,

что я от него слышала, было: «Не волнуйся. Он не будет сейчас выбирать королеву, это все игры». Эвер говорил безрадостно. Глухо. Задумчиво. Постепенно я перестала жаловаться на девчонок: поняла, что у него свои поводы для тревог. И немаленькие.

Даже когда друзей не было, Лин с нами больше почти не ел – а однажды, когда Эвер заспался, попытался позвать меня за стол одну. Он совсем перестал играть с нами в петтейю и ушел учиться драться к другому наставнику – напросился к самому киру Илфокиону. Когда я спросила почему, брат отшутился: «Тоже хочу иногда побеждать. Может, Святое железо меня наконец полюбит?» – вот только в глазах сверкало не лукавство, а раздражение. Потом Лин пропустил мой день рождения – не стал отмечать с нами, в то утро они с друзьями взяли корабль и до ночи ушли на ближний остров нырять за жемчугом. Но окончательно я поняла, как все ужасно, позже – когда, поприсутствовав на каком-то очередном важном мероприятии с отцом и обронив там слова: «Всякая любовь – в той или иной мере рабство», брат огрызнулся на привычный шуточный вопрос Эвера:

– Понимаешь ли ты то, что и почему цитируешь?

– Понимаю получше тебя, – бросил Лин, и, хотя тут же, побледнев, стал извиняться, я знала: Эвер не сможет этого забыть.

Он по-прежнему скрывал, как расстраивается. Он держался так, что я просто не могла его встряхнуть и спросить:

«Ты точно в порядке?» И мы молча продолжали жить, стараясь делать вид, будто все как раньше. Я училась драться и делала успехи в науках, я обростала большим количеством колец и куда лучше управлялась с силами. Меня расстраивало, что я вроде расту, но не становлюсь красивой – не похожа на девчонок Лина. У меня появилась грудь, но ее форма мне не нравилась, мои длинные ноги казались тощими, словно у кузнечика, лоб и подбородок шли иногда гадкими розовыми бугорками, от которых приходилось спасаться масками из кислого молока. А еще были чувства. Я справлялась с ними хуже, чем раньше, могла начать кричать и топтать ногами почти на ровном месте. В такие дни по комнате летали предметы, кувшины взрывались, слуги разбегались. Папа говорил, это нужно просто пережить. Эвер говорил, что все не так плохо. Шторм есть шторм.

На него одного я не срывалась – где-то в моем рассудке всегда существовал уголок, полный сочувствия. Я еще не все вещи умела называть своими именами, но кое с каким пониманием у меня проблем не было. Я знала, что такое гордость. Я знала, что такое уязвленная гордость. Почти сразу, как Эвер появился, он стал в замке *своим*. Папа воспринимал его почти как второго сына: порой одаривал и хвалил именно так, доверял ему, возлагал на него надежды и ни разу не напомнил о прошлом. От статуса раба Эвера избавили в первый же год жизни со мной. Он все это ценил и держался за это. Думаю, за четыре года он привык к своему... положению и

стал воспринимать как должное. Отец оставался на его стороне и теперь, я тоже.

Но с Лином происходило то, что происходило. А я не понимала, как это опасно.

Он все маялся на распутье – и это было невыносимо. Порой, когда, например, брат с компанией отдыхал в одном уголке пляжа, а мы в другом, я замечала: члены Братства косятся на нас и шепчутся, показывают на Эвера пальцем. Лин в такие минуты выглядел хмурым. Вскоре после того как шептание заканчивалось, брат спешил к нам, здоровался, заискивающе улыбался. В пустой болтовне проводил рядом минут пять и спешил назад. Это было гадко. В один из *последних* дней, взбешенная, я кинула ему песком в лицо, будто вернулась в пятилетний возраст. Лин среагировал довольно странно: долго и пристально глядел не мне, а Эверу в лицо и наконец велел:

– Следи получше за нашей малявкой.

«Малявка». Не «малыш». Когда Лин шел прочь, я уставилась ему на лодыжки. Он упал.

За своей крепнущей злостью я не видела самого важного: во что постепенно превращается грусть Эвера. Мне казалось, он-то спокоен, спокоен, как всегда, пусть и огорчен. Что он очень гордый, настолько гордый, что буйства дурацкого мальчишки – Лина – переживет, перетерпит, пока брат не образумится. Сам ведь говорил: «Всем иногда хочется быть принятыми. Шторма кончаются». Сам не лез ссорить-

ся. Сам брал меня за плечо и удерживал, не давая ударить Лина, и просил не применять к нему сил. На Эвера я равнялась. И может, поэтому сделала то, что сделала, когда он сломался.

Я-то уже была сломанной.

В тот день снова лил сильный дождь. Лин разбирал бумаги с отцом, я скучала в своей комнате одна – Эвер куда-то делся. А потом волшебство – моя интуиция – буквально подбросило меня в кресле, сердце заколотилось так болезненно, что я испугалась: вдруг умру? Во рту пересохло, перед глазами замелькали размытые картинки: силуэты людей, в смутно знакомом серо-синем месте. пляж. бухта. Какие-то черно-красные пятна на камнях. Непонятно чем напуганная, я вскочила, вылетела в коридор, а оттуда понеслась по лестницам.

С улицы я слышала шторм.

Мне нужен был выход на крепостную стену, а там – спуск к морю, вырубленная в скале тропа, по которой мы с детства ходили купаться. Мне попадались слуги, но я всех сметала с пути, не силой, только словами: «Мне надо!» К таким моим выходкам привыкли, никто не останавливал меня, не задерживал, и на первых ступенях спуска я оказалась быстро. Настолько быстро, что застала минуту, когда картинка была еще серо-голубой. Покрываться красными пятнами она начала, только когда я уже неслась вниз.

Там, на пляже, несколько цветных фигур – три парня и

одна девушка – обступили белую. Эвера. Я видела, что они кидаются на него, я видела, что он отбивается, и точно знала: это не игра. Двое в какой-то момент повалили его, попытались прижать к песку, но он освободился – и в воздухе блеснул металл. Грудь одного из нападавших стала красной, он отлетел и больше не встал. Трое снова бросились. Я завизжала, но за дождем и шумом волн меня никто не услышал.

Я застыла посреди лестницы, не чувствуя тела: ни ледяного ветра, ни дождя на коже. Я не понимала, бежать мне назад и звать часовых, которых я совсем недавно видела в приморском крыле, или, наоборот, поспешить вниз, попытаться самой всех их разнять. Мои глаза просто не верили картинке. Мое сердце тоже.

– Эвер! – закричала я, но опять он меня не услышал. Никто не услышал.

Я решилась и побежала вниз что есть сил. Волосы липли к щекам, камни были скользкими и сыпались, дважды я упала, чудом разбив только колени и локти. Лестница никогда не казалась мне такой длинной, с Лином мы преодолевали ее минуты за три! Местами она петляла, тогда пляж пропадал с глаз и я начинала паниковать, потому что каждый раз, как панорама снова открывалась, крови на песке становилось больше. За влагой, застывшей глаза, я даже не могла понять, чья это кровь. Я больше не кричала, а вдохи отзывались в ушах жалкими хрипами. В боку кололо, будто там кто-то разбил на осколки большую ракушку.

На последней ступеньке я снова свалилась на четвереньки на песок – но тут же вскочила.

– Эвер!

В ответ обрушилась тишина, чудовищная природная тишина, где из звуков остались только шелест дождя и рокот прибоя. Ни криков. Ни лязга оружия. Ничего человеческого.

Яростно вытирая кулаками глаза, я сделала несколько быстрых шагов. Эвер стоял впереди – стоял один, тяжело дыша и сжав правый кулак, а вокруг валялось четыре тела. Разобрать, где среди стесанных лиц и распоротых грудных клеток девушка, едва получилось. Все были мертвы – а я их всех узнавала. Кирия, чьей роскошной каштановой гриве я завидовала. Гефу и Гофу, два брата-близнеца с клеймами ломателей. Аколлус, поджарый, плечистый, лучший мечник среди друзей Лина. Все – «дети героев». Это они частенько смеялись, поглядывая в нашу сторону. Это перед ними Лин сильнее всего старался выглядеть взрослым, независимым и презирающим как мелких девчонок, так и жалких гасителей. Они мне не нравились. И Эверу не нравились. Но...

– Что ты наделал? – прошептала я. Голос был хриплый, в нем дрожали слезы. – О боги, Эвер, что ты на...

Он молчал. Его волосы, белая одежда, красивое лицо – все было в алых подтеках, а на руке я видела железную перчатку, большую, чудовищную, с раздвижными когтями. Он носил ее с собой всегда в последнее время. Похоже, он переживал сильнее, чем я думала, похоже, его гордость больше

напоминала гордость мамы, проигравшей войну с физальцами. Похоже, он не выдержал. Я задрожала. Впервые в жизни я не оцепенела, а задрожала.

– Орфо, – хрипло позвал он. Поднял свои *медленные* глаза. – Орфо, не кричи, я все могу...

И он сделал ко мне мягкий широкий шаг. Как всегда, когда хотел утешить или подбодрить, как всегда, когда мы здоровались перед тренировками, как всегда, когда я опаздывала к завтраку. Обычный дружеский шаг, и раз за разом, много лет подряд, я делала свой – навстречу. Но теперь Эвер точно был не собой в этих красных пятнах, не собой – с этими окровавленными когтями, не собой – его глаза в дожде горели невыносимой бирюзой. Поэтому я шарахнулась, загородилась руками и завизжала только громче:

– Не подходи!

Нет, нет, нет... ты не мой Эвер. Не мой. Может, мои губы даже шептали это. Я не могла, не хотела смотреть на него. Я боялась увидеть какое-нибудь чудовище.

– Орфо, – позвал он снова. Споткнулся об одно из тел, раздавил ему пальцы новым неосторожным шагом. Я, всхлипнув, отпрянула еще дальше. – Орфо, посмотри на меня, я клянусь...

– Что ты наделал? – повторила я в третий раз. Он подошел ближе и протянул руку, она вся была красной и... – ИСЧЕЗНИ, ИСЧЕЗНИ, ИСЧЕЗНИ!

Это тоже был мой голос, мой визг, а в следующее мгнове-

ние я что-то сделала. Вскинула руку – и сам воздух схватил Эвера за горло. Махнула влево – и его с хрустом ударило о скалу, вдавило в нее. Начала поворачивать кисть, как если бы держалась за круговую ручку двери, – и он закашлялся, дернулся, а его металлические когти и живые пальцы проскребли по камню. Я напала на него. Напала и уже знала, что не остановлюсь просто так.

– Орфо... – просипел он. Взгляд не отрывался от меня. И полнился страхом.

Наверное, он вспомнил моего прадеда. Я не помнила ничего.

– Ты убил их, – прошептала я. В груди ужасно пекло. – Ты убил их, ты сумасшедший...

А ведь сойти с ума должна была я, он – меня убить. Не наоборот.

– П-послушай... – пробормотал он, но это было еще глуше, чем оклик; я все поворачивала и поворачивала кисть, хотя ее уже свело, а уши заполнял хруст, дикий хруст костей. – Орфо...

Да, я напала, но я не понимала, что делаю и что хочу сделать, – наверное, причина в этом. Я крутила рукой, надеясь так вывернуть и выжать свою боль и ужас. Я снова и снова думала о маме, которой всюду мерещились враги. О безумных волшебниках, о гасителях, которых закон делал рабами – ну конечно, они не могли терпеть это, многие не могли, Эвер точно. Он отомстил Братству. Как он мог не отомстить,

как мог не понимать, что, заняв важные должности при Лине, они ополчатся против него еще сильнее? Как мог забыть обещание «Ты будешь среди них», как мог забыть свое молчание о наркотическом зелье и свое бесконечное терпение? Я понимала его. Он терпел слишком долго, терпел все, даже подлости. Но он не имел права на то, что сделал.

– Предатель! – Всхлипнув, я сжала кулак.

Казалось, так я на пару секунд остановлю сердце Эвера, лишу его сознания, а дальше можно будет позвать целеров. Но этого не происходило: он, вжатый в скалу и зависший над песком, продолжал отчаянно на меня смотреть, корчась от боли. Кости трещали, глаза жгли меня, а я плакала, стискивала кулак все сильнее и пропустила момент, когда по груди Эвера начало расползаться первое черное пятно. От этого он вскрикнул, странно выгнулся, забился, как животное в силке. В тот же миг вокруг его силуэта образовалось что-то вроде толстого пылающего красного контура, а по плечам побежали искры, целый дождь злых маленьких искр.

– Орфо... – позвал он снова. Второе черное пятно начало расползаться на его щеке.

Ты убиваешь меня. В полных ужаса глазах читалось это, рот перекашивался, пальцы продолжали царапать стену – ногти уже стесались в кровь. Я это видела, я чувствовала: что-то идет не так, но остановиться не могла. Вместо этого я, точно меня подтолкнули, резко вскинула и вторую руку, тоже выкрутила кисть, сжала кулак – и задохнулась от боли

во всем теле.

Боли и злого, безнадежного, бессмысленного торжества.

Раздался оглушительный взрыв. И сдавленный, полный страдания вопль.

Я до сих пор не знаю, что это было – взорвалось ли мое сердце, или волшебство внутри меня, или что-то там, снаружи, в том месте, куда... куда Эвер провалился. От взрыва я, крича, упала, зажмурилась на несколько секунд – а когда открыла глаза, окутанная красным огнем скала медленно гасла. На камне и песке под ним осталось только несколько кровавых пятен. Эвера не было, не было нигде, и я не нашла его, подскочив и ощупав место, где он висел. Не было следов, которые подсказали бы, что он убежал, не было ниш, в которых он мог бы спрятаться или куда мог бы упасть его труп. Я знала эти прибрежные скалы, высокие и шербатые, как свой шкаф.

Я едва двигалась, едва дышала: ребра болели, будто я их повредила; разбитые локти и колени кровоточили так, будто ссадины там были очень глубокими; вены вздулись. Очень быстро я устала искать на песке, обшаривать скалы, шептать: «Эвер, Эвер» и вернулась на место, где он меня встретил. В большую пропитавшую песок лужу крови. В точку между четырьмя трупами. Села там. И закричала, закричала во всю мощь легких уже другое имя:

– ИЛФОКИОН!

Так меня и нашли.

Трупы были изодраны перчаткой, которую стража не раз видела, – потому никому в голову не пришло подозревать в бойне меня. А у меня не хватило мужества признаться в том, что я сделала, и на вопрос: «Где твой гаситель?» – я сдавленно солгала: «Думаю, он сбежал». То же я повторила и отцу. Я понимала, что разбиваю ему сердце, но хотела разбить чуть менее болезненно, чем словами: «Это я его убила». Он, конечно, не плакал – он никогда не плакал. Но с того дня лицо его почти всегда было чернее тучи. Как и лицо Лина. Те крупницы радости, которые оба они смогли вернуть себе после потери мамы, пропали снова.

После того дня общаться мы с братом перестали – теперь он почти всегда прятался от меня за Круглым столом. Для подданных наши узы короля и придворной волшебницы были уже решенным вопросом, но в действительности все складывалось совсем иначе, иллюзию мы поддерживали только ради папы, и получалось неважно.

Ведь брат, в отличие от него, что-то подозревал.

Он подозревал даже больше, чем правду. Он подозревал вещи хуже, чем правда, и я до сих пор не понимаю, откуда это взялось в его голове. Возможно, ее набили всякой дрянью оставшиеся члены Братства, предубежденные против волшебства. Возможно, он придумал историю сам, видя, как я плачу и заикаюсь. Впрочем, о существовании этой истории-у-Лина-в-голове я узнала только несколько лет спустя. Когда в Гирии случился очередной черный мор, прихо-

дядий раз в несколько лет, и изуродованный язвами, задышающийся брат умирал на моих руках.

Он заразился, когда посещал больницу и подбадривал, награждал, благодарил трудившихся там медиков. Я не заразилась: волшебство давало мне неплохой иммунитет. В замке я ухаживала за всеми, за кем могла. Я выходила многих, но не его. Целительского дара у меня ведь не было. И даже Скорфус, которого я к тому времени уже подобрала, помочь не мог.

В свою последнюю минуту, когда я пыталась сбить ему жар смоченной в уксусе тряпкой, Лин вдруг схватил меня за тунику и наклонил к себе, сжав ткань в кулаке с удивительной силой. Из его рта, от его бугристой кожи пахло гнилью так, что горло свело в рвотном позыве. Но я ни на секунду не забывала: это мой брат. И я даже почти заставила себя прошептать: «Что, Лин?»

– Малыш... – Звук словно шел не с его губ, а из нутра. И вместо мольбы о помощи в словах звенела ненависть. – Милый малыш.

Я остолбенела, тряпка выпала из моих рук. Расширенными глазами я смотрела в его поблекшие, мутные, но не отрывавшиеся от меня глаза. Не понимала, что делать. Не понимала, куда деться от этой внезапной злобы умирающего перед здоровым. И чем помочь.

– Ты убила их всех там, на пляже, – выпалил он, прежде чем я бы хоть откликнулась. – Признайся хоть теперь: уби-

ла. – Он помедлил. И, улыбнувшись совершенно безумно, добавил то, от чего я наконец очнулась, выдохнула: «Нет!» – и начала вырываться. – Молодец. Теперь-то я точно знаю: ты молодец. Почти как *он*. Тот, кого мы не упоминаем. Может, у вас и мотивы похожие?

Я дернулась снова, но Лин только впился в мою тунуку второй рукой. На моих глазах выступили слезы, от вони и от ужаса сразу, я быстро замотала головой. Я пыталась убедить себя: это просто бред, агония, от которой не спасает лазуритовое ожерелье на груди. В словах нет обвинения, нет злобы... нет веры. И нет смысла. Главное, нет смысла. У Лина нет ни одного повода сравнить меня с прадедом.

– Признайся, – твердил он, и глаза его медленно разгорались, как угли на ветру.

Подохожие мотивы. Да как он может?!

– Отпусти! – Я перехватила его запястья, ставшие тонкими, как веточки, я боялась сильно сжимать их и потому только попробовала опустить. – Лин... не трать силы. Не глупи. О чем ты...

Но, скорее всего, он уже вообще меня не слышал. Мог только говорить, выплескивая что-то, копившееся и гноившееся слишком давно.

– Я уверен, что это ты, он никогда бы не стал, он не такой. – Лин облизнул губы. Язык у него был желтоватый, распухший и весь в нарывах. – ...Был не таким. Был.

Был. Я забылась. Я все-таки стиснула его выступающие,

обтянутые кожей кости. Всего на секунду, но я захотела сломать их, а потом сжать пальцами шею и остановить биение пульса под тусклой опрелой кожей. *Замолчи, замолчи, замолчи. Если кто-то и виноват, то ты, ты, ты его довел.* Но я не говорила этого вслух.

— Ведь ты и его убила. — Это брат прошептал, и вопросом это не было. — Я знаю, ты убила его, Орфо. Потому что ты никогда его не заслуживала. — Он закашлялся. Кровь вперемешку с гноем брызнула на мое лицо, а я все не отстранялась и не отстранялась, точно вмерзшая в лед. — Ну ничего. Ничего. Возьми другое заслуженное. Возьми. Да здравствует... королева.

Королева.

Его хватка ослабла, прежде чем я бы вырвалась. Он откинулся на подушку и затих. Перстни на его скрюченных руках остались единственными яркими пятнами в мертвой серости. Волосы прилипли ко лбу, не сумев скрыть темных волдырей и рытвин. Лазурит на груди потускнел.

— Лин... — Я робко, самыми кончиками пальцев тронула его шею, сама в ужасе от недавнего своего яростного порыва — душить, ломать. Пульса не было. Не было и без моего гнева. — Лин!

Я сидела над трупом брата, смердевшим все сильнее, еще почти час, без движения, без слова. Я терла лицо, давила кулаками на глаза и гадала, мучительно гадала. Неужели все эти годы он правда думал, что делит замок с убийцей? Счи-

тал, что меня уже свело с ума волшебство, и приписывал мне что-то... еще? *Мотивы прадеда*. Мотивы, о которых никто до сих пор точно ничего не знает, а то, что мы знаем, слишком постыдно и жутко. Но при чем тут я? Лин... Лин думал, что я защищала Эвера? А потом, когда он не оценил мою щедрость, прикончила в довесок к «детям героев»? Или... или...

Я не плакала. Как ни странно, я не плакала. Во мне вообще не было никаких чувств, кроме одного. Ужаса. Иссущающего ужаса. Ведь я знала, что как минимум наполовину Лин прав.

Эвера больше нет из-за меня. Он мог рассказать Илфокиону свою версию событий, и мы могли многое понять лучше, но я сделала так, чтобы этого не произошло. Это я. Я его убила.

Точнее, как оказалось теперь, я сделала с ним что-то намного хуже.

Чудовище

Когда я поворачиваюсь, песок весь в крови. В сумраке кровь кажется черной, красный оттенок едва различим. Зрелище слишком о многом напоминает, приходится еще на секунду зажмуриться, сглотнуть и сделать глубокий вздох. Только после этого я опускаю взгляд. Скорфус, довольный работой, уже умывается, сидя в сторонке.

– Все как ты заказывала. Теперь-то можно домой, а?

Не отвечая, я рассматриваю человеческую фигуру, лежащую навзничь. Посреди всей этой темной крови, в месиве черно-серых нитей и лоскутов, медленно истаивающих, словно гнилой сорбет, кожа и волосы лунно белеют, даже не выглядят грязными. Грязные только обрывки одежды, которые, оказывается, тоже уцелели под этой... шкурой? Как еще назвать то, во что магия Подземья превратила Эвера, проникнув в его раны? Да, я помню эту легкую тунику, швары, даже одна из сережек-гвоздиков на месте. Зрелище ужасное, ужаснее всего рука, скрытая когтистой перчаткой из Святого железа. Это не особо популярное у нас древнее оружие тоже приняло прежний вид, то есть перестало напоминать лапу монстра. Когда я осторожно стаскиваю ее, кисть оказывается отекающей, но целой, обычной. Пульс стучит редко, зато ровно.

– Он правда ничего так, – бросает Скорфус. Он вылизывает

вает себе то место, которое в приличном обществе не демонстрируют, и смотрит на меня из-под задранной задней лапы. С этого ракурса замечание звучит сально, и я, не выдержав, пихаю своего излишне болтливого кота так, чтобы он точно потерял равновесие. – Ну ты!

Я скольжу по Эверу новым взглядом и подмечаю кое-что еще: он... вроде бы не изменился. То есть четыре года и не должны были превратить его в старика, между двадцатью и двадцатью четырем нет такой уж огромной внешней разницы, и все же. Он совсем такой, каким я его помню. Совсем такой, каким был в последний день. Мне уже почти семнадцать. Разница между нами ничтожная. И это очень странно, ведь я привыкла смотреть на него снизу вверх. А теперь мы вроде бы даже в росте почти сравнялись.

– Да здравствует королева? – говорит Скорфус, ухмыляясь во всю морду. Меня передергивает, хотя он и имеет в виду совсем не то, что Лин.

– Нет. Впереди самое сложное. – Я медлю. – И думаю, ты мне уже не поможешь.

– Все настолько плохо? – Он поднимает то, что можно назвать бровью, – тоненькую полоску чуть более светлой шерсти над глазом. – Ты уверена, что все вот это... – лапой он неопределенно обводит пространство вокруг нас, – не засчитают? Вот так сразу?

– Уверена. – Мои мысли тяжелее всех нависающих над этим пляжем скал. Я снова опускаю взгляд на лицо Эвера. –

Теперь уверена как никогда.

– Может, тогда... – он медлит, – просто убежим? – Хвост оживленно дергается: похоже, Скорфус сам удивляется, как не додумался до такого простого плана раньше. – Куда-нибудь уплывем, а отцу ты напишешь записку с объяснениями, и тебе не придется...

– Двадцать лет, Скорфус, – тихо возражаю я. – Двадцать. Бежать нужно было раньше, а теперь времени нет. Отцу нужен преемник.

– Фекалии, – ругается он, шикнув сквозь зубы.

– Они самые. И потом...

Эвер лежит неподвижно, его губы сжаты, ресницы плотно сомкнуты. Не знаю почему, но я вспоминаю ненормальные ночи, когда он точно так же спал в кресле, а я, спасаясь от кошмаров, рассматривала его лицо. Трогала украдкой волосы. Гладила по руке. У меня было странное чувство – будто я должна хоть иногда делать для него что-то столь же важное, сколь то, что он делал для меня. Давать ему спать – единственное, что было доступно мне в детстве. Сейчас все изменилось. Моя вина стала намного больше, но и мои возможности – тоже.

– И потом, я хочу попытаться, – заканчиваю я. Скорфус вздыхает с видом «Ну и что ты тогда ноешь?». – Хотя бы объясниться, а дальше буду что-то решать. К тому же я не могу просто его бросить, многие ведь считают его беглецом. Нужна ложь.

Новая ложь. Ведь если я просто скажу правду всем, она, вероятно, погубит нас обоих.

– В этом мы с тобой мастера, придумаем, – хмыкает Скорфус и встает. Расправляет крылья. – Так что, я лечу за стражей?

– Лети. – Я киваю. Тоже встаю, чуть отступаю, отворачиваюсь к морю, сейчас почти спокойному и отливающему сонной звездной синевой. – А я пока подумаю. Идея у меня есть.

Хлопанье крыльев постепенно удаляется, потом затихает. Обернувшись и убедившись, что иномирная кровь и плоть почти испарились с песка, я снова бегло смотрю на Эвера. Тут же отворачиваюсь: нет, нет, пока просто не могу. Ложь, которую я приготовила, довольно нелепа. Но на некоторую часть она скроена из правды, а значит, в нее, скорее всего, поверят.

– Добро пожаловать домой, Эвер, – шепчу я. – Обещаю, больше тебя никто не тронет.

Меня тоже. Вот только мне стоит опасаться вовсе не целеров, не патрициев, даже не отца.

Только тебя, ведь из-за тебя через месяц я должна умереть.

Вне правил. Эвер

– Эй, гаситель!

Со дня, как они появились рядом, я ни разу не слышал от них своего имени, да и не хотел. Единственное, чего я хотел, – быть подальше. Не помнить об их существовании. Не думать ни об одной из трех причин, по которым они так меня ненавидят.

Я опускаю голову и продолжаю идти, делая вид, что не услышал оклика. Мне некогда разговаривать, моя одинокая прогулка вдоль берега и так затянулась. Орфо скоро заволнуется. Мы договорились вместе учить игаптский или играть до самого ужина. К тому же этот ливень становится просто невыносимым.

– Эй, гаситель! – Другой голос, с другой стороны. Я глубоко вдыхаю через нос и прибавляю шаг, поднимаю глаза – до замка, нахохлившегося среди скал, не так далеко. Тепло горят желтые огоньки. Если я напрягу зрение, различу даже свет в комнатах Орфо.

– Почему не отвечаешь? – Теперь голос женский, звонкий, капризный. Кирия, вроде бы ее зовут так. Девушка, которая нравится Лину.

Хорошо бы самого его не было поблизости. Я просто не выдержу, если он уже позволяет им так обращаться ко мне в своем присутствии. Как я устал от его попыток угодить всем,

как устал от того, что он не знает, чего хочет, как устал от правды: мы хотим разного.

Кто-то бежит на меня сзади, я скорее чувствую, чем слышу: дрожь по всей спине. Одного движения хватает, чтобы дернуть с пояса и нацепить перчатку, одного – чтобы выпустить когти, одного – чтобы вытянуть руку перед самым лицом неосторожного человека, на уровне круглых, как у теленка, карих глаз. Предупреждая. Не атакуя. Святое железо блестит холодной серостью и совсем слегка бликует красным. Оно лишено разума, в отличие от меча Орфо, но тоже способно на многое.

– Да-да? – тихо спрашиваю, рассматривая приятное квадратное, покрытое легкими темными веснушками лицо громалы Аколлуса. Пока он, подальше отстраняясь от когтей, взрывает носками обуви песок, я оглядываю и остальных. Смуглая, почти как игаптяне, Кирия с двумя тугими темными косами. Одинаково угловатые Гефу и Гофу – блондины, как и я, явно не без примеси физальской крови. – Чем я могу помочь вам... дети?

Это лишнее, знаю: Аколлус младше меня всего на год, Гефу и Гофу – на три года. Это несерьезно, я не обращаюсь подобным образом даже к Лину, с которым нас разделяет около четырех лет. И предсказуемо, они злятся. Подступают немного ближе все, кроме Аколлуса, который и так чересчур близко. Подступают с трех сторон. Я считаю до пяти. Выдыхаю.

– Куда идешь? – спрашивает Кирия, накручивая косу на палец. Она сочетает кокетство и брезгливость таким странным образом, что именно от нее хочется отойти подальше.

– Не к Лину, надеюсь, – бросает Гефу.

– К нему идем мы, – дополняет Гофу.

– Хорошо. – Я примирительно повожу плечами. – У меня другие дела.

Опускаю руку и продолжаю идти. Увы, они идут со мной, с четырех сторон: Кирия теперь скользит гибким призраком впереди, Гефу и Гофу вышагивают справа и слева, а Аколлус топают за спиной – последнее мне особенно не нравится. Они все молчат. Я не понимаю, чего от них ждать, и ждать ли. От нервов ладонь за перчаткой горит, но снимать ее – пока себе дороже. Жаль, нет кнута; в случае чего будет сложно. Я даже не втягиваю когтей.

– Эй, гаситель, – окликают меня снова. Гефу. Я отличаю его по родинке на правой щеке.

Не реагирую. Если они не привыкнут звать меня по имени сейчас, боюсь, этого не произойдет никогда. А впереди у нас, похоже, очень долгий путь вместе, куда длиннее дороги к замку. Дождь усиливается, капли бегут по лицу. Я бездумно слизываю их с губ.

Я гаситель, которого закон поставил ниже прочих демонов. Я физалец, чьи соотечественники оставили этих ребят сиротами. И я друг их короля, совершенно не нужный им друг. Более того, моя дружба – дружба врага – «детей героев»

глубоко оскорбляет. В чем-то я даже мог бы им посочувствовать. Если бы Гирия не была виновата в своих бедах сама.

Мы никогда не дрались, даже не ссорились – просто по возможности избегали друг друга. Я видел, каким цельным и взрослым чувствует себя Лин в этой компании, видел, как исчезают его давняя замкнутость и скорбь. Лин больше не думает о матери так часто и болезненно. Лин уже точно не начнет принимать какую-нибудь дрянь. Лин становится сильнее, таким и должен быть король. Поэтому я не отказывался заплатить эту цену – остаться для него в прошлом. Он уже не тот потерянный мальчишка, который так же сильно, как Орфо, нуждается в помощи. У него всегда был иной путь, и на самом деле я это чувствовал. Таково правило: путь короля отличен от пути других смертных. И чем раньше любящие короля признают это, тем будет лучше всем.

Но эти ребята хотят идти с королем всюду. И оттеснить даже тех, кто готов оставаться далеко за спиной.

– Лин тут кое-что нам рассказал о тебе, – тихо говорит Кирия. Она обернулась через плечо, ее ослепительная улыбка блестит в карминовой оправе тонких губ. Влажная коса темнеет на полуголой спине. – Стало интересно, правда это или нет. Можно спросить?

Я молчу. Ее тон мирный и даже приветливый, никто из этих четверых не смеется, я не замечаю переглядок. Нет, они все просто шагают по песку, держась на каком-никаком расстоянии. Я смаргиваю дождь с ресниц. Подумав, все-таки ки-

ваю: может, это жест мира? Может, это маленький дипломатический ход, связанный с тем, что они поняли: от Лина и Орфо я никуда не денусь и меня придется терпеть как равного? Я на многое закрою глаза, если это так. Мне важно, чтобы в замке не было грызни, тем более я не желаю быть ее причиной. Я гаситель. И довольно давно понял: это... призвание, видимо, касается не только волшебства. Боги ничего об этом не говорили. Но некоторые правила приходится домысливать самостоятельно.

– Спрашивайте, – произношу я вслух. – Постараюсь ответить.

Гефу издает странный звук, будто фыркает. Я понимаю, что это с трудом сдерживаемый смех, только когда слышу все тот же медовый, приветливый голос Кирии:

– Это правда, что твой бывший хозяин тебя трахал?

Близнецы хохочут уже хором. Я медленно останавливаюсь. Все они – тоже.

– Повтори, – прошу очень тихо, не сводя с Кирии глаз. Я ничего не чувствую, кроме легкой тошноты и холода по спине. И это меня пугает. Будто что-то во мне слишком давно мертво.

– Тра-хал, – повторяет она по слогам только последнее слово. И тоже заливается хохотом.

Я ничего не чувствую. Все еще ничего. Медленно поднимаю свободную руку и все же провожу по своей шее, там, где уже не осталось никаких следов.

Хозяин. Все эти годы мне жилось так хорошо здесь, что я даже почти забыл второй смысл слова. Хозяином был для меня король Плиниус III, из-за него шесть омерзительных букв превратились во вполне нейтральное обозначение демоса. Демоса, отмеченного домиком на огромном смуглом запястье. Демоса, неотрывного от рокошущего голоса, темных вислых усов и... деликатности, которая удивительным образом сочеталась с этим огромным телом и этой огромной властью.

«Знаешь, что я думаю, Эвер? Нет худа без добра».

«Эвер, мне стыдно за тот выбор, который сделала моя жена, но я не мог ей помешать, ты сам знаешь, как все устроено».

«И все-таки, Эвер, родина твоя новая тоже ничего, правда? Я же вижу, тебе тут нравится».

«Я вот чего предрекаю, Эвер: когда заживет твоя шея, заживет и твоя душа. Ты забудешь того мерзавца как кошмарный сон. Но попади он ко мне в плен, я бы с ним расправился».

На губах соленый привкус: видимо, я их прикусил. Да будет так, хозяина у меня больше нет, а шея зажила. Они – эти четверо – меня не выведут. Они очень плохо представляют, о чем вообще говорят. Решив не продолжать эту издевательскую беседу, я снова трогаюсь с места, прибавляю шаг, но первое же препятствие – Кирия – заступает мне путь. Я обещал ей ответ. Она это помнит.

– Признайся, может, Лин тоже хочет? – Ее глаза зло сверкают. Там яркая весенняя зелень. От удивления я замираю, резко вскидываюсь. Да что за...

– Он такой... все-таки странный, – говорит то ли Гефу, то ли Гофу.

Скулы сводит, но не от возмущения. Это другое чувство. Оно приходит, когда посторонний человек озвучивает твои собственные подозрения, которых ты стыдишься. У Лина случаются странные порывы: попытаться взять меня за руку, утащить на одинокую прогулку, начать что-то быстро и пылко рассказывать о своем страхе будущего – хотя такое мы договаривались обсуждать только с Орфо. Раньше подобных вещей было больше, с появлением Братства они частично сошли на нет, но не исчезли. Лин разве что улучал меньше минут, но меня очень тревожил его неотрывный горящий взгляд. Лин ничего не говорил; я понимал, что о таком не спрашивают, и в том числе поэтому радовался каждый раз, когда пьяная Кирия залезала ему на колени, а он ее не отталкивал. И смотрел такими же горящими глазами, как на меня.

– Все время тарашится на тебя. – Кто-то из близнецов словно читает мою мысль.

– Эти его вечные «так говорит Эвер», «это я узнал от Эвера». – Кирия кривится.

– Не разрешает нам тебя трогать, – встречается наконец и Аколлус, он, кажется, близко. – Но он не узнает. Да?..

Его тяжелая горячая ладонь ложится мне на плечо слиш-

ком неожиданно, чтобы, резко развернувшись, я не ударил по ней. Пока – невооруженной рукой.

– Меня нельзя трогать никому! И ему в том числе. – Я рывкаю, не говорю. Плохо.

Аколлус, заметив что-то в моих глазах, пятится, спотыкается и падает на задницу. Я делаю еще шаг вперед, но Кирия от меня не отстает. Мы почти одного роста. Ее пышная высокая грудь упирается в мою, когда она задирает подбородок и выдыхает мне в губы:

– Ты бесишь этим всем. – Но отстраняться она и не думает. – Мне все время кажется, что ты забыл, где твое место... – Она досадливо кривится. – Ты даже не зовешь принца и принцессу *уважительно*, ты не зовешь так самого короля! У нас тут так не принято.

Уважительно. То есть «кир Лин», «кир Плиниус», «кира Орфо». Обращения, которые в ходу и у патрициев, и у прислуги, но мне сразу, очень настоятельно разрешили их опускать. «Ты не слуга моей дочери, а ее спасение», – так говорил Плиниус. «Ты не слуга, а друг», – так говорили и Орфо, и даже Лин. Лин... интересно, как скоро он потребует от меня звать его «кир»?

Вздыхнув, я отступаю чуть вбок, чтобы не слишком приближаться к сопящему Аколлусу. Гофу кажется мне безопаснее: по крайней мере, он не делает резких движений, просто небрежно держит руки в карманах.

– Я живу тут достаточно долго. – Вроде удастся собрать-

ся. – Я примерно представляю, что у вас принято, а вопрос обращений мы решили задолго до того, как появились вы. Успокойся, ничего из того, что интересует вас, не интересует меня.

– Ну да, ну да, – откликается она. Я просто не могу понять, откуда столько злобы на ее лице. А может, и могу. – Тебя не интересует, сумасшедшую маленькую ведьму не интересует, вы невинные пушистые зайки...

Мне не нравится, что она упомянула Орфо. Не нравится слово «ведьма», в Гирии, как и почти во всем мире, это ругательство. Но я спокойно принимал штормовые перемены в Лине, месяцами. Я уже точно не сорвусь из-за таких глупых детских попыток меня разозлить.

– Давайте напрямую. – Я прокашливаюсь. Хочется держать их в поле зрения, но это невозможно; они специально встали так, чтобы заставить меня вертеться словно собаку, ловящую хвост. Этого делать я не стану. – Просто объясните, какие у вас со мной проблемы? Серьезно, мне нет особого дела до того, сколько времени Лин проводит с вами.

– Ему до тебя явно есть, – снова начинает свое Кирия и кривится. – И до малявки...

Еще одно омерзительное слово в адрес Орфо. Я не пускаю его в свой разум точно так же, как не пускаю, вот уже несколько минут, простое осознание: Лин в этой компании не следит за языком. Он рассказал что-то про... ошейник. Что-то про то, от чего я до сих пор просыпаюсь по ночам.

Что-то, что я ему даже не доверил лично, хотя он допытывался, – нет, *это* он, скорее всего, узнал от отца, которому мне пришлось признаться, еще когда мы познакомились. Впрочем, нет, это я обсужу с ним потом. Когда...

– Мне кажется, – Кирия снова подходит ко мне, – Лину нужно Братство. Славные воины, а не рабы-физалыцы. И не маленькие дурочки, которые еще и могут его убить.

Эти слова нравятся мне еще меньше, чем предыдущие. Я подбираюсь, чувствую, как учащается пульс. В висках стучит. Мир вокруг на пугающую секунду окрашивается багровым оттенком, будто мои глаза застит пелена. Холодок по спине – нервный озноб – все настойчивее, словно по хребту кто-то водит пальцами, готовясь его выдрать. А руку жжет: пробуждается перчатка. Железо. Та его суть, которая и отличает металл Святой Горы. Боги не коснулись его и не вдохнули жизнь, люди забрали сами, без разрешения, откупившись парой жертвенных ланей, и поэтому...

– Ему решать, нет? – уточняю как можно ровнее, но голос предательски охрип. Они без оружия, напоминаю я себе. Без оружия, а значит...

В голову что-то врезается, виски гудят. Камень. Падает у ног, на нем красное пятно. Это Гофу. Который, как и Гефу, держал руки в карманах и молчал. Теперь он пялится в упор.

– Откуда мы знаем, – вкрадчиво спрашивает Аколлус. Его голос, кажется, все ближе, а судя по тихому скрежету, меч за спиной все же есть, – что вы еще не околдовали его? Не

околдовали так, как Иникихара околдовала...

– Почему еще он за вас держится? – Оборвав его, Кирия тоже идет ко мне. А у близнецов есть еще камни в карманах. – Почему, ты, грязный физальский...

Мир опять пропадает в красной пелене, полной звонкого смеха и шелеста волн. Я знаю, что не должен этого делать; я почти уверен, что все их предыдущие слова – не угрозы, а издевки. Я до последней секунды твержу себе, что справлюсь, точно справлюсь, как справлялся всегда. Справлялся, когда меня опаивали. Когда пережимали локтем шею, вдавливали в продушенные насквозь подушки, прогибали в спине. Когда терзали горячей болью, от которой я захлебывался в хриплом крике. Когда мне хотелось крови, но у меня не было даже слез – так я был опустошен.

Я верю, что лишь немного припугну их, показав наконец границы, которые нельзя нарушать. Здесь, среди этих серых, спокойных, укромных скал, вдали от взглядов Орфо, Лина и Плиниуса, я чувствую себя вправе – и в силах – это сделать. Ничего плохого. Нет. Просто поговорить на том языке, который эти люди понимают. Силой Святого железа, которую всегда контролировал не хуже своего наставника и прочих знакомых солдат.

«Да. Именно так, давай», – шепчет что-то внутри, и озноб наконец уходит. Наоборот, все тело горит, точно в нем закипела кровь.

Когда Аколлус бросается на меня, я замахиваюсь когтями

и бью.

Часть 2. Правила принцесс

– Смотри, она бежит, и за руку его
Готова увести, хоть плен его был долог. Какая
храбрая...

– Не знаешь ты ее.

Отродье глупое, жалка и сумасбродна.

Я думаю о ней, и чрево мое горит, ох, вырвать бы ей
сердце

И свиньям, свиньям бросить. Я...

– Замри. Ты слышишь? Тьма поет, и Рой кружит
опять.

Им дела нет до нас, пора, летим, быстрее.

– Постой. Нас двое, двое лишь, а он...

– Нет, не жалею, оставь его, решил он.

Не оборачивайся, с ними пусть кружит

И плачет.

– Сердце...

– Нет, вперед смотри, вперед, и лучше мне скажи,
кого ты мне отдашь? С кем хочешь ты сквитаться
еще?

– С рабом. С рабом, чей так сверкает меч.

Отдам тебе раба, и воссияет

Так скоро наша месть.

1. Правь или умри. Орфо

– Вкусно? – подкалывает меня Скорфус.

Я нервничаю так, что грызу ноготь уже вторую минуту кряду. Никогда не замечала за собой такой мерзкой привычки. Пушистый черный хвост лупит меня по запястью, и довольно сильно. Я, опустив руку, сжимаю край туники.

– Может, лучше позавтракаем? – Впрочем, звучит натянуто. Я мотаю головой. – Ну ладно. Значит, будем завтракать вместе с ним.

Если он не попробует сразу нас убить. Но я просто пропускаю слова мимо ушей.

В окно нежно задувает прохладный бриз: играет занавесками, морскими виолами на подоконнике, шерстью Скорфуса, моей туникой. И волосами Эвера, который лежит перед нами в постели. По моим расчетам, зелье перестанет действовать совсем скоро. Он вот-вот очнется.

Я сижу в кресле в изголовье, Скорфус облюбовал прикроватную тумбу. Оба мы палимся примерно в одну точку – на сомкнутые ресницы Эвера, и как бы Скорфус ни острил, он нервничает не меньше моего. Его длинный гибкий хвост только в такие минуты ведет себя словно что-то отдельное от хозяина.

– Вообще-то ты могла предупредить меня, – наконец, не выдержав, цедит сквозь зубы Скорфус. Он не то чтобы зол,

но кое-что действительно пошло не так. – Ну, что отмазывать нам придется не только тебя, но и его. – Когтями он сердито скребет по дереву. – Четыре трупа, человечича! Этот красавец располосовал четверых человек! Ты же говорила, он славный и...

– Он... славный, – сглотнув, отвечаю я. Просто не готова сейчас это обсуждать, горло сразу сжимается, много воспоминаний лезет в голову. И вдобавок, если честно, мне стыдно. – Скорфус, ну прости. Я боялась остаться одна со всем этим. Все-таки ты...

– Дай угадаю. – Он с насмешкой обращает на меня ядовито-желтый глаз и повышает голос до писка, явно меня пародируя: – «Скорфус, я боялась, что ты окажешься таким же повернутым на правила душлилой, как боги Святой Горы, и не будешь помогать мне вытаскивать из долбаного Подземья долбаного маньяка!» Да?

– Примерно, – кисло соглашаюсь я. – Только без слов, которые я не знаю. Вроде «душила», «долбаный» и «маньяк».

– Ты такая тупая, Орфо. – Его меховые бока раздуваются от возмущения, а вот голос, наоборот, становится теплее. Я только шмыгаю носом: что спорить? – Я помогаю тебе. Ты убийца. Что, думаешь, меня убудет от еще одного такого экземпляра?

– Я твоя... – и снова приходится прикусить язык. Я чуть не использовала слово «хозяйка», за которое он, как и любой фамилляр, вправе дать мне лапой в глаз, – подруга. А с ним

ты никогда не общался. Поэтому да, я не хотела, чтобы ты заранее знал о его поступке. Тем более здесь что-то может быть не так.

Эвер слегка шевелит рукой, лежащей поверх одеяла. Я замираю, жадно на нее уставившись, а мое сердце начинает судорожно искать какое-нибудь убежище среди других внутренних. Это та кисть, которая была закована в перчатку, отек пока не до конца спал. Светлые ресницы вздрагивают, поймав немного солнца, но Эвер не просыпается. Я со вздохом опускаю глаза. *Убийца*. Если подумать, меня впервые назвал так кто-то, кроме Лина. Вслух. И за дело.

После того как моя сила сработала криво и отправила Эвера в еще неизвестный мне другой мир, я часто размышляла обо всем этом. Нет, не о том, что могло произойти, – хотя несколько древних фолиантов о волшебниках я проштудировала, не найдя там, впрочем, ничего умного. И нет, не о том, можно ли что-то исправить, – эта мысль просто меня не посетила, все казалось железным и безнадежным: Эвера нет, нет, нет из-за меня. Уже тогда я использовала слово, от которого не отказываюсь и сейчас, видя Эвера снова живым, – *убийство*. Не церемонилась с собой в деталях, проклинала себя последними словами и за поступок, и за последовавшую за ним трусливую ложь. Но в основном меня занимало не это, осмыслить я пыталась другое.

Почему вообще я набросилась?

Я не любила никого из «детей героев» и не была добро-

сердечной настолько, чтобы их жизни стоили для меня дороже жизни Эвера. Да я вообще не была добросердечной, эй, я та самая девочка, которая почти не расстроилась, когда ее ставшая тираном мать прыгнула со скалы из-за проигранной войны. Я не боялась за себя – вряд ли Эвер, что бы им ни руководило, стал на меня нападать. Он был испуган. Расстроен. Он был, в конце концов, явно измучен, весь в крови, и не только чужой. Я не... злилась. Или все-таки злилась? Злилась, потому что мой мир разом рухнул, злилась, думая, будто Эвера постигла судьба мамы, злилась, в глубине души догадываясь: нет, нет, это не так, беда не здесь, и она куда сложнее. Да, скорее всего, я злилась, и мое решение просто обездвигить Эвера слишком быстро превратилось в безумие, которым я не управляла.

Безумие, которым я не управляла... Не с этого ли все начинается? Ну, у других волшебников?

Может, эта мысль и опустошила меня дальше: уже когда я всем соврала, когда мы с Лином зажили дальше, разделенные невидимой стеной. Я ведь заболела, страшно, точнее, подверглась ломке – как и все волшебники, теряющие гасителей. Оказалось, к ним привыкаешь. И эта зависимость намного сильнее и опаснее, чем, например, от большинства зелий. Привыкает не только твой разум, тело тоже. Даже если гаситель и волшебник редко касаются друг друга, как мы с Эвером, сам... воздух между вами становится немного другим. Ваши клетки становятся похожими. Ваша кровь. Ты за-

висишь от всего этого куда сильнее, чем он. И конечно, когда все это вырывают у тебя с мясом, ты на некоторое время падаешь в полную боли тьму.

Кошмарная неделя для меня переросла в месяц, в два, в три, в пять. Я плохо ела, плохо училась, плохо говорила, а моя сила срабатывала на ком попало. Ко мне больше не заходили без стука. От меня шарахались, когда я шла по коридорам или саду. Мои цветы почти все могли увянуть – я забыла о них, – но не увяли, потому что помнил папа. Потом появился Скорфус и починил меня своей странной магией и дурным юмором. Но я знала: следы ломки, как и ее причина, все еще там. Где-то у меня внутри.

– Что-то может быть не так... – повторяет Скорфус. Он выглядит задумчивым.

Я, вздохнув, начинаю расправлять смятый подол туники.

– Эвер был... есть... правда славный. Он никогда никого не убивал. Он никогда даже ни с кем не дрался, хотя в последние месяцы перед тем, что случилось, ему было...

– Терпила, – презрительно бросает Скорфус очередное слово, которого я не знаю. Прежде чем соображаю, я пихаю его в бок, и он грохается на пол. – Ауч!

Я и сама понимаю, что сделала это зря: Скорфус всегда приземляется удачно, да и падать ему низко. Но изображая оскорбленную невинность, он сердито фыркает. Я закрываю руками лицо.

– Знаешь, – судя по приглушенному стуку, он запрыгнул

обратно, – не доверяя я тебе, я бы решил, что твой покойный братец был прав. Ну... что это правда ты их убила. Их всех.

Я впиваюсь ногтями в кожу, яростно мотаю головой, только бы отряхнуться от слов. Не потому, что они обидны, нет, я вполне их заслужила. Из-за другого. Порой, особенно поначалу, у меня и у самой возникала такая версия. Что, если на несколько минут я правда спятила и, увидев, как окружили Эвера, перебила его обидчиков? А потом он попытался вразумить меня, и я...

– Прости, – вдруг слышу я. В мои руки быстро тычется теплый нос. – Ну, человечца, прости, я это просто к тому, что ты очень вспыльчивая. Просто ужасно.

– Просто ужасно, – повторяю я и хрипло смеюсь. – Сама знаю. Я работаю над этим.

То, в каком виде придворные сейчас знают мою историю, – чушь, которую наболтала малявка, ничего не соображавшая от шока, зато боявшаяся, что от нее отвернется семья. Якобы Эвер хотел сбежать, а я пришла, когда его уже не было, и вообще ничего не знаю ни о нем, ни об этих смертях. Почему я решила сказать про побег? Мне казалось, что в последнее время мой гаситель грустит. Нет, он ничего мне не говорил, не просил, не звал меня с собой. Нет, я ему не помогала. И нет, я совсем не злюсь, потому что понимаю, каково жить в чужом государстве, даже если тебя любит король. Я справлюсь сама. Справлюсь. Меня тогда больше жалели, чем подозревали, – ну, почти все, кроме брата. Знаю,

сейчас будет куда сложнее. Зато я не одна.

Скорфус вчера поступил более чем разумно, пусть и решил все за меня. Он не позвал стражу, опасаясь, что объяснения затянутся, он сыграл по-крупному: сразу вломился к отцу. Я чуть не умерла, когда мой заспанный, перепуганный папочка, едва нацепив свой золоченый мускульный торакс поверх ночной сорочки и схватив секиру, сбежал по лестнице и ринулся к нам. Он застыл перед Эвером. Больше всего на свете я в тот миг боялась, что его хватит удар. А еще тот миг в который раз убедил меня в очевидном: папа слишком хорошо меня знал. Он не воскликнул: «Так он вернулся?!», не выплюнул: «Беглецов я назад не принимаю», не отшатнулся с испуганным воплем: «Убийца!» Он медленно перевел глаза с Эвера на меня, снова на Эвера, снова на меня и хрипло спросил:

– Что ты натворила?

Возможно, он заметил отекающую руку Эвера; возможно – слабые следы кошачьих когтей на голых участках его кожи; возможно, что-то заподозрил по рваной одежде, например узнал вышивку на воротнике, которую видел четыре года назад и которую физальские мастера никогда не повторяли. Я бросилась к нему. Заревела. И снова начала лгать, но уже иначе, намного ближе к правде. Как итог, теперь папа знал, что я сделала. И во многом от него зависело, узнает ли кто-то еще.

Скорфус только успевает снова устроиться на тумбе и обернуть хвостом лапы, когда солнце заливает ярким золо-

том уже все лицо Эвера. Этого он не выдерживает: брови сдвигаются, меж ними пролегает морщина, рот кривится – а потом ресницы снова недовольно дрожат.

– Спокойно, – шикает на меня Скорфус, но я вижу: его собственный хвост уже сжимается вокруг лап, точно он пытается стреножить сам себя. – Та-ак! Доброе утро, звездный свет!

Последнее он бросает уже Эверу, расплываясь в своей традиционной улыбке – широкой, демонстрирующей все четыре клыка. Я едва замечая это, сразу падаю в бирюзу приоткрывшихся, а в следующий миг распахнувшихся глаз. Быстро подаюсь ближе. Хватаю Эвера за плечи, прежде чем он повторил бы мою недавнюю выходку – смахнул бы Скорфуса на пол, словно предмет, выбивающийся из обстановки. Впрочем, это обнадеживает. Раз предмет для Эвера посторонний, значит, он помнит, как комната выглядеть должна.

– Тсс, – шиплю я, поймав его заматавшийся взгляд. – Эвер... Эвер, это я.

Несколько секунд он смотрит на меня, оцепенев, а потом открывает рот. Губы шевелятся, но ни звука с них не слетает;

Эвер облизывает их и морщится: сухие, обветренные. Наверняка он хочет пить. Я скорее хватаю с пола предусмотрительно приготовленный кувшин с водой. Немного боюсь, что мне бросят его в голову, но все-таки протягиваю со словами:

– Да, да, я понимаю, все плохо. И непонятно. Но пожалуйста, давай поговорим, если ты можешь.

Он не перестает рассматривать меня, и постепенно происходит то, что я запомнила с детства, — его взгляд *замедляется*. Эвер делает глубокий, долгий вдох, покорно берет кувшин, пробует присесть и откидывает со лба волосы. Они не отросли, запоздало подмечаю я. Как и ногти, и щетина на подбородке, вообще ничего нет. Его тело было словно... мумифицировано, или как там называют свои похоронные практики игаптяне. От этого осознания жутко, оно делает еще неоспоримее факт моего преступления. Лучше в этих мыслях не задерживаться.

— Ты можешь? — повторяю я, про себя благодаря Скорфуса за то, что заткнулся и ничего не портит. — Эвер... — Я тоже облизываю губы. — Как же я рада тебя видеть.

Это правда, что бы там ни было, — да. Я давно не смотрела в его глаза, я забыла о легком сиянии, которое скорее чувствовала, чем видела, когда он находился рядом. Зато я отлично помнила боль, на несколько месяцев поселившуюся в ребрах после моего преступления. Помнила холод, который окутывал меня день за днем и ночь за ночью. Помнила, что делали со мной чудовища в снах — своими щупальцами, членами, длинными шипастыми языками. Они словно пытались объяснить мне, через что прошел когда-то Эвер, такой же маленький и беззащитный, как я, и наказывали меня за то, что я обрекла его, уже взрослого, на новые страдания. А мама смеялась. Мама всегда смеялась и пророчила мне судьбу прадеда.

От моих последних слов его голова слабо дергается, немного воды проливается на грудь. Эвер поднимает глаза, а потом плавно, нетвердо, но с привычной аккуратностью ставит кувшин на тумбу рядом со Скорфусом. Тот провожает движение ленивым взглядом, лижет свою левую лапу. А затем нагло взмывает к потолку со словами:

– Ну все, я пока пошел. Вам есть что обсудить. Велю потихоньку подавать завтрак.

Прежде чем я остановила бы его, он черной молнией пикирует в открытое окно и сворачивает влево. Последним, как всегда, скрывается из виду пушистый кончик хвоста. Выдохнув, я в который раз тру веки: поспать успела часа четыре, маловато после трудного путешествия. В Подземье я все-таки провела трое суток: полдня искала дорогу, полдня пыталась поладить с местными, два дня выслеживала... Эвера. За все это время подремала я один раз: было некогда, холодно да и тревожно, то от гулкого воя в ушах, то от ощущения пристальных взглядов сразу из всех уголков неуютной темноты.

Эвер все смотрит на меня. Его руки беспокойно двигаются: он пытается сложить их в замок, но правая, отекая, плохо слушается. Он опускает на нее взгляд. По лицу пробегает судорога, и это не судорога боли. Глаза снова расширяются. Там проступает страх.

– Ты узнаешь меня? – Я предпринимаю новую попытку. – Там, внизу, мне показалось, что все-таки да.

– Внизу, – первое слово, которое он произносит: повторяет хрипло и бесцветно.

– Что ты помнишь? – спрашиваю, чувствуя, что и мой голос с каждым слогом становится сдавленное. Откуда-то уверенность: ответ сильно мне не понравится.

Эвер снова поднимает пустые глаза. Вдыхает коротко, рвано, точно все еще привыкает к этому воздуху. Полузабытому воздуху.

– Все, – наконец глухо бросает он, горбится и закрывает руками лицо. Сил подтянуть колени к груди у него, похоже, пока нет.

Он не плачет – только бежит по телу мелкая, как колебание морской пены, дрожь. Ветер все еще играет с волосами, словно дергает их, и я подумываю закрыть окно. С другой стороны, тогда Скорфус потом будет в него ломиться, а то и разобьет со всей дури – это он умеет и любит, его фамиллярскую особу везде должны пропускать беспрепятственно. К тому же мало ли, как Эвер отреагирует на мои резкие движения... Впрочем, все это – только попытки отвлечься, защититься. От этого слова – «все», смысл которого я понимаю без всяких пояснений.

«Я помню, как убил “детей героев”».

«Я помню, как ты убила меня».

«Я помню, как превратился в чудовище».

«Я помню, как убивал снова и снова, тех, кого даже не знал. Четыре года подряд».

«Я помню, как ты за мной пришла и чуть не задушила».

– Эвер, – хрипло окликаю я. Это стоит огромного усилия. – Эвер, я...

Он падает назад на подушку, так и не отняв рук от лица. Я цепенею.

– Мне... мне жаль.

Я сама понимаю, как это нелепо прозвучало, сама готова взять слова назад. Но он просто не реагирует, только пальцы сжимаются крепче, точно Эвер вот-вот начнет вырывать себе волосы или царапать лицо. От этого отчаяния – бессильного, бездвижного, немого – все хуже. Я думала, он вскочит, думала, будет кричать или сразу кинется на меня. Но он ослаблен и придавлен. Придавлен всем тем, что, похоже, только сейчас начинает осознавать в полной мере.

Наше воссоединение начинается ровно так, как я и боялась.

Когда Скорфус вывел меня на подземцев, я объяснила, кого ищу, и поняла, во что этот кто-то превратился. Правда отдалась знакомой болью в ребрах: я ведь до последнего надеялась, что найду Эвера призраком, или пленником, ну или жителем этой странной общины – Скорфус ставил на один из таких вариантов. Впрочем, теперь я осознала: он намекал и на худшее, пытался меня подготовить. «Подземье – не совсем материальный мир, – объяснял он. – Там действует волшебство, не похожее на наше, более древнее, мощное и в то же время простое. Но природа у них одна,

прорывается она непредсказуемо, поэтому ты и облажалась так, как облажалась, а не просто угробила этого гасителя. Ты сказала ему исчезнуть – тебя услышали, портал открылся. Вот только в Подземье нельзя *просто* провалиться. Оно либо выпивает тебя, либо меняет до неузнаваемости. Помнишь бога-отшельника, Идуса, ушедшего в какое-то Темное Место от сияния и правил Святой Горы? По некоторым легендам, он убрался именно сюда, а когда его жена Сэрпо решила спуститься к нему, он уже был огромным полумразумным нетопырем. И сама она такой стала, не смогла сопротивляться, когда наелась гранатов из Подземного сада. Даже боги здесь...»

...*Слабы*. Что могло случиться с испуганным, раненым человеком, от которого отвернулся...

Нет, я не имею права на слово «друг». Но Эвер мне доверял и всегда занимал мою сторону. А я даже его не выслушала.

Заклячая сделку, подземцы подтвердили нам простую вещь: Монстр неуправляем. Да, он проникает к ним в разум, но сам разума будто лишен. Тупая, огромная, вечно жаждущая крови тварь. Прячется в темных углах; если нет человеческих жертв, может сожрать ящерицу или летучую мышь. Странно, что передвигается на двух ногах. Странно, что одна рука железная. Странно, что он почти всегда выбирает жертв, которые и так чем-то ослаблены – недавней утратой близкого, сложными делами, ссорой с любимыми. Видимо,

это было последнее человеческое, что осталось от Эвера. Проницательность. И давняя боль.

– Ты понимаешь, что с тобой произошло? – пересилив себя, спрашиваю я.

Я не знаю, какое именно «произошло» имею в виду. Скорее всего, предпоследнее: когда он перевоплотился и, ведомый чужим, иномирным голодом, начал убивать. Но он понимает меня иначе, так, как и должен. Медленно убирает руки от лица. Снова на меня смотрит. И слабо кивает.

– Да. Я понимаю, что ты на меня напала, и я упал в полную темноту, где не мог дышать.

Сглатываю. Я очень хочу, чтобы Скорфус был со мной. Чтобы был хоть кто-то, за кем я могла бы спрятаться.

– Потом, почти сразу, что-то... – продолжает Эвер подрагивающим голосом, – проросло во мне, как эта пещерная дрянь растет на потолке. Моя душа оказалась в... – он опять облизывает губы, – подобии ледяного саркофага, опишу это так: было холодно и больно, управлять телом не получалось, думать тоже. – Он кидает взгляд на свои руки, подергивает пальцами, точно проверяя, слушаются ли они теперь. – Я только наблюдал, как то, что от меня осталось, носится по незнакомым катакомбам и убивает живущих там маленьких людей. А иногда больших. Иногда – животных и фамильяров. – У него все же получается сцепить пальцы в замок, и костяшки белеют. – Не знаю, сколько это длилось, счет времени я потерял. Единственное, что я знаю точно: все, – я уже

едва выдерживаю его взгляд, он жжется и блестит, — из-за тебя, Орфо. Это каким-то образом сделала ты. Верно ведь?

Он замолкает — и, оттого что он все еще не пытается кинуться, не кричит, не проклиняет и не плачет, мне очень плохо. Запоздало я понимаю, почему это так ранит: ощущение, будто он... боится? В неподвижных глазах страха больше нет, но все тело словно струна. Неужели он ждет, что я сделаю *это* снова? Отправлю его назад? Наблюдает он за мной именно так: как за опасным животным, которое пока не вонзило зубы ему в горло только по туманной случайности.

— Да. — Все равно нет других слов, нет смысла изворачиваться, я давлю в зародыше даже оправдание «Я же была малышкой», которым утешал меня Скорфус. — Да, это сделала я, но не намеренно. Я... я не знаю, как это произошло, и я не хотела. Правда.

Из последних сил смотрю на его лицо, ища хоть какой-то отклик. Какой угодно, пусть это будет гнев; благодаря гневу я окончательно удостоверюсь, что Эвер ожил. Пока он живым не кажется, точнее, все ощущается так, будто часть его чувств так и осталась подо льдом подземного волшебства. Или Монстр забрал их, умирая под когтями Скорфуса. И уже не вернет.

— Сколько... прошло времени? — прокашлявшись, спрашивает Эвер. Он так и не ответил на мое «не хотела», и я его понимаю. Само то, что он обратился ко мне не с упреком, а с вопросом, дает надежду. Я отвечаю как можно быстрее:

– Четыре года, Эвер. Примерно так.

Он все так же заторможенно, точно везде встречая препятствия, обводит взглядом помещение. Белую лепнину на потолке и стенах. Мебель из легкого резного орешника. Шкаф с книгами, шкаф с одеждой, кнут и меч, спокойно висающие на креплениях в углу. Белую шкуру на полу, виолы на подоконнике. Они сильно разрослись за это время.

– Ничего... – он снова кашляет, так сильно, что приходится приложить ко рту ладонь, и быстро сжимает ее в кулак, – не поменялось.

Это не вопрос, он говорит в пустоту.

– Лин, – выдыхаю имя, хотя все внутри сжимается сильнее. – Он не велел ничего трогать. Не знаю почему. И папа поддержал. Здесь все было заперто.

– Все?.. – Он не сводит глаз с виол.

– Их поливала я. – Впервые выдержка подводит, глаза все-таки приходится отвести. – Эвер, мы чувствовали ужасную вину. Особенно я, да, но и он, кажется, тоже.

– Как он? – Эвер спрашивает все так же равнодушно. Но на несколько мгновений замирает, услышав:

– Его больше нет, умер зимой. Мор.

Эвер кивает. Похоже, новость все-таки ранила его: движение такое скупое, будто он боится эту рану потревожить. Помедлив, он задает еще один вопрос, которого я жду:

– А король Плиниус?

Может, это единственное, о чем он действительно пере-

живает, ведь из нас троих лишь папа ни разу, никак не причинил ему вреда. И хотя бы тут я могу его порадовать.

– В порядке. – Колеблюсь, но добавляю: – Только в ужасе, разочарован и злится. Я рассказала ему правду о том, что сделала.

Я уверена, мне не почудилось: лицо Эвера чуть посветлело. Он никогда не демонстрировал горячий, слишком кричащей любви к отцу, но я знала о ней и радовалась, что она такая. Почти столь же огромная и доверчивая, сколь у меня, но намного более благодарная и терпеливая. Порой я даже начинала переживать: может, и ко мне-то Эвер хорошо относится, только потому что папа на него надеется? Отмахивалась как могла. Отмахиваюсь и теперь. Зато отмечаю еще одну эмоцию в глазах Эвера – легкое, но удивление. Из-за последних слов.

– Он... – я немного лукавлю, но не так чтобы очень, – на твоей стороне. Не на моей. Он очень надеется скоро увидеть тебя.

Эвер молчит – может, ждет чего-то еще, а может, чувствует: кое-чего я не досказала. Наверное, нужно. Нет, лучше придержать. Я не понимаю, просто не понимаю, как он сейчас настроен, и в том числе поэтому не до конца владею собой. Одна часть меня хочет умолять его боги знают о чем, другая порывается допрашивать о... о *бойне*. Еще одна вещь, которую я подзабыла, – как же с ним сложно. Нет никаких «мертвых» эмоций, нет эмоций, «забранных Мон-

стром». Эвер, которого я знала, всегда хорошо скрывал, что происходит у него на душе. Особенно перед теми, кому не доверял.

– Я буду рад, – шелестит он, снова ложится и прикрывает глаза. Веки дрожат, на лбу выступает испарина.

– Тебе плохо? – выпаливаю я, прежде чем одернула бы себя и запретила бы так выдавать волнение. Даже подаюсь немного вперед. – Хочешь, я позову...

– Не надо, – обрывает он, не резко, но на меня словно веет холодом – опять, почти как в пещере. – Не надо, я... наверное, просто должен привыкнуть. К чему бы то ни было, я даже не понимаю, как это называть.

Спасение. Воскрешение. Возрождение. Снятие проклятия. Почему все эти хорошие слова жгут меня плевками яда? Я вдруг понимаю одно, и очень остро: я отчаянно хочу коснуться его. Чего угодно, хоть волос, хоть плеча, хоть руки. Он сказал сейчас правильно. Я тоже, в той или иной мере, привыкаю. К тому, что исправила хоть что-то. К тому, что он стал собой и я могу его видеть. Если отбросить все прочее, все несказанное, все угнетающее меня и бесящее Скорфуса, это ведь главное. Для меня нет ничего ценнее жизни моего Эвера. Пусть я больше не могу звать его своим.

Когда он только появился рядом, я знала: да, ему неприятны чужие прикосновения. Даже не так, он их боится. Мне было восемь, он старался не пугать меня, но постепенно, не без помощи отца, я разобралась с причиной. У нас с Эве-

ром не возникало проблем, я сама прикосновения не жаловала. Обнять папу, взять за руку брата – да, но кроме этого я предпочитала трогать цветы, а не людей, и чтобы не трогали меня. К девяти годам я отвадила всех служанок, пытавшихся помочь мне одеться, причесаться и тем более помыться. К десяти сама забиралась на лошадь и вылезала из кареты, лишь бы никому не давать руку. К двенадцати дала четко понять самым настойчивым юным нобилям: эта принцесса не танцует. Поэтому я поняла бы Эвера, даже если бы ничего не знала. И поэтому сразу заметила, когда что-то начало меняться.

Ему было настолько жаль меня в Кошмарные ночи, что он сам клал руку мне на лоб – и не отдергивал, когда я хваталась за нее. Два или три раза он обнимал меня утром, видя, что я совсем серая от слабости. Он ставил меня в правильную боевую стойку, показывал, как держать меч и хлыст, работа с которым давалась мне особенно трудно. Однажды я сама в каком-то порыве обняла его, тут же отпрянула, попросила прощения – но он сказал не извиняться. После этого я и позволила себе иногда, видя, что ему грустно или он устал, брать его за руку и переплетать наши пальцы.

Я тянусь к безвольно лежащей руке и сейчас, но он двигает ее в сторону, даже не открыв глаз. Долгая жизнь в Подземье, видимо, обострила его чувства. Сжимаю кулак, зубы тоже стискиваются. Проклятый Скорфус, не брось он меня, я не вела бы себя так глупо, мне нужно было бы держать лицо.

Я выдыхаю и откидываюсь в кресле, стараюсь принять как можно более расслабленный вид. Настоящий разговор только начинается, нужно собраться с духом и...

– Значит, Лин мертв, – произносит Эвер странным тоном. Его глаза медленно открываются, они все еще стеклянно-отчужденные. – А срок правления твоего отца оканчивается. Правильно?

– Правильно. – Киваю и жду продолжения: не понимаю, для чего очевидное уточнение.

Эвер пару секунд молчит, смотря в пустоту. Пальцы его легонько сжимаются на одеяле, потом расслабляются, а глаза, чуть прояснившись, снова встречаются с моими.

– Понятно, – едва различимо выдыхает он, а спустя секунду прибавляет громче и чеканнее: – Нет, Орфо. Нет. Не надейся, я вряд ли смог бы, это... выше моих сил. Да здравствует королева.

С этими словами он снова двигает рукой, и из нее выпадают два окровавленных камешка, совсем крошечных. Видимо, те, что оказались в ладони, когда он кашлял.

Между нами в который раз повисает тишина. Бездумно глядя на камешки, алеющие поверх белого покрывала, я различаю даже плеск моря за окном. То ли оно разволновалось, то ли тишина правда глубже и тяжелее прежней. Она и должна такой быть, ведь меня швырнули на холодное дно, где, впрочем, мне самое место.

– Нет, – повторяю я как околдованная. Глаз мы друг от

друга не отводим. – Эвер...

– Теперь-то я понимаю, – перебивает он, еще сильнее побледнев – горечь во плоти, близящаяся буря, – почему ты пришла *сейчас*. И почему так стараешься...

– Неправда! – почти взвизгиваю я, сама не поняв, куда так быстро испарились мои ровные интонации. Он обрывает снова, просто повторив:

– У тебя появилась веская причина бояться за себя. Верно?

Его глаза болезненно загораются, он пытается сесть, но снова начинает кашлять и выхаркивает еще несколько камней. Я смотрю на это с ужасом; единственное, что не дает мне вопреки всему кинуться за медиком, – предупреждение Скорфуса: «Камни это нормально, пройдет, а вот если из него полезут жуки...» Эвер кашляет долго, потом откидывает голову, обращая мокрые измученные глаза к потолку. Он больше не хочет на меня смотреть. А я хочу залезть под кровать, и как можно дальше отсюда.

– Ты ошибаешься, – только и шепчу я. Зная, впрочем, что звучит лживо.

Когда люди, облеченные властью, стали ею злоупотреблять – вскоре после того как время племенных вождей сменилось временем королей и консулов, – боги поняли: с этим нужно что-то делать. Правила они придумывали долго, изощренно, с азартом. Сначала ввели равенство престолонаследования – для сыновей и дочерей. Затем, убедив-

шись, что женщины ошибаются и поддаются соблазнам не реже мужчин, боги ввели равновластие и равнокровие – отныне брак для членов правящей династии становился обязательным, а супруги получали с ними равную долю влияния. Даже если были из бедного рода или чужих земель. Это увеличивало груз ответственности, зато когда один супруг поддавался дурным идеям, второй мог сдержать его, просто не дав свою половину армии и казны. Порой это, конечно, вело к тому, что супруги просто убивали друг друга в борьбе или, наоборот, объединялись для коварных планов, но чаще помогало неплохо. Когда недостаточно оказалось и этого, бог-судья Арфемис ввел правило двадцати лет, по истечении которых всякий правитель во избежание мучительной смерти должен отдавать власть. Достаточный срок, чтобы вырастить ребенка, достаточный, чтобы подготовить преемника. А незадолго до этого, наверное в особенно дурном настроении, Арфемис придумал кое-что еще.

Решил, что ни один принц или принцесса не смогут взойти на престол, если отягощены скверными замыслами или тяжелым грехом.

Арфемис использовал именно это слово – грех. Мы знали его и раньше, но оно оставалось довольно расплывчатым. Когда родители воспитывали детей, они называли грехами самые разные вещи – например, закинутые на стол ноги или выброшенный хлеб. Если второе действительно нарушает одно из правил и обрекает семью на пару месяцев голода, то

первое безобидно, просто невежливо. По итогу да, мало кто в мире Тысячи Правил может четко сказать, что такое грех. Но для принцев и принцесс Арфемис это понятие прояснил.

Предательство. Изнасилование. Убийство. Совершивший что-либо из этого престолонаследник может на свой страх и риск надеть венец, но это будет первый и последний раз в его жизни. Прочих регалий касается то же. Наша, гирийская корона, выполненная в виде великолепного оливкового венца, попав на голову грешника, раздавливает эту голову, как орех. При всем народе. Под насмешливыми взглядами невидимых богов. Так везде: трон Игапты сжигает грешника заживо, скипетр Физалии отрывает грешнику руку, а потом проламывает грудь. И даже когда пара умников в далеком прошлом решила обмануть судьбу и короноваться без регалий, оказалось, что правило не обойти. Регалии неуничтожимы, их не запереть и не спрятать, и рано или поздно, так или иначе они окажутся у тебя на голове, в руке, под задницей. Мы безумно боимся этого. Настолько, что коронации неизменно предшествует несколько месяцев, в которые принца или принцессу очищают, то есть пытаются очистить, от всех возможных, даже более мелких, грехов.

Принцы и принцессы купаются в Святом море несколько раз.

Принцы и принцессы преклоняют колени у подножия Святой Горы и съедают немного снега, покрывающего путь к ней.

Принцы и принцессы проходят по горящим углям и выпивают змеиный яд.

Они делают еще много странных вещей, якобы способных защитить их, в «прощенные месяцы». Их два, и это время вспоминать, кого ты обидел, кем пренебрег и перед кем можешь покаяться за дурные поступки.

Меня не должны были короновать, но Лин умер, и у отца не осталось времени найти и подготовить другого преемника. Волшебники не могут претендовать на власть, но отсутствие выбора – исключение. Из двух зол – слишком часто менять династии или короновать будущих безумцев – боги почему-то пока выбирают второе. Я не знаю, что творится в их головах, но, так или иначе, несколько месяцев назад я оказалась лицом к лицу с правдой. «Ты станешь королевой, дочура, – непреклонно произнес отец. Увидев, как забегали мои глаза, улыбнулся: – Не бойся. У тебя самое чистое на свете сердечко, ты многое прошла, и я совершенно спокоен что за тебя, что за Гирию».

После вчерашнего он уже думает немного иначе – например, вот, неся Эвера на руках с пляжа, раз шесть страдальчески возопил: «О боги, нам конец!» По моей милости мы в ловушке; корона должна быть передана точно в срок, иначе она убьет папу. Меня – следующей, ведь я спасу его любой ценой, в том числе ценой своей жизни. А потом случится хаос безвластия. Наши патриции, отвечающие за разные сферы жизни, славные и надежные, многих я почти люблю. Но что

с ними станет, если придется делить трон? А им придется, ведь ни по маминой, ни по папиной веткам у меня не осталось родственников. Смена династии – почти всегда кровавые распри. Да и народ от этого сходит с ума.

Я прошла все ритуалы и многое сделала в свой первый прощенный месяц. Извинилась перед всеми, кому грубила, пожертвовала деньги вдовам, сиротам и калекам, провела не один меценатский вечер. Обменялась письмами с физальским королем и зазвала в гости их посла, попросила прощения на могилах матери и брата – за то, что первую недостаточно любила, а второго не уберегла. На самом деле мне повезло: детская нелюбимость спасла меня от лишних грехов, коронация вообще не стоила бы мне ничего, если бы не одно обстоятельство.

Эвер. Грех, который перечеркивал все.

Четыре года я жила с тем самым убеждением – что убила его, в простом прямом смысле. Это жгло меня виной, а когда я потеряла Лина – опалило ужасом. Я боялась мучительной смерти – каково это вообще, когда тебе раздавливают череп и твои мозги текут из трещин? Я боялась позора, ведь народ считал меня доброй, безгрешной, очень безобидной для волшебника любительницей цветов. Я боялась горя отца – ведь он тоже верил в меня как ни в кого; я уже достаточно подросла, чтобы принять очевидное: его любимицей всегда была я, не Лин. И да, конечно, я пока очень, очень не хотела умирать в принципе – ни мучительно, ни тихо во сне, никак.

И ужас нарастал, нарастал от стойкого понимания: меня не спрашивают. А исправить ничего нельзя, потому что мертвецы никогда, ни к кому еще не возвращались.

Проходя одну бессмысленную инициацию за другой, я на каждой прощалась с жизнью – что еще мне оставалось? Я была мрачной и нервной, я снова привыкла к кошмарам, уже не имевшим с гневом богов ничего общего, я почти не ела и вымещала отчаяние там, где могла, – в боевых тренировках. Перчатку я так и не освоила, она напоминала мне о самых дурных вещах. Зато Финни не волновало, кого я там убила, а хлыст... хлыст я забрала у *него*. Это была единственная вещь, которую я вынесла из комнаты Эвера.

Во время одной из тренировок Скорфус, которого я, похоже, достала, нашел меня и выволок на откровенный разговор. Прежде он точно не знал, как именно я лишилась гасителя: сначала я боялась, что он проболтается кому-то, потом стыдилась, уверенная, что полубожественная сущность не позволит ему дружить с такой дрянью, как я. Но он ясно видел: у меня проблемы. Когда, устав драться сама с собой, я легла на песок и уставилась в небо, он прыгнул мне на грудь, наклонился и вкрадчиво велел: «Исповедуйся. А я постараюсь помочь. Ну или обстебу тебя так, что тебе самой станет смешно». Непонятное слово «обстебу» звучало угрожающе, но терять было нечего. Смотря в желтый глаз своего фамильяра, я вдруг четко поняла: его я боюсь расстроить почти столь же сильно, сколь отца. Ведь он очень горд тем, что по-

селился именно с принцессой. Все эти месяцы он рисовал мне головокружительные перспективы того, как станет «королевским котом», какие дела мы будем вытворять. У него было свое маленькое «король и его волшебник», а я собиралась это разрушить, да еще и за спиной. Дружья так не поступают. Дружья не врут. И когда из моих глаз потекли слезы, я выдохнула:

«Скорфус, ты помнишь гасителя Эвера, который когда-то пропал? Так вот. Это я его убила».

Я наконец рассказала ему все, кроме одной детали – про растерзанных «детей героев». Представила это просто как ссору, в которой не сдержала дар. Скорфус понял. Он некоторое время ходил по мне, размышляя, потом спрыгнул на песок и целеустремленно затрусил к скале, на которую я ему указала.

«У меня для тебе хорошие новости, человечича! – крикнул он, уже встав у камня на задние лапы и уперев в него передние. – Стеб откладывается. Я, кажется, смогу тебе помочь».

Так мы и оказались в Подземье. И на самом деле... уже тогда я догадывалась, что услышу от Эвера, если даже мне удастся спасти его, это слово.

«Нет».

Чтобы моя вина считалась искупленной, недостаточно того, что я его вытащила. Чтобы я взошла на трон спокойно, он должен меня простить. Но такие вещи не прощают.

– Я не пыталась спасти тебя эти четыре года, просто не зная, что это возможно, – собравшись, продолжаю я. Он слушает. Лицо непроницаемо, но я благодарна уже за отсутствие там насмешки, неверия и презрения. – Я же представления не имела, что есть способ...

– Как же ты так внезапно его нашла? – Он снова смотрит на дрожащие лепестки виол, а мне не остается ничего, кроме нелепой правды:

– Исповедалась своему коту. Ну, ты его видел. Это Скорфус, он... заменил мне тебя.

– Даже так. – Читаю это по его губам и ловлю непонятную эмоцию, снова слишком похожую на горечь, чтобы внутри все не перевернулось десять раз.

– Ну... попытался. Я ведь умирала без тебя, Эвер. И даже ничего не имела против смерти.

Он опять обращает блеснувшие глаза на меня. Кажется, я вот-вот услышу нечто гневное и вполне справедливое вроде «Ты не знаешь, что такое умирать». Но, похоже, он устал от этого разговора, он просто не хочет пока больше думать, насколько я честна. И я могу его понять. В конце концов он лишь шепчет:

– Что ж. Я рад, что ты не умерла.

В горле пересыхает. Я хватаю кувшин, тащу его к губам, делаю несколько жадных глотков, все это время крепко-крепко жмурясь: и потому что не могу смотреть на Эвера, и потому что должна хотя бы ненадолго спрятать глаза.

Услышанное отдается в голове, бьется о стенки черепа, как заблудившаяся летучая мышь в незнакомой пещере. Я прекрасно понимаю: нельзя выдыхать, нельзя питать иллюзий, тем более – радоваться. У фразы может быть много подтекстов.

– Видимо, это должно произойти именно сейчас.

...Например, такой. Проглотить воду оказывается сложнее, чем набрать ее в рот.

Сглотнув, я наконец открываю глаза, но вопреки ожиданиям не вижу злости. Эвер бросил фразу как что-то само собой разумеющееся, примерно так же он объяснял работу хлыста в детстве. И, поняв, что повторять «мне жаль» бессмысленно, что умолять о прощении глупо, что путь остался один, я покоряюсь. В конце концов, у меня тоже есть вопросы к Эверу. Скоро я их задам. Но начну все же с простого, безнадёжного, столь же бесцветного уточнения:

– Как бы сказать... мне бы этого не хотелось. И мне не кажется, что я правда это заслужила.

Он опять приподнимается на кровати, в этот раз садится почти прямо. Смотрит долго, задумчиво, а я всем видом стараюсь донести до него: «Спорь, спорь, можешь даже меня проклясть или ударить». Я готова. Я приму все. Второй фразой я ведь и пыталась спровоцировать его, пыталась добиться чего-то, что сдвинет нас с мертвой точки. Пусть он отреагирует. Пусть крикнет: «Заслужила, еще как, и я рад, что ты сдохнешь!» Пусть хоть что-то станет понятнее. Но нет.

– Эвер, – шепчу я. Скорфус мягок в своих оценках: я не только вспыльчивая, но и очень нетерпеливая. – Почему ты молчишь, ну почему?..

Вряд ли он представляет, каково это – кричать «Прости меня!» в пустоту.

– А что я должен сказать тебе? – Он опускает голову. Все-таки поджимает колени, накрытые одеялом, к груди. – Что, Орфо? Ты сама, как я вижу, прекрасно все понимаешь. – Он кусает губы. – Четыре года я был монстром. Да, мой разум не участвовал в убийствах, но помешать этому... этому чему-то не мог. Я вряд ли забуду, как пожирал плоть тех людей. Вкус их крови. Дым от их кишок. Треск костей. И теперь, если я правильно понимаю, ты хочешь, чтобы я как-то жил с этим дальше. – Его голос все еще ровный, глаза стеклянные. – Расскажешь как?

Я держу кувшин на коленях, а зря: меня обуревают дикое желание швырнуть его в стену или в окно. Эвер по-прежнему не закричал на меня. И не ответил, заслужила ли я, по его мнению, смерть во время коронации. Но он сказал ровно то, что я тщетно, упрямо выпихивала из мыслей, с момента, как Монстр упал к моим ногам. Выпихивала, хотя это самое главное.

– Я не знаю. – Больше слов нет. – Но одно могу подтвердить точно. Я *очень* хочу, чтобы ты жил. Что бы ни случилось со мной.

Я ставлю кувшин на пол, встаю: уже уверена, что Эвер

спокойно отреагирует на мои движения. Больше не могу находиться на месте, прохожу к окну, встаю там – у низенькой белофигурной амфоры с темными, густо-синими виолами. Их цвет похож на цвет моих глаз и глаз Лина. Я касаюсь ближнего, недавно распутившегося цветка, а потом снова заставляю себя посмотреть на Эвера. И под его усталым взглядом продолжить:

– Я рада, что мне не пришлось говорить это вслух. Да, Эвер, без твоего прощения примерно через три с половиной недели я погибну, и Гирия останется без правителя. Я прекрасно понимаю, как тебе сложно, и даже сомневалась, смогу ли попросить тебя... – запинаясь, – хотя бы попытаться меня простить. Но я прошу. Не только из-за себя. Ты сам знаешь правила. Отец.

– Изобретательный ход, – бросает он, явно постаравшись вложить в голос яд. Но я этому рада, это же признак жизни.

– Не бойся, – это мы уже обговорили, – он не будет ни ползать перед тобой на коленях, ни оправдывать меня, когда вы увидите. У него четкая позиция. Хотя ему очень жаль.

Эвер прикрывает глаза и сжимает губы.

– У меня даже была мысль... – Это я точно хотела озвучить не сейчас, но после вопроса «Как мне жить?» разговор все равно пошел не по плану. – Что тебе стоит побыть с нами до церемонии еще по одной причине. Что я могла бы убедить его отдать трон *тебе*, если я умру.

Определенно, эффекта я добилась: он распахнул глаза,

резко вскинулся. Приоткрыл рот, но тут же снова сжал губы и... теперь зло, холодно улыбается. Взгляд исподлобья обжигает меня до костей. А потом Эвер сипло, надтреснуто, с явным трудом смеется, до судороги вжав ладонь в грудь. Мало похоже на его смех... На те редкие разы, когда я его слышала. Даже в детстве он особенно не смеялся; как правило, его веселье ограничивалось сдержанным фырканием, качанием головы, лукавым прищуром. Но если вдруг он все же смеялся, мы с Лином грелись в этом смехе. И отец тоже, я всегда это ощущала.

– Ты издеваешься, – выдыхает Эвер, замолчав так же резко, как захохотал. Изможденно откидывается на спинку кровати, трет глаза. Недоумения он даже не скрывает. – Ты точно издеваешься, иначе я это воспринимать не могу. Хватит, ладно?

– Почему? – Я снова делаю к кровати шаг. – Почему, ведь он любит тебя и, между прочим, чувствует вину перед твоей страной...

«Мы предали Физалию. Мы искалечили Физалию. Похоже, мы нарушили какое-то правило, поэтому на нас все и валится». Папа правда сказал это вчера, когда мы уже сгрузили Эвера на кровать. Сказал, а я не посмела возразить: «На тебя все валится, потому что у тебя родилась волшебница. И к тому же неудачница».

– Орфо. – Он даже пытается встать. Морщится и отказывается от этой затеи. – Орфо, ты что, считаешь себя исклю-

чительной настолько, что только *тебе* нужно бояться божественных правил? – Снова он облизывает губы. – Я, если ты не забыла, тоже убийца. И даже не только по твоей милости. – Он вздыхает. – Это не говоря уже о том, что Плиний – умный человек. Он не возведет на престол кого-то, кто шатался в подземельях четыре года. Несмотря на то, что правила не запрещают ему выбрать почти кого угодно.

Правда ведь, почти. Безгрешного. Здорового. Не волшебника. Без грязных помыслов вроде: «Вступлю на престол – и подниму налоги втрое, чтобы построить себе новый дворец». Вот и все условия, нужные наследнику, чтобы пройти церемонию и остаться в живых. А дальше он может вытворять что угодно, как моя мама, например.

Я киваю. Киваю, хотя только что Эвер разрушил одну из моих маленьких последних надежд. «Я убийца, и не только по твоей милости». Значит, все точно, бесповоротно случилось ровно так, как я увидела в давний дождливый день. Хорошая новость: я не спятила и Лин не прав. Плохая...

– Что ж. – Я собираюсь и одариваю Эвера самой холодной улыбкой, на которую способна. – Благодарю за откровенность. В таком случае мы с тобой начинаем разговаривать по-деловому. Как взрослые люди, которыми давно стали.

Он все-таки не может скрыть удивления от перемены в моем тоне и мимике: щурится. Не возражает, пока я снова иду к кровати, пока опускаюсь обратно в кресло. Беру кувшин. Делаю еще глоток воды. Вытерев губы и посмотрев на

Эвера в упор, начинаю ровно перечислять:

– Я могла бы убежать до коронации, но тогда папа умрет – и я этого не сделаю. Я могла бы не отлавливать тебя по каким-то бам, но тогда умру я, а папа все равно этого не переживет, – и я рискнула. А еще... – Медлю. – Я могла бы прямо сейчас, услышав твой отказ, кое-что кое-кому поведать, и тогда тебе конец. Ведь пока что тебя очень жалеют и ждут. Но в ближайшей перспективе могут четвертовать. И ты сам только что признался, что повод есть.

Он реагирует не сразу – какое-то время осмысливает слова. Когда, слабо вздрогнув, он открывает рот, я уже нахожу продолжение и поднимаю ладонь: помолчи. Я хочу, чтобы меня слышали. Я хочу, чтобы поняли: стыд, боль и вина – не единственные чувства, которые я испытываю, вспоминая случившееся четыре года назад.

– Когда вчера отец увидел тебя, – я стараюсь удержать все тот же сухой тон и не дать голосу надломиться, – я действительно ему не солгала, призналась в том, что с тобой сделала. Более того, я сказала ему, в кого ты из-за меня превратился, но дальше... – Я вижу, как он напрягается, вижу, как проступивший было румянец гнева сменяется серостью, и не без торжества убеждаюсь: Эвер покорно дослушает. – Дальше я решила не очернять тебя. Я сказала, что ты задрал тех четверых уже Монстром. Не собой. Что они довели и тебя, и меня, что я хотела применить силу к ним, а не к тебе, совсем чуть-чуть, а она сработала неправильно... – Я на миг

прикрываю глаза. Ловлю себя на том, что хочу нарисовать подобную картинку и для себя тоже. Сделать ее реальной. – И вот... ты стал тем, чем стал. И убил их. А я – тебя. А солгала я в детстве, потому что боялась изгнания, суда, много чего...

Эвер не двигается, но судорога бежит по его лицу. Губы дрожат, потом болезненно кривятся; ресницы опускаются, знакомо прикрывая бирюзу глаз. Он обмер, но у него точно есть ответ. Злобный или полный благодарности, я не знаю, но пока это и неважно. Я продолжаю поскорее:

– Папа поверил. Но сказал, что для двора и законников понадобится ложь. Вместе мы ее придумали: что Монстр был просто Монстром, чудовищем из глубинных пещер, которых на самом деле полно в Гирии и под ней. – Я безнадежно машу рукой в сторону окна. – Что мое волшебство случайно выпустило его. Он убил четверых и забрал тебя. А я не смогла тебя спасти. До сегодняшнего дня. Я была глупым ребенком, что с меня взять. Кажется убедительным. Да?..

Теперь я надеюсь услышать ответ, но меня встречает тишина. У Эвера оглушенный вид, глаза он открыл, но смотрит на свои колени, точно пытаюсь заслониться от всего, что я сказала. Нижнюю губу он поджал, уголки рта опустил. И мне опять приходится бороться с желанием коснуться его, хотя бы встряхнуть, чтобы убедиться: он здесь.

– Мне жаль узнать, что ты все-таки это сделал – правда убил их. – Шепчу, потому что ждать не в силах. – И я не

могу просто забыть это, потому что... – Эвер вскидывается, но упрямо молчит, – ты ведь понимаешь, я не тронула бы тебя, если бы этого не произошло. – Он кусает губы, я же нервно потираю саднящую шею, собираясь с духом. – Эвер, я решила, что ты... обезумел, примерно как моя мама. Какая-то часть меня очень этого боялась, боялась вообще любого безумия, с детства, и поэтому...

– Я понимаю.

Я ослышалась? Нет, он правда это сказал, ровно и мертво. Не сводя с меня глаз.

– Я очень хочу... – В горле ком, и вдруг я понимаю: все предыдущее, что я говорила, было легким; тяжелее гири – именно эти слова. – ...понять, почему ты так поступил. Если, конечно, ты можешь объяснить. Если ты мстил Лину за то, что он выбрал не нас; если ты мстил детям тех, кто вторгся в твою землю; если ты...

– Ты знаешь, – перебивает он со странным выражением: будто у него заныло все тело. Снова пытается хотя бы свесить ноги с кровати, снова кривится и прикладывает руку к ребрам: Скорфус сказал, ему тяжело будет двигаться еще пару дней. Но взгляд вспыхивает горькой уверенностью. – Знаешь...

Качаю головой, но в животе ворочается холодное склизкое предчувствие. Все должно быть просто – просто, глупо и гадко. У людей иначе не выходит, не поэтому ли боги придумывают нам столько правил?

– Объясни, – сдавленно прошу я и подаюсь немного ближе. Опускаю руку на постель, рядом со сжавшейся в кулак рукой Эвера – той, на которой темнеет клеймо. – Объясни, вспомни, какой маленькой я тогда была. Что я упустила?

И Эвер объясняет. Он говорит недолго, но с большими паузами – будто нащупывая фразы в темноте и вместо них находя иногда острые камни или осколки амфор. Он перечисляет все слова, которые «дети героев» ему говорили. Повторяет все вопросы, которые ему задавали с приветливыми ухмылками. Помедлив особенно долго, шепчет имя Лина – и продолжает, продолжает ровно так, как я жду, и продолжение в который раз разбивает мне сердце.

Это полное ревности «Как ты любишь его?». Эта нетронутая комната с виолами. Этот горящий предсмертный взгляд. Это... «Ты никогда его не заслуживала».

Когда Эвер замолкает, мы сидим в тех же каменных позах: руки не соприкасаются, а вот лица близко. Я слышу, как тяжело он дышит; я хочу удержать его за подбородок, когда он отводит взгляд и комкает покрывало так, что мог бы порвать ткань, будь у него когти. Я бессильно ищу слова, но он заканчивает сам, тихо и сипло:

– Ты, может, была права, Орфо. В ту минуту я сошел с ума. Я сам знаю, что не должен был убивать их, они не заслуживали смерти, они были просто... просто... – Глаза вспыхивают, мокрая дорожка бежит по бледной щеке, и он резко отстраняется, опять вжавшись в спинку кровати. – Просто

дети. Почти как Лин и ты. Они не травили меня, не преследовали, не били, это произошло один-единственный раз, и я не хотел, но...

Но ничего не изменить. Он сползает вниз, падает головой на подушку и жмурится. Я больше не знаю, что ответить. Я хотела понять причину случившегося, но вовсе не хотела, чтобы он каялся. В одном он прав: вчера, когда врала отцу, я, похоже, уже примерно знала, что услышу.

«Они довели и его, и меня». Так я и сказала.

«Он убил их, не владея собой».

«Монстр забрал его, а я не смогла спасти».

Все почти правда.

– Мне не нужна твоя ложь. – Я слышу это как в тумане, даже не сразу понимаю, о чем речь. Эвер лежит, все не открывая глаз. – Точно не перед Плиниусом. Если он правда хочет меня увидеть, я расскажу ему правду.

– Это твой выбор, – выдавливаю я, а на моем лице наверняка читается удивление. Эвер всегда был очень честным, но здесь мне трудно его понять. – А... перед остальными?

Он поднимает руки, запускает в волосы. Снова я смотрю на тонкий ободок бирюзы, пытаюсь вспомнить, когда подарила его Эверу и откуда взяла. Кажется, его вынесло море, прямо на пляж, и я подумала: это может быть древность с затонувшего корабля. Эвер считал иначе: скорее какой-нибудь вор из города неаккуратно нес мешок с добром. Но подарок принял.

– Тебе не повезет, если меня казнят прямо сейчас, верно? – Его голос снова охрип, глаза поблекли. – Хотя, в общем-то, казнь будет заслуженной и вполне отвечает моему чувству справедливости...

– Моему – нет, – пропустив вопрос, перебиваю я. – И поверь, папиному тоже. Он никогда особенно не любил эту банду нахлебников, бедных сироток, которым деньги выплачивались только в память о маме и...

– Они были людьми, – сипло, но строго обрывает Эвер. – Важными для Лина. Почему ты...

Да потому что для меня не было никого важнее тебя! Но как ни хочется крикнуть это ему в лицо, я щерю зубы и бросаю лишь:

– Потому что я та еще дрянь. Сам помнишь, как я тебя отлупила там, в Подземье. После тебя никого доброго со мной рядом не было, привыкай, я одичала.

Я сама предложила говорить «как взрослые люди», то есть по существу. Я смогла добиться правды от Эвера, я смогла даже увидеть его чувства, я уже вряд ли забуду его блестящие от слез глаза и этот хрип: «Просто дети». Но сама я чувств больше не выдам. Тем более он выжал их все.

– Я предлагаю тебе сделку, – закинув ногу на ногу и сложив на колене руки, снова заговариваю я. – Она не слишком обременительна, но если ты правда любишь папу и не хочешь, чтобы он оплакивал меня и королевство, советую согласиться. Все просто: мы доносим до законников и народа

ту самую «подлинную» историю. О похищении Монстром. — Он кивает, показывая, что понял. — Я каюсь, что солгала в детстве. — Он хмурится, явно порывается что-то сказать, но я прошу подождать. — Снова приближаю тебя к себе. И мы начинаем просто... общаться. Как получится. — Теперь он смотрит удивленно, и я спешу пояснить. — Эвер, правила знаем мы оба. Мне было недостаточно тебя вытащить, тебе, даже если ты захочешь, будет недостаточно сказать: «Я тебя прощаю». — Я нерешительно тяну руку навстречу, но, видя, как он напрягся, только наставляю указательный палец на его сердце. — Все происходит там. Это сложно. Именно поэтому я также прошу тебя на какое-то время остаться с отцом в случае моей гибели. Поддержать его и попытаться что-то сделать со страной. Не дать ей развалиться, найти преемника, не знаю. Потом сможешь уйти. А если вдруг... — Теперь, к концу разговора, я убеждаюсь, что шансы ничтожны, но все же заканчиваю: — Если ты правда меня простишь, я отпущу тебя сразу после церемонии. Как я уже сказала, мне больше не нужен гаситель. У меня теперь есть Скорфус.

Не нужен гаситель. Пусть так.

Добавить нечего, и я снова откидываюсь в кресле. Опускаю на подлокотники руки, стараюсь держаться расслабленно, не отвожу глаз. Да, есть еще много вещей, которые мы друг другу не сказали. Но время бежит. Скорфус и отец, наверное, уже сходят с ума.

Эвер думает — а может, ему опять нехорошо. Он не шеве-

лится, грудь вздымается совсем слабо, руки плетьюми лежат поверх одеяла. Но взгляд опять прикован ко мне – теперь так, будто он мучительно пытается разгадать какую-то загадку.

– Ты сильно изменилась, – выдыхает наконец он. Не раздраженно, скорее задумчиво и устало. Нервы не выдерживают, включается привычная защита, я поднимаю бровь.

– Надеюсь, за этим не последует ничего вроде: «Ты стала такой горячей, что я, пожалуй, на месяцок сделаю тебя своей рабыней, чтобы ты вымаливала прощение».

Определенно, он оторопел. И определенно, я снова вижу на щеках слабые розоватые пятна. Но растерянность секундна.

– Давай не будем забывать, что я помнил тебя довольно маленькой. И любил тоже. И не в таких извращенных формах.

Последних слов я почти не слышу: вторая фраза отдается звоном в ушах. «Любил». Я не должна обращать внимания на форму прошедшего времени, я заслужила ее, более чем заслужила, и не помешает как-то отшутиться, чтобы он ничего не заметил. Но я не могу. Сердце ноет, а будничным строгим голосом возвращает в то время, когда мы были неразлучны, когда я могла, например, забраться на край этой кровати в ожидании, пока Эвер проснется. Меня обдает жаром. Если он никогда особо не краснел, то моя кровь ведет себя как дурная, особенно когда сразу несколько чувств во мне

схлестываются. Сейчас это горечь. Досада. Стыд. И злость, не столько на Эвера, сколько на себя.

Он не отрицает вины в тех смертях и в том, что сам запустил чудовищную цепочку событий. Но это нисколько не оправдывает меня, ни по факту, ни в его глазах. И хотя за всем этим осталось многое, что мне хотелось бы обсудить с ним, безнадежно запоздалое, но важное... если я начну сейчас, неизвестно, до чего мы договоримся. И выдержу ли я это.

– Да, я все понимаю. – Словно кто-то говорит за меня. – Такие вещи не искупаются ни завтраками в постель, ни нарядами одалиски. – Колеблюсь и иду на второй круг унижительного юмора. – Но ты правда можешь попросить, пока я жива.

– Орфо... – Я очень надеюсь, что он фыркнет от смеха, что я снова услышу этот странный звук, будто чихает лисенок. Но он только качает головой так, будто ему стыдно, и далеко не за себя. – Да. Ты определенно изменилась.

Вот теперь я взвиваюсь, терпеть это вечно я просто не могу.

– Что, все настолько плохо?! – Наверное, у меня очень уязвленный вид, но сейчас плевать. – Слушай, Эвер, я просто... просто не знаю, как себя вести, я примерно представляю, как тебе со мной омерзительно, но я напоминаю, что...

– Мы делаем это ради твоего отца, – шепчет Эвер. Думает, что заканчивает мою мысль, и опять ранит меня.

...что виноваты мы оба. И те, кто причинил тебе боль. И я хочу, чтобы ты простил меня хотя бы после смерти.
Но я подчиняюсь и вру:

– Да. Только ради отца.

– Ну да, ну да, – раздается со стороны окна, и меж двух горшков зашелестевших виол к нам проносится гибкий черный силуэт. – Верю! И если хоть кто-то из вас испортит мою грядущую судьбу королевского кота...

Скорфус приземляется на ту же тумбу, где сидел, и насмешливо сверкает глазом. У него тот самый вид, по которому «Я все слышал, сделал выводы, но вы узнаете о них последними» не прочел бы только тот из наших древних великих поэтов, который был слепым, Го Мэрис, кажется. Впрочем, даже он все понял бы по тону этого «верю». Я вздыхаю и снова пытаюсь спихнуть Скорфуса на пол, но на этот раз он нагло впился в тумбу всеми лапами и встопорщил крылья.

– Привет снова, – говорит он, упорно не замечая моего усердия и таращась только на Эвера. – Рад, что ты можешь разговаривать, дышишь без проблем и отхаркиваешь самое безобидное, что возможно в твоей ситуации. – Эвер хмурится, но ждет окончания речи. – Я Скорфус. – Одно черное крыло почти бьет меня в глаз, и я сдаюсь. А зря. – Лучшая версия тебя, если хочешь знать. Теплая. Пушистая. Не душная...

– Скорфус. – Не придумав ничего лучше, я дергаю его за хвост. – Ты не помогаешь.

– Тихо, человечича. – Хвост стучает мне по лбу. Скорфус и Эвер пялятся друг на друга одинаково пристально, только во взгляде у первого неприкрытое высокомерие, а у второго – лишь усталое «За что?». – И еще. Если бы не я, ты бы до сих пор скакал там, в подземельях. Злобной чокнутой обезьянкой. Понял?

– Мне уже... сообщили, – выдавливают Эвер с заметным усилием. Как и я когда-то, он все же растерян: фамильяры – довольно редкие существа, вряд ли прежде он с ними общался. Впрочем, нет, тут я ошибаюсь. – И я, кажется, помню, как сожрал пару твоих сородичей.

– Фу, вульгарщина. И это вместо «спасибо». – Скорфус кривит морду, но не похоже, что он правда возмущен. – Ну ладно! – Так и есть, он уже довольно облизывается. – Завтрак ждет. В саду, как в вашем невинном детстве, или что там было у вас без меня... Полетели уже, а?

– Пошли, – вяло поправляю я и переступаю через себя: снова нахожу силы окликнуть Эвера. – Как ты? Сможешь встать, одеться, привести себя в порядок сам? Могу позвать прислугу, могу...

Щеки снова обжигает жаром, и я не произношу «помочь», вспомнив нелепую шутку об одалиске. После этого я точно буду выглядеть настырной, озабоченной дурой. Отпускать пошлости, особенно с теми, кто мне так или иначе нравится, – обычно для новой меня; это еще одна вещь, которую я подцепила от Скорфуса, но сейчас это явно неуместно, вы-

глядит каким-то жалким заигрыванием. Вздохнув, перескакиваю на другое:

– Чем быстрее ты начнешь ходить и дышать нормальным воздухом, тем быстрее тебе станет лучше. Хотя мы можем, конечно...

И опять я, как полная дура, запинаюсь, ведь про завтрак в постель я тоже ляпнула раньше. Скорфус таращится на меня с таким видом, будто сейчас свалится с тумбы сам – от хохота, распирающего всю его кошачью тушку. Во взгляде Эвера не читается ничего: возможно, он напрочь забыл мои неловкие слова. Точнее, выбросил из головы. Скорее всего, так и есть.

– Спасибо, я справлюсь, – отвечает наконец он, уверившись, что я не продолжу. – И... да, я выйду. Хочу увидеть, как изменился сад.

Никак. Я его берегла. Но я молчу, стараясь дышать поглубже и изучая свои колени. Сжимаю кулаки, исподлобья следя, как он в третий раз пробует встать с кровати и как наконец ему это удастся. Он делает несколько осторожных шагов. Хватается за стену и горбится, но тут же, не издав ни звука, выпрямляется. Доходит до своего шкафа.

– Мошь ничего не сожрала, – сообщаю я под скрип открываемой дверцы. – Мы правда за всем присматривали.

– Интересно, зачем, если для всех вас я был мертв, – доносится совсем тихо. Запоздало я осознаю, что Скорфус вот уже почти минуту тактично молчит. Вылизывается. Смотрит

на свой зад, а не на нас.

– Здесь давно больше комнат, чем людей. – Приходится все же ответить единственное, что похоже на правду. – Ну... ты помнишь. И знаешь, когда кто-то уходит, всегда заметно. Мамины покои тоже стоят нетронутые.

Вот только я не хожу туда поливать цветы. Да там и цветов-то нет, только всевозможная дорогушая мебель, безделушки на любой вкус и гора платьев, которые я в жизни не надену.

– Понятно, что ж... спасибо, – тихо говорит Эвер, забирает с полки стопку белой одежды и скрывается за дверью своей ванной комнаты. Вскоре я слышу шум воды.

Какое облегчение. Какое облегчение не видеть его хоть немного. И хотя подспудно я с опаской прикидываю, не грохнется ли он в купальне, когда ему опять изменят ноги, я рада, рада, что осталась одна. Ну... почти одна.

– Слушай, вы стоите друг друга. – Скорфус вспархивает с тумбы, летит через комнату и приземляется прямо у дальней двери. Похоже, тоже опасается, как бы Эверу не стало плохо, и собирается нести дозор. – Теперь-то я понял, в кого ты такая душная.

– Да я вообще не душная! – Надоело, если честно, все время слышать от него этот «комплимент». Я потираю лоб, понимаю, что еще немного – и расклеюсь не хуже Эвера, и жалею: – Скорфус, я устала... может, завтрак в кровать вы принесете мне?

– Да щ-щас-с-с. – Второе слово напоминает шипение, я едва понимаю, что вообще Скорфус сказал. «Сейчас»? Морщусь, встаю, но ноги тут же подгибаются, и я, сама того не осознав, ничком падаю вперед, на постель. – Так, слушай. Вот это было самое омерзительное поведение, какое я видел в своей жизни.

– О чем ты? – бормочу я, зарываясь в подушку лицом. Она пахнет маслами лаванды и пихты, которыми ее взбрызнули вчера, а еще кровью и, как я запоздало осознаю, волосами Эвера. От них всегда тянуло просоленным деревом и раскаленным песком, не знаю почему.

– Вот об этом всем. – Не знаю, что он там делает, я закрыла глаза, но тон у Скорфуса обеспокоенный. – Быстренько возьми себя в руки. Слезь с чужой постели. И начни выглядеть так обворожительно, чтобы не простить тебя было преступлением.

– Это так не работает. – Я даже не думаю поднимать голову, чтобы одарить его возмущенным взглядом. Цинизм, пожалуй, единственное в нем, к чему я привыкла сполна. – Если ты правда ничего не упустил, то сам понимаешь: все серьезно. Мы оба совершили омерзительные поступки. У нас обоих есть оправдания, но они нас не примиряют. Мы не можем просто... – Я вздыхаю. Смесь запахов, приятная и даже убаюкивающая, щекочет ноздри, – продолжить жить как жили. Убийства, которые он совершил, что по своей воле, что не сам, будут преследовать его. А меня будет преследовать

то, что я должна была проявить милосердие. А еще лучше – обо всем догадаться заранее и бить тревогу.

– Да о чем? – Скорфус говорит все более нервно. Я дергаю плечом, не понимая резкую перемену его настроения. Я не требовала от него такого уровня поддержки.

– Что эти ублюдки рано или поздно докопаются до него, что он ни за что не бросился бы на них без причины, что его... прошлое с тем медиком нельзя тревожить, это же как змея в траве.

– Ты была малышкой, чья мама сошла с ума, – мягко напоминает Скорфус.

Я ловлю себя на грустном желании его обнять, но обнимаю только подушку.

– Я была принцессой, Скорфус. Это ко многому обязывает. Как минимум – доверять тем, кто помогает мне выживать, и всегда принимать их сторону.

Неожиданно он не спорит. Какое-то время я слышу только тишину, полную шума воды, а потом ощущаю привычную когтистую поступь на своей спине.

– Тут решать только тебе, Орфо. Но я все же предупрежу. Вряд ли прощение этого двуногого спасет тебя, если ты не простишь себя сама.

– Это правило? – не шевелясь, опасливо уточняю я. Только этого не хватало.

– Это жизнь. – Скорфус вздыхает. И вздох звучит по-человечески.

Под его колким массажем я начинаю задремывать помимо воли. Комната там, за моими сомкнутыми веками, плывет и качается, кровать превращается в плот, несущий меня прочь. Я даже словно вижу себя со стороны – помятую, в сбившейся сизой тунике и слинах – облегающих кожаных штанах, за которые отец каждый раз готов меня убить, потому что у принцесс и нобилесс они тренировочные, а не повседневные. На что похожи мои волосы, интересно?.. Они такие же темные, как у Лина, но не так блестят, они почти всегда напоминают шерсть какого-то животного, которое сдохло пару недель назад. Пока Эвер был со мной, я следила за собой лучше: в шкафу висело несколько любимых пестрых платьев, я украшала пучки можжевельником и оливой или делала себе сложную прическу из двух кос. Я не думала в сторону того, чтобы понравиться ему, для такого я еще не доросла. Но иначе я чувствовала себя неловко рядом с ним – носящим белое, аккуратно причесывающим волосы, вовремя начищающим кольца. Он не упрекал меня в неопрятности, все же ни моим учителем, ни слугой он не был, но мне просто хотелось... соответствовать. Что он думает обо мне теперь, интересно? Что он имел в виду под «изменилась»? И насколько смешно ему было от моих жалких шуток?

– Так-то лучше, – звучит в теплом тумане. Скорфус хорошенько проходится по моим лопаткам. – Эй. Чего встал-то, на что уставился?

– Спит? – Это явно Эвер. Я что-то мычу.

– Понимаешь ли, принцессы, охотящиеся на чудовищ, – это не каждый день случается.

– Фамильяры, заменяющие гасителей, тоже...

Скорфус хмыкает не без вызова.

– Еще скажи, что будешь сражаться за свое прежнее место.

Пауза не длится и двух секунд.

– Едва ли. Тем более ей и так хорошо.

Внутри снова что-то сжимается, я понимаю, что открывать глаза сейчас – плохая идея. И я только прошу:

– Не говорите обо мне так, будто меня тут нет. Пойдемте есть.

Но прежде чем я оторву от подушки голову и посмотрю на невыносимо белого, идеального и чужого Эвера, мне нужна еще минута. И я утыкаюсь в подушку сильнее, надеясь, что запахи хотя бы ненадолго уведут меня назад. Скорфус все еще топчется по моей спине теплыми лапами. Но кожу под одеждой отчего-то леденит озноб.

2. Третий ребенок. Эвер

На главной лестнице ноги все же подводят снова, и я спотыкаюсь. Орфо поймать меня не успевает, а ее кот не пытается – и, неловко впившись одной рукой в мраморные перила, я падаю на колени и разбиваю их о край предпоследней ступеньки. Хуже ломкой боли – то, что удар камнепадом отдается в ушах. Пока голова слишком чувствительна – там отстукивают даже шаги, как ни стараюсь я ступать бесшумно. Теперь я и вовсе хватаюсь за виски, едва сдержав стон.

– Ай-ай, какая досада, – злорадно причитает черный крылатый комок, витая надо мной. Я мог бы решить, будто не нравлюсь ему, но скорее он просто монстр от природы да вдобавок считает, что я в плохих тонах поговорил с Орфо, и собирается мстить. И как ни хочется постучать его затылком об стену, эту позицию придется принять, справедливость в ней есть. – Ничего, двуногий, пройдет.

– Ох, Эвер... – Орфо, в отличие от него, уже кинулась ко мне и опустилась рядом. Я скорее чувствую, чем вижу ее колебание: она хочет помочь мне встать, взвалив мою руку на плечо, но помнит о... проблеме, поэтому только беспомощно заглядывает в глаза. – Может...

– Не волнуйся. – Пересилив себя и отпустив голову, я начинаю осторожно подниматься. Чтобы скорее выпрямиться, вцепляюсь все в тот же мраморный завиток. Он успокаива-

юще холодит ладонь. — Все в порядке. Пойдем.

Я ступаю в залитый утренним светом атриум, где мраморные колонны-яблони бросают на пол синеватые тени. Шаг, второй, третий... какое же резкое сияние льется из шести высоких арочных окон. Похоже, я отвык от него сильнее, чем казалось в спальне, где окно было одно. Оборачиваюсь. Орфо все еще сидит на ступеньке и смотрит мне вслед с выражением, от которого хочется скрыться. Кот опустился ей на плечо — нет, уже раскинулся вокруг шеи чудовищной горжеткой. Желтый глаз будто желает меня сжечь.

— Прекращай, — цедит кот сквозь зубы.

Я понимаю, о чем речь, но только отворачиваюсь и пробою прибавить шагу. Мерцает под ногами мозаика, запечатлевшая шесть подвигов первобытных вождей, журчит в углу фонтан — триада изящных лебедей, — подле которого гнездятся светлые плетеные кресла. Все совсем прежнее, не поменялось за четыре года, разве что рама парадного портрета Лина стала из золотистой черной. Сменился и мотив: виноградная лоза обратилась в могильный плющ.

Их здесь три — королевских портрета, они встречают возможных гостей с трех из шести стен. На том, что против входа, возвышается Плиниус с его напоминающей о медных монетах кожей, широким носом и усами в пол-лица; справа смотрит Лин — такой, каким я его запомнил, немного застенчивый и со змеящимися по плечам локонами; слева Орфо — уже совсем другая, нынешняя. Ее портрета не было, когда я

жил тут; эта девушка в синей тунике и посеребренном лавровом венке мне едва знакома. Ее скулы стали резче, брови отяжелели, она начала подводить глаза – эту моду переняли у игаптян еще в Физалии, а теперь, видимо, она дошла и сюда. Нарисованная Орфо глядит напряженно и капризно. Абсолютно уверен: она не хотела позировать.

– Ты точно в порядке, Эвер? – тихо спрашивает настоящая Орфо, решившись приблизиться.

На секунду сердце теплеет: мне приятно ее участие. Если не гадать, искренне она держится или старается быть милой лишь по понятным нам обоим причинам.

– Да, – киваю, потирая глаза, чтобы прогнать невесть откуда возникшие перед ними красные силуэты. – Солнце... это все солнце.

Кое-что странное произошло, еще когда я вышел из ванной, и это не дает мне покоя. Остановившись в дверях комнаты, я вроде бы увидел постороннего – подсвеченную фигуру с узким размытым лицом и темными, болезненными глазами. Призрак был дымчатым, бесполом и бесцветным; он покачивался над разлегшейся посреди кровати Орфо, а кот, самозабвенно топтавший хозяйке спину, явно ничего не замечал. Я споткнулся. Призрак плавно повернул ко мне голову, улыбнулся широким безгубым ртом и... прижал к нему палец с красным длинным когтем. «Так-то лучше. – Скорфус тоже повернулся ко мне. Призрак мгновенно растаял. – Эй. Чего встал-то, на что устался?»

Я уже смотрел на Орфо, на ее полускрытое волосами лицо, на голые по локоть руки, ставшие такими же жилистыми и сильными, как у брата. Шею покрывали раны – точнее, кожа была содрана, живого места не осталось, и все из-за... из-за моих пальцев. Глупо, но я долго не мог отвести взгляд и с удивлением ощущал, как мутное воспоминание выветривается: место призрака занимала Орфо, обнимающая подушку. Я помотал головой, тщетно сопротивляясь, и открыл рот. Забыл, что хотел сказать. Скорфус пялился на меня все с большим недоумением, перерастающим в тревогу. «Спит?» – спросил я, просто чтобы его отвлечь. Кот кивнул. Мы заговорили о чем-то другом, а параллельно я со страхом думал: а если все это *последствия*? Я отхаркиваю окровавленные камни, еле хожу, мне нужно заново привыкать к свету... а началось все с того, что я убил людей. Убил, еще не став Монстром. Теперь галлюцинации?

Орфо открывает парадные двери и стоит в ожидании, пока я выйду. Часовых – ни у крыльца, ни у фонтана – нет. Поймав мой недоуменный взгляд, она поясняет:

– Видимо, отец снял их сам. Можно ждать его к завтраку.

Удивительно. Плиниус, насколько я помню, ел с детьми в лучшем случае раз в неделю. Обычно он погружался в дела – экономические, дипломатические, оборонные, – очень рано и поздно из них выныривал. Вряд ли что-то изменилось сейчас, когда на него обрушилось столько множасьихся бед. Он ведь все же готовит почву на случай смерти Орфо: разда-

ет указания доверенным лицам; составляет буллы, которые можно будет вскрыть только «по особому распоряжению», и список тех, кто теоретически сойдет на роль преемников. Передав престол Орфо – даже если тут же похоронит ее, – он уже не сможет вмешиваться в дела Гирии, только ценой все той же жизни: боги не оставляют таких лазеек. Могу лишь гадать, что он чувствует.

Плиниус – хороший, настоящий хозяин, и, видимо, именно сейчас его... склонности достигнут пика. Склонности, не способности – так мы это называем, ведь способностями в *классически необычном* понимании обладает лишь несколько из почти двух десятков демосов. Волшебники с их веером сил. Целители с их правда облегчающими боль руками. Садовники, которых правда любит природа. Законники, способные распознавать ложь. У хозяев способностей нет, но они не могут жить, если вокруг нет порядка.

Орфо, идя рядом со мной, низко-низко опускает голову. Возможно, думает о том же, а я думаю теперь о том, что она мне сказала. Плиниус знает правду о ее поступке, хотя такую жертву она вполне могла не приносить. Сказала бы, будто во всем, включая мою пропажу, виноват некий Монстр. Монстр, не она. Сколько я ее помню, разочарование отца было для нее самым страшным наказанием на свете. Но, похоже, что-то и вправду сильно поменялось.

Старый сад, стоит только сойти с крыльца, окутывает меня приветливой тенью, боль уходит из век. Я осматриваюсь,

не в силах скрыть интереса: как же давно я не видел эти места. Огромные апельсины, высаженные полумесяцем вокруг замка; вереница черешен слева и олив справа от разбегающихся дорожек; беспорядочные заросли диких юкк, ромашек, горошка и анемон, сменившие геометричные розарии и лилейники королевы Валато. Водоем, подле которого в праздники пируют замковые гости, окружен садом камней – веяние Ийтакоса, главной империи Восточного континента. Камни словно под зелеными мшистыми покрывалами, а в самом пруду появились незнакомые мне круглые цветки с большими листьями. Их резные лепестки – цвета зари и яичного желтка.

– Лотосы, – называет их Орфо.

– Это я притащил, – хвастается Скорфус. – У нас в Игапте их полно, я обожаю их, так что, когда уезжал, повесил мешок с ними на шею.

– Видимо, поэтому ты тогда чуть не утонул, – подначивает она, сощурившись.

– Нет, я же говорил, из-за качки я едва соображал и забыл, как летать!

– На будущее знай, что плавать лучше без грузов на шее.

– Да что бы я без тебя делал, человечича!

Они переругиваются так, словно находятся в каком-то своем мире, далеко. Я слушаю, ощущая что-то, чего не могу объяснить. Не самое приятное. Холодное и тяжелое. За чем-то напоминаю себе: это лишь кот. Хорошо, не совсем,

фамильяры куда умнее, сильнее, и для них нормально держаться так, будто они вправе занять собой все пространство и в реальности, и в чужой голове. Некоторые, как я слышал, считают себя наместниками богов, пусть даже размер не позволяет им сделать с человечеством ничего действительно серьезного.

Одну секунду. Какое вообще мне до него... до *них*... дело?

– Красивые? – тихо спрашивает Орфо.

Не оттуда. Не из мира, который делит со своим котом. Она здесь, рядом, и ее интонация звучит как в детстве. «Я посадила хорошие цветы, Эвер?» «Тебе не скучно, Эвер?» «Пожалуйста, скажи, что я не раздражаю тебя, Эвер». Не тон маленькой принцессы, привыкшей, что мир послушно вертится вокруг нее. Тон одинокой девочки, у которой едва ли не впервые появился тот, с кем она может заговорить когда угодно и о чем угодно, не борясь за внимание с государственными делами и теми, кто помогает их делать. Я никогда не мог оставить этот тон и этот ищущий взгляд без внимания. Но сейчас я пожимаю плечами и смотрю вперед. Орфо больше не нарушает тишину.

Наверное, я зря вышел на улицу. А может, проблема шире и нам вообще не стоило говорить. По крайней мере, так долго. И так откровенно. Но Орфо вывернула все именно так – незаметно, быстро мы рухнули в прошлое, где еще приходились друг другу не теми, кем сейчас. Потоптались по ру-

инам нашего почти-счастья. Похоже, она помнит его крепко, болезненно. Помню и я, и это еще одна причина, почему мне так сложно. Новая Орфо во многом держится иначе, чем прежняя. Каждую минуту нашего разговора она то открывалась для удара, словно забываясь напрочь, то начинала прозрачную, но довольно ловкую двойную игру.

«Я скучала».

«Мне очень жаль».

«Я хочу, чтобы ты жил, что бы ни случилось со мной».

«Я та еще дрянь».

«Я предлагаю тебе сделку».

«Я могла бы не отлавливать тебя по катакомбам».

Могла бы. При других обстоятельствах. Я бросаю на Орфо взгляд, чувствуя, как именно эта фраза горит в рассудке, но справляюсь с собой и не даю себе по-настоящему разозлиться. Дергаю подбородком, прежде чем она открыла бы рот и спросила бы, что случилось. Немного прибавляю шагу: кажется, идти уже легче, ноги более-менее окрепли.

Мы проходим по боковой аллее еще немного и там, где она раздваивается, сворачиваем в сторону высоких неужоженных кипарисов. Тайный угол. Крепостная стена. Место, куда Плиниус восемь лет назад вел меня так тихо, будто мы шли ловить редкое, пугливое животное. «Моя дочь стала очень нелюдимою в последний год, – пояснил он мне, точно оправдываясь. – Почти такой же, как был до войны ее брат. Не пугай ее, хорошо?» Орфо не испугалась. Она вообще по-

казалась мне довольно бесстрашной уже тогда. Конечно, не принцессой, способной охотиться на чудовищ в тораксе, с мечом и с хлыстом. Но и не олененком, готовым бежать сломя голову от треска веток.

Я чувствую это сразу. Ландыши. Их запах острее, чем запахи свежих лепешек, жареных орехов, молодого сыра, меда и этого странного напитка из горьких бобов, который четыре года назад еще только входил в моду. Те же бобы, привозимые с Дикого континента, прежде разгрызали и держали под языком, уверяя, что они бодрят; потом приноровились молоть и заваривать, но победить едкую горечь не смогли. Теперь напиток пахнет как-то иначе, приятнее. Туда, похоже, добавили специи.

– Эвер, – гулко раздается под тенистыми кронами. Плиниус встает с места, едва мы показываемся из-за поворота, и идет вдоль стола. Он спешит, но даже это выглядит величественно.

Я застываю первым, прикованный к месту тяжелым теплым взглядом. Плиниус, в отличие от Орфо, поменялся мало, даже седины особенно не прибавилось – он разве что еще немного раздобрел. Несмотря на это, ходит он по-прежнему почти без одышки, а когда останавливается в шаге от меня, кажется скорее Святой Горой, чем просто полным стареющим королем. Он протягивает руку. В ней всегда тонула что тонкая ладошка Орфо, что более крупная кисть Лина. Тонула и моя; тонули руки послов и правителей, приезжавших в

Гирию. Я знал: многих из последних это задевает, они чувствуют себя неловко и тревожно. Первую минуту-две; дальше – ощущают, что находятся рядом с хозяином, который не знает надменности и не делает зла.

– Эвер, – повторяет он, и я, преодолев себя, пожимаю его руку. Я помню, он непременно накрывает кисть собеседника еще и второй ладонью, независимо от того, в каких отношениях с ним находится. Нелепо и стыдно, но по моей руке бежит предательская дрожь: не хочу. Плиний снова заглядывает мне в глаза и не завершает пожатия, его вторая рука так и опущена вдоль тела. – Я рад тебе. Завидую, что ты все такой же красавец, но все-таки.

И он басисто посмеивается, откинув голову. Пожатие размыкается. Я всматриваюсь в него, дыша как можно глубже и собираясь. Я должен договорить то, что скрыла Орфо, – сейчас, смотря в его смуглое, но кажущееся светлее солнца лицо, я решил это окончательно. Живя в Гирии, я был перед Плинием так же беззащитен, как его дочь: тоже более всего на свете боялся его разочаровать. Но в отличие от Орфо чувствовал: хуже лжи для него разочарования не будет.

– Здравствуй, папа, – заискивающе подает голос она, встав рядом со мной.

– Доброго утречка еще раз, толстый король. – Скорфус жеманно скалится и, слетев с ее плеча, устремляется к столу. – Молоко мое молоко...

– Здравствуй, Орфо. – Голос Плиния тяжелеет, но все

же он опускает руки ей на плечи. Наклоняется, целует в щеку, потом в нос. – Плохо спала?..

– Не очень, – признается она, пряча глаза. – Думала. Много.

– Полезно, – ровно бросает он и, приобняв ее, подпихивает к столу. – Иди, садись. Хороший завтрак все-таки бодрит. Не так, как сон, но вполне.

Орфо подчиняется, украдкой кинув на его лицо взгляд, полный вины и стыда. Плиниус улыбается, хотя и немного вымученно. Кивает.

– Мы тоже сейчас придем.

И снова поворачивается ко мне.

– Как ты? – Глаза ловят немного солнца, снова темнеют. В них тревога.

– Все в порядке, – уверяю я, думаю пройти вперед, но он ловит за плечи и меня. Я дергаюсь. Он спохватывается и, скорее убрав руки, лишь просит:

– Чувствуй себя как дома, ладно? Ты ведь правда дома. И мы...

– Не переживайте. – Выдерживать это я больше не могу. Правда жжется внутри, а я все умоляю и умоляю себя немного подождать. – Мне повезло. Обратиться в чудовище и потом очнуться... это ведь лучше, чем стать им навсегда.

Орфо и Скорфус наблюдают за мной из-за стола: лицо первой полно тоски, а второй, занесший морду над какой-то миской, глядит просто зверски. Прочесть выражение жел-

того глаза нетрудно, и надо сказать, упрек справедлив. *Ты не сам очнулся. Это мы тебя вытащили.* То, насколько он прав, отдается тошнотой, напроць сгоняет аппетит, по новой запускает круг мыслей, из которого, уверен, мне уже не выбраться.

Они обрушились в первую же минуту пробуждения, сдавили горло, грудь, разум и превратили голос Орфо в пустой шум. Теперь им приходится сражаться с другими за право мучить меня, но многие из этих сражений увенчиваются победой. За четыре года я ни разу не взял над Монстром вверх. Я просто наблюдал, как он охотится и убивает. Нет... пару раз, кажется, я немного подавлял его и одурманенные жертвы почти убегали. *Почти.* Я не спас ни одну, только продлевал их агонию. Ведь Монстр всегда догонял.

– Эвер? – снова тихо зовет Плиниус, принявший мой стыд за задумчивость. Кивает. – Ты, как и всегда, совершенно прав. Чудовища, которым удастся проснуться, – счастливы.

Я уверен: он думает о жене. Орфо, судя по еще сильнее померкшему взгляду, тоже вспомнила мать. Плиниус натянуто улыбается, бормочет: «Ну пойдём», останавливает собственную руку, потянувшуюся приобнять меня, – и этой заботы я не выдерживаю.

– Погодите.

Я не сяду с ним за один стол, пока не скажу правду; я сумел открыть ее раз и открою второй. Я обязан – мне не нужны подачки в виде лжи, пусть даже спасительной для на-

ших... для того немногого, что связывает меня с великим королем Гирии. Я никогда не смел назвать это словом «отношения». Отношения – это Орфо и Плиниус. Орфо и Лин. Орфо и я. Истина, которая медленно истязала мой рассудок, пока не привела к катастрофе, ведь маячила перед самыми глазами. Те, кого я любил, отмахивались от нее, требовали от меня того же, но суть от этого не менялась. Закон прост: без Орфо я ничто. У меня не может быть дружеских или семейных отношений с кем-либо ее круга – хотя это решили не они и не она. Просто я гаситель. Гасители... «...не должны забывать свое место».

Как и рабы, которых покупают старые медики-извращенцы.

– Эвер. – Орфо привстает. И даже ее кот, успевший перемазаться чем-то белым, выглядит обеспокоенным. – Ты не можешь идти?

Я качаю головой. Делаю шаг. Кашель снова взрывает все внутри, приходится согнуться и прижать к губам ладонь. Рот царапает гранитно-кровавый привкус. Камешков три, и я просто не понимаю, откуда, откуда они берутся в горле. Скорфус говорил, это из-за перехода. Из-за того, что я описал свое первое ощущение верно: Подземье, его древняя удушливая магия проросли во мне, как растут на влажных потолках сталактиты. Теперь она погибла почти вся, но самые живучие фрагменты не уходят просто так. Глаза слезятся. Приходится вытирать их.

– О боги. – Плиниус смотрит на кровавые сгустки, переводит глаза на Орфо. – Вот теперь я понимаю. Все понимаю, что там с ним творилось, почему он...

Я бросаю камешки в траву. Поднимаю голову, смотрю ему в глаза, качаю головой.

– Не понимаете.

И снова начинаю говорить.

Я рассказываю ему, замершему и нахмурившемуся, то же, что Орфо. Про дождь. Про мою прогулку, которую прервали четверо. Про то, о чем они спрашивали и что в моем поведении считали вопиющей дерзостью. Пытаюсь сказать и про Лина, путаюсь в попытках не произносить прямо: «Он, кажется, был влюблен в меня», сдаюсь. Это сложнее, чем казалось. Может, дело как раз в разнице моего отношения к Орфо и Плиниусу. Я ощущал себя даже не обнаженным, а освеженным, открываясь ей, – но это напоминало окончательное пробуждение. Сейчас я, наоборот, будто скован льдом, дрейфую в новом кошмаре. Уверен, у меня неподвижные глаза, пустое серое лицо, серые же интонации. Я делаю большие паузы, сжимая кулаки до хруста. Я будто декламирую историю, которая от меня далеко, очень далеко, никак не связана с моей судьбой. Унизительно. Мелко. Пустое, жалкое «Они меня оскорбили, вот я их и убил». И если бы я был Плиниусом, я решил бы, что мне лгут. Или спросил бы: «И что? Почему ты не был мудрее, не был терпимее?»

Когда я заканчиваю, одно мое колено все же подгибает-

ся, и приходится вцепиться в зеленую, покрытую ярким золотым узором тунику Плиниуса, чтобы не упасть. Даже сейчас, полностью признавая вину, я не готов к этому – рухнуть в ноги, пусть тому, кто много лет был для меня настолько важен. Вымаливать прощение, хотя мне наверняка стало бы легче. И это пугает.

– Простите. – Выпрямляюсь с трудом, делаю шаг назад и просто говорю это. – Простите. Я прекрасно понимаю, что это меня не оправдывает. Может, я и не Монстр. Но я преступник.

Он стоит камнем секунды две, а потом снова сокращает расстояние одним стремительным рывком. Глаза круглые и как никогда темные, усы дрожат, кулаки тоже сжимаются с хрустом.

– Папа! – взвизгивает Орфо и вроде опять порывается вскочить.

Я спокойно жду, что кулаки обрушатся на мою голову. Это, в конце концов, будет лучше, чем казнь. Говорят, умершие от рук королей не идут на *второй круг*, по крайней мере, в этом мире. Значит, никаких похожих мучений. Никаких правил. Что угодно, но другое. Там, в Подземье, глазами Монстра я немного видел другие миры: с летучими кораблями, с зелеными жителями, с огромными свиньями, захватившими мир. Не так ужасно. Можно потерпеть.

– Так я и думал, Эвер, – тихо говорит Плиниус, держа кулаки перед грудью. Рот кривится. – Думал, что добра от все-

го этого не жди. Но чтоб так...

Я молчу. Реальность немного плывет, я даже не до конца понимаю, что он говорит.

– Ты мог рассказать мне, – он и вовсе шепчет, беспомощно озираясь.

Это в сознание пробивается, и приходится покачать головой. Не мог, нет. Я не жаловался даже в прошлом. Даже когда помогал хозяину лечить добрых людей, а они потом отводили меня в сторону, заглядывали в глаза и вкрадчиво спрашивали: «Мальчик... а тебе точно хорошо живется с ним?» Сейчас я иногда думаю, почему кивал и улыбался. Боялся, что они расскажут о моих жалобах или хозяин услышит сам? Не знал, как сказать правду без подробностей о пропахших мускусом подушках и сорванном горле? Тайно надеялся, вдруг однажды *он* станет милосерднее или я просто надоем ему, стоит еще подрасти? Вряд ли... скорее потому, что никто из тех сердобольных мужчин и женщин не предлагал освободить меня. Все произносили только: «Я могу тебя перекупить».

Плиниус морщится так, что ходят ходуном усы. Ему не нужно ничего объяснять, работоторговля в наших странах примерно одинакова. Он знает, чему рабы учатся, а что забывают.

– Ну конечно. Не мог. – Он медлит и опять заглядывает мне в глаза. Он не злится. Ему, кажется, больно, но я не понимаю почему. – Знаешь, никогда меня не оставляло ощу-

щение, что гасишь ты не только мою дочуру, но и себя заодно. Куда сильнее. Видишь, к чему это привело?

На этот раз я киваю и устремляю взгляд в траву, выискиваю там кровавые камни. Больше нет сил смотреть на Плиниуса. На Орфо. И тем более я не хочу видеть глумливую морду ее кота. Может, и зря я не падаю ниц – так я спрятался бы в запахе травы и ландышей.

– Ты не удивил меня, – раздается в следующий миг. – Я... многое в вашей истории казалось мне нечистым, даже когда я еще не знал, что Орфо меня обдурила. – Его тень на траве вздрагивает. – А поколение этих военных сирот... многие из них, хоть и подросли, остались прежними, Эвер. Мнят о себе невесть что на том лишь основании, что их родители когда-то вторглись в чужую страну, а моя жена сочла это героизмом. – Я все же вскидываюсь. Глаза Плиниуса узкие, злые и пустые, он словно больше меня не видит. – Гадаю порой, сколько нам еще платить за это? Сколько и как я...

Он устало машет рукой, а потом все-таки обращает взгляд на меня. Мимика меняется, снова становясь мягкой. Будь я кем угодно другим, он участливо потрепал бы меня по голове, но он только говорит:

– Ничего не изменилось. Никакого суда. Я очень рад, что ты жив, вдвойне рад, что ты честен, и втройне... что выдержал то, что сотворил. – Он подается ближе, хмурится. – В тот день. И позже. Как человек, допустивший то, что допустил с физальцами, я догадываюсь, каково тебе. Но теперь

вот, захочешь – сможешь это испытать. Уверен, ты сможешь, и уверен, от твоей руки никто больше не пострадает. Знаю я твою душу...

Я вглядываюсь в его глаза, тщетно ища подтекст. Может, это то, отсутствие чего Орфо обещала; может, это скрытый торг: «Прости мою дочь, и как минимум передо мной ты вину загладишь, ты же хочешь этого, правда?» Вряд ли. Не заглажу, мы оба знаем: он защищает всех подданных, не деля их на хороших и плохих, ценных и подлежащих безнаказанному убийству. Преступником я останусь в любом случае. И он просто не может просить о прощении для дочери – прекрасно понимает то, что она и сама сказала, целясь пальцем в мое сердце.

«Все происходит там. И это сложно».

– Я обещаю, – вот что удастся произнести. Тяжелая рука все-таки ложится на плечо, и я, как прежде, не чувствую страха и желания отпрянуть.

– Ну вот и славно. Теперь-то идем? Все остыло.

Орфо неотрывно смотрит на нас, пока мы приближаемся. Плиниус, грузно сядя на свое место, берет со стола серебряный медальон с часами и сверяется со временем.

– Мне скоро по делам, дочура, я доедаю и бегу, – сообщает он как ни в чем не бывало. – Поэтому давай все обсудим быстро, чтоб потом не возвращаться. Встреча с законниками завтра. День передохнуть для Эвера я вытребовал. Никто не станет вам мешать.

С законниками. То есть будет проверка на ложь. Ожидаемо: четыре года меня многие считали убийцей, «детей героев» – жертвами, а Орфо – человеком, который вообще не имел к ситуации отношения. Теперь предстоит каким-то образом выпутаться, а вдобавок обелить этих... бедных ребят. Нести чушь про то, что все было чудовищной случайностью, происками врага из ниоткуда – Монстра. Подарить миру очередную байку вроде той, что про человека-быка, запершегося от людей в заброшенном лабиринте, или той, что про злобную королеву, у которой вместо волос змеи и которая похищает подгулявших солдат – утаскивает на свой остров для любовных утех. Я снова чувствую легкую тошноту, но неожиданно меня начинает успокаивать Скорфус.

– Выдыхай, двуногий. Все схвачено.

– Что схвачено? – безнадежно уточняю я, беря пустой кубок и рассматривая напитки на столе. В большом кувшине и правда те проваренные молотые бобы; в кувшине поменьше – вода с медом. Я привычно беру ее. Скорфус, хмыкнув, приподнимает лапу и заглядывает мне в глаза.

– Ты не знаешь некоторых... противоречий в правилах, – почти мурлычет он с видом, будто в его ближайших планах захват мира. – А я – да. Проблем с теми парнями не будет, обещаю, главное, не нервничай. И попробуй кофе, мозги сразу соберутся в кучку.

Он кивает на кувшин с черной бобовой жижей, после чего теряет ко мне интерес. Бесцеремонно топает по столу, чтобы

запрыгнуть на плечо к Плиниюсу. Не знаю, почему я слушаюсь. Черная жижа, льющаяся в кубок, крепко пахнет бадьяном и корицей.

– Главное, чтоб красиво было, Орфо, – тем временем представляет дочь Плиниус. Она внимательно слушает, подперев подбородок. – Знаешь ведь, Кас и Пол падки на зрелищные истории. – Он хмыкает, берет лепешку с сыром, сворачивает в трубку и заглатывает сразу половину. – Куда более падки, чем на свои прямые обязанности, как ни печально, но для вас это лучше, чем Илфокион с его цветущей подозрительностью...

– Меня очень тревожит, что Кас и Пол – тоже «дети героев», – говорит Орфо, и я сразу вспоминаю, о ком она.

Кас и Пол, еще одна пара близнецов, вроде происходили от атлантов. Были огромными, унаследовали много родительских денег, но вели себя довольно тихо и дружелюбно – может, поэтому в ближнюю компанию Лина не входили. Пару раз они даже сбегали из этой компании к нам с Орфо, чтобы помочь найти раковины для сада или посмотреть, как мы строим песчаного сфинкса в человеческий рост. От Гефу и Гофу их отличала важная черта: «другие» и «странные» вызывали у них любопытство, а не агрессию.

– Ты в крайности-то не впадай, ладно? – Плиниус вытирает руки. – Тебе давно пора прекратить смотреть на всех них одинаково.

– Да ты сам так на них смотришь, – парирует она, шу-

рясь. — «Мнят о себе невесть что на том лишь основании, что их родители когда-то...».

— Ты невнимательна к словам, Орфо, — довольно холодно обрывает он. — Я сказал «многие». Не «все». И кстати, я говорил тебе, что от привычки подслушивать пора избавляться?

— Королеве она может и пригодиться. — Похоже, она закусила удила. Сидит очень прямо, держа в руке грушу. Сжимает ее так, что может и раздавить.

— Не знаю. И... рановато тебе об этом думать, не так ли?

Орфо разжимает руку, и груша падает на стол.

— Так, — предостерегающе начинает Скорфус, взмыв в воздух.

— Надеюсь, папа, *хотя бы ты* все-таки не начал желать, чтобы я умерла.

— Нет, нет, что ты! — спохватывается он и, вздохнув, наклоняется к ней, чтобы обнять. Тонкие смуглые пальцы, унизанные самоцветными кольцами, вцепляются в его широкое предплечье. Орфо жмурится. — Ну прости меня, прости. Просто слишком все как-то резко усложнилось. И мы оба знаем, что это прежде всего твоя вина.

Все-таки она стала еще более стойкой: просто кивает, впившись крепче, вместо того чтобы отпрянуть и прошипеть проклятие или дернуть за усы. Наверное, боги и это имели в виду, когда вводили правило «Короли отличаются от обычных людей». Если королевский ребенок совершает ошибку,

родитель не может безоговорочно остаться на его стороне. И наоборот. До последнего дня нашего знакомства Лин регулярно убирался на могиле матери и носил ей свежие венки из лавра и лимонника. Но всегда говорил: «Хорошо, что она заплатила за свое зло».

Я опускаю глаза и смотрю в кубок, полный горькой черноты. «Хотя бы ты» сопровождалось взглядом в мою сторону, не злым, но полным отчаяния. Беру лепешку, стараясь изобразить, будто я-то точно ничего не вижу и не слышу. Но мысль что-то проглотить по-прежнему меня не вдохновляет, больше всего хочется встать и уйти, вернуться в постель. Может, они даже поняли бы это. Точно не стали бы останавливать. Это невыносимо, ведь они ругаются из-за меня, хотя, сколько я их знал, никогда не ругались. А еще они говорят о том, что я запрещаю себе осмысливать, с чем не могу справиться и на что не смог бы ответить. Более того, ответ дальше и туманнее с каждой минутой.

Хочу ли я, чтобы Орфо умерла за то, что сделала? Эта чужая, взрослая Орфо, которая спокойно прожила четыре года, заменив меня котом? Прожила, пока то, во что она меня превратила, убивало людей? Не знаю. Я слишком плохо представляю, какой была эта жизнь изнутри. И есть как минимум один вопрос о моем спасении, ответа на который я пока не услышал.

– Я все равно люблю тебя, Орфо, – говорит Плиниус, судя по звуку, целуя ее в макушку. – И упрямо верю, что оба вы

будете жить долго и счастливо. – Наверное, он смотрит на меня. – Но и сам я не дам вам лишить меня такой судьбы. Понятно?

– Да-да, корону я у тебя заберу, ты так или иначе не умрешь, – уверяет Орфо, чуть мрачно, но все же посмеиваясь. – Королевский кот просто не даст мне отказаться.

– Это точно. – Скорфус снова приземляется недалеко от меня, сбив из вазы пару груш.

– Ну и славненько. – Стол подрагивает: Плиниус, то ли крикнув, то ли хрустнув суставами, встает. – Тогда отлично-го всем денька, а я сегодня встречаю посла Физалии и разбиваю кувшин о новый флотский флагман. Ну и другие дела есть. – Напоследок он подхватывает уроненную Орфо грушу и сует в карман. – Веселитесь.

Напутствие могло бы быть издевкой, но нет. Хозяева видят мир немного иначе, нежели остальное человечество: для них беды, маячащие на горизонте, пусть даже огромные и неодолимые, как грозовые тучи, – не повод перестать радоваться моменту.

Он уходит. Мы остаемся втроем, в тишине, полной запаха ландышей. Орфо и ее кот смотрят на меня словно бы с ожиданием. Приходится встретиться взглядом – лучше с ней, чем с ним. Она вдруг встает и пересаживается ко мне ближе: длинная лавка легко позволяет это сделать.

– Знаю, это было отвратительно. – Она все еще растягивает губы в улыбке, но в прошлом я слишком хорошо научился

читать по ее глазам. Она чуть не плачет. – Ты извини.

– Даже не думал, что ты правда все ему расскажешь! – Пожалуй, я благодарен Скорфусу за то, как он сталкивает нас с тяжелой темы родительского разочарования. – Ну, про то, что убил их просто так.

– Не просто так, – жестко одергивает его Орфо. Тут же спохватывается. – То есть...

– Не бери в голову, – прошу я, вздохнув. – Для меня это тоже... почти «просто так». Я уже говорил об этом.

– О «своем чувстве справедливости», – выплевывает она. Почему-то злится.

– Своем *долбаном* чувстве справедливости, – прибавляет Скорфус непонятное слово.

– Что? – на всякий случай уточняю я, мысленно повторив его про себя. Звучит оскорбительно.

– Ничего, он просто бесится более открыто, чем я; он кот, может себе позволить, – вздохнув, поясняет Орфо и заглядывает в мой кубок. – Как тебе?..

Рассеянно отпиваю. Глаза мигом лезут на лоб: все еще горько.

– Мерзость какая... – Едва сглотнув, хочу все же налить себе воды, но тут Орфо ловко берет кувшин, кажется, со сливками и опрокидывает над кубком. Напиток становится неожиданно не серым, а нежно-коричневым.

– А так?

Смирившись с судьбой, пробуя снова. Удивленно подни-

маю взгляд:

– Намного лучше.

Орфо довольно улыбается; на щеках слабо проступают ямочки. Я ловлю себя на мысли, что не могу отвести глаз от ее лица. Хочу... пожалуй, хочу окончательно понять, что именно в нем изменилось. Возможно, это будет первый шаг к пониманию всего остального.

Она не накрашена сейчас, но я легко представляю ее с «кошачьими» стрелками, как на портрете. В Физалии и Игапте такой макияж был женским, мужчины предпочитали «панду» – меньше акцента на внешние углы глаз, больше – на толстую обводку век. И то и другое отталкивало меня, особенно когда «кошачьи» глаза рисовал мне хозяин. Помню, как потом, склоняясь над раковиной, я яростно стирал все это с лица, и слизистые щипало. Сейчас даже представить себе не могу, что будет, если я возьму на пальцы немного этой смешанной из золы, тертого малахита и масел дряни и хотя бы поднесу к своим глазам.

Но Орфо на портрете стрелки шли; ей идет даже эта усталая естественная чернота. Идет мирный блеск глаз, идут распущенные волосы, обрамляющие сильно похудевшее, вытянувшееся лицо. В детстве ей, как и многим гирийским детям, запрещали так ходить. Вечные косы, пучки, хвосты. Считалось, что такие прически удерживают жизненную силу, что дети до определенного возраста могут ее случайно расплескать, если их локоны будут мотаться из стороны в сторону и

плясать на ветру. Такие девочки, например, станут бесплодными и сварливыми. И если в целом наш мир не осуждает бесплодных и сварливых, то для принцессы это крайне нежелательная судьба. Для будущей королевы – вовсе роковая. Впрочем...

– Эй. – Похоже, я увлекся и потерял счет времени. – На что ты так смотришь, а?

Она спрашивает это без тени кокетства, скорее склочным тоном своего кота, быстро отворачивается и начинает пить сливки прямо из горла кувшина.

– Фу, фу, фу, отдай! – возмущается Скорфус, пытаюсь помешать ей на свой манер: бодает дно кувшина. Орфо обливается и гневно на него шипит.

– Так, сейчас я засуну туда тебя!

От сварливости прически ее, похоже, все-таки не спасли.

– Держи. – Я подаю ей льняную салфетку, прежде чем осознал бы, что делаю. Понимаю, что спохватываться поздно, и просто смотрю на белые полосы под ее носом, капли на подбородке и груди. – Не старайся. Сила твоего отца – не в усах.

Скорфус таращит глаз и неожиданно закатывается – наверное, его поразило равнодушие, с которым прозвучало последнее. Он счел это шуткой, хотя я не шучу, я вообще, помоему, почти никогда не шучу. Но его хохот вовремя: Орфо отвлеклась и забыла, что я слишком пристально ее разглядывал. Пытался найти девочку, которую знал. Пытался осознать, кого нашел вместо нее.

– Ты ешь, ладно? – вытершись, говорит она. Салфетка так и прижата к лицу, взгляд снова серьезный, если не сказать строгий. – Хотя бы что-то. Пожалуйста.

– Да, да, – вклинивается Скорфус, прежде чем встать на задние лапы и сунуть морду в спасенный кувшин. Оттуда гулко доносится продолжение: – Ты придешь в норму тем быстрее, чем больше смертных вещей будет тебя окружать. Еда – одна из них. Так что лопай.

– Правда? – с некоторым сомнением уточняю я, тут же, впрочем, вспомнив доказательство.

Смертные вещи... там, в пещерах, стоило этой парочке появиться и заговорить, как мой «саркофаг» оцепенения треснул. В телеге я уже почти мог говорить с Орфо, моя воля отделялась от чужой и медленно, но упрямо брала над ней верх. Монстр с каждой минутой отступал. Становился меньше и неся по коридорам моего разума, точно преследуемый армией атлантов. Рычал: «Смерть этой жалкой дряни, убей, убей!» – но не мог даже пошевелиться, не то что порвать веревки туземцев или погрузить кого-либо в транс. Я не давал. Еще едва понимал, к чему все идет, был как в полубреду, но не давал. Ко мне возвращались боль, злость, усталость, жажда, и я радовался им. Ведь Монстр их у меня забрал.

Орфо с непреклонным видом тянется к фруктовой вазе и подает мне оторванную гроздь крупного розового винограда. Ее слова – косвенное подтверждение моих мыслей:

– Помнишь Идуса и Сэрпо? Они навсегда застряли в Тем-

ном Месте и перевоплотились в нетопырей как раз потому, что наелись местных гранатов. Это действует и в обратную сторону.

Киваю. Мне есть что сказать об этом. Она все еще протягивает мне виноград. Вздохнув, беру его и отправляю одну ягоду в рот. Удивительно, но косточек нет. А ведь в этом сорте точно были.

– Я вывела новый. – Снова она угадывает мое удивление, улыбается не без гордости. – Когда тебя... не стало, мне было чем заняться. Не сразу, поначалу я все забросила. А потом Скорфус всучил мне лотосы – и понеслось обратно.

Невольно я скольжу взглядом по крепостной стене. Тенистое пространство возле нее все в ландышах, они бело-зеленым ручейком тянутся вдоль древних песочно-серых камней. Их много. Они хорошо принялись и в ту весну, когда мы их посадили, но довольно медленно, будто робея, осваивали новую территорию в следующие четыре года. Зато теперь...

Я снова смотрю на Орфо. В глазах больше нет детского «Я молодец?», которое невозможно было не прочесть. Она справилась с собой после того, как спросила меня о лотосах, теперь будет молчать. Наверное, я сильно ее оттолкнул. Не знаю, был ли в этом смысл.

– Удобно, – говорю только это, кладу виноград на край тарелки, все же беру лепешку.

– Даже если я... – неловко рассмеявшись, начинает Орфо, но осекается и качает головой. – Забудь. В общем, я не тра-

тила время зря.

И она тоже начинает есть, смазав лепешку не любимым с детства сочетанием козьего сыра и меда, а пахнущей миндалем пастой. Двигает к себе второй кубок, полный черного как уголь бобового напитка. Похоже, она-то пьет его без сливок. Да, это тоже про стойкость.

Даже если я умру во время коронации, люди будут есть мой виноград и смотреть на мои ландыши. Уверен, она хотела сказать что-то подобное, но побоялась снова испортить мне аппетит. Я не знаю, что смог бы ей ответить. Но благодарен.

– Слушай, – понимая, что вряд ли мы сможем вести непринужденную беседу, я решаю продолжить о важном и обращаюсь к Скорфусу. Он все еще расправляется со сливками. – Ты, да-да, ты, хвостатый. – Разумеется, он поднимает выпачканную морду и глядит исподлобья, с возмущенным «Как-как ты меня назвал?». – Ты говорил, у тебя все схвачено с законниками. Не хочешь ввести меня в курс дела? Допрашивать об убийствах и... Монстре ведь будут меня.

– Не-а. В основном ее, – отрезает он, и голова снова исчезает в кувшине. По-моему, стоит довольно опасно: может свалиться в траву вместе с ним.

– То есть как? – Я вопросительно поворачиваюсь к Орфо. Она уже удивительно спокойна, нарезает большой пласт козьего сыра кубиками и на каждый укладывает по ягоде малины, то красной, то желтой, в петтейном порядке. Эта при-

вычка – играть с едой – у нее была всегда. Даже не уверен, что потом она это съест; скорее сыр, по крайней мере большая часть, достанется прислуге.

– Вот так. – Она пожимает плечами. – Не забывай, главной лгуньей замка была я. Да, из-за ран, нанесенных перчаткой, многие заподозрили тебя в... бойне, но мне этот вопрос даже не задавали. Ну, «Это он убил тех четверых?» Я же сказала, что пришла к трупам. И понятия не имею о твоей судьбе, только предполагаю, что ты убежал. Так что от меня почти сразу отстали. Конечно, будь у убитых семьи, вряд ли бы все так обошлось, но ты помнишь, статус «детей героев» получили лишь те, у кого в войне погибли оба родителя. Так что мало кого интересовало, найдут ли убийцу нахлебников, на содержание которых шли королевские налоги. Всем казалось куда более важным, чтобы уцелела королевская дочь.

Значит, она врала ради меня. Спыхватываюсь: нет, не только и, возможно, даже не столько. Спасала и себя. Хотя, конечно, было бы куда удобнее просто заявить, что я манипулировал ею, добываясь помощи, после чего совершил убийство и уехал в Физалию или еще куда-нибудь.

– И законников ты тоже тогда обманула?.. – уточняю я очевидное.

Она качает головой, нервно кривит рот. Рука с последней ягодой замирает над последним кубиком сыра.

– Меня не проводили через них, точнее, проводили, но не через меченых, их просто не было в городе. Вдобавок, меня

начало ломать без тебя, почти сразу. Никому и в голову не могло прийти, что я тебя прикрываю, все считали, что я... — Малина опускается на сыр. Щеки Орфо начинают наливать-ся краской волнения. — ...настолько от тебя зависима, что ни за что бы не отпустила, наоборот, бросила бы всю стражу тебя искать. Принцесса и ее гаситель...

Она замолкает. Да, на щеках определенно румянец досады, взгляд тоскливый и обращенный в пустоту. Я все же ловлю его, и Орфо сильно кусает губы.

— Кстати, они были правы. Ну, насчет «бросила всех тебя искать». Просто я... я...

Самое время задать вопрос, на который пока не было внятного ответа. Но не получается. Я боюсь того, что могу услышать, не знаю, что почувствую, и пока не хочу знать. И я отступаю, только потираю лоб, старательно делая равнодушный вид. Она, собравшись, продолжает:

— Поэтому теперь мне придется открыть законникам глаза на многое. Например, на то, как ужасно я не справилась с магией. Не спасла вас всех от Монстра, а потом еще и не подняла насчет тебя тревогу, не позвала к тебе помощь, хоть какую-то. Боялась прослыть сумасшедшей. Видящей то, чего нет.

— А я... — Все еще не укладывается в голове, как она представляет себе наши дальнейшие действия. Орфо сильно сдвигает брови и вдруг опять подается ближе.

— А ты скажешь правду, Эвер. Правду и ничего кроме нее.

Что те четверо вели себя вызывающе – это никого не удивит. Что мы начали злиться и я неправильно использовала силу. Что Монстр... пробудился, забрал тебя и поглотил, да, ты можешь сказать так. Ведь так и есть.

– Они будут задавать вопросы. Как он выглядел, откуда вылез, – резонно напоминаю я под шум лакания: сливки, скорее всего, вот-вот закончатся.

– В основном мне, – ровно повторяет она, щурясь. – Тебя есть особый приказ не слишком трогать. Ты считаешься сильно пострадавшим, тебе сложно говорить о тех четырех годах, ведь они равносильны пребыванию в пыточной. И тебя важно сохранить, чтобы ты снова мог быть со мной. Смирись. – Она берет двумя пальцами кубик сыра с красной ягодой. – Теперь законники скорее начнут думать, что тех четверых убила я – хотя и это вряд ли, они прекрасно понимают, что тогда я не лезла бы на трон. А ты вне подозрений. И надеюсь, здесь-то твое...

– *Долбаное*, – раздается из кувшина.

– ...чувство справедливости не будет ущемлено? – Она все-таки отправляет сыр и малину в рот. – Или ты правда-правда так сильно хочешь умереть за свои грехи?

В последнем вопросе вызов – беззлобный, лишенный насмешки, но полный с трудом скрываемого отчаяния и едва ли не мольбы. Между нами снова повисает тишина, Скорфус так и застыл головой в кувшине, хотя, скорее всего, там ничего уже нет. Видимо, понимает сложность момента. Види-

мо, не хочет иметь к нему какое-либо отношение. Орфо, наоборот, не отведет глаз, пока не услышит «хочу» или «нет». А мне снова хочется оказаться подальше.

Когда я очнулся и четыре последних года обрушились на меня, я правда почувствовал это остро – я хочу умереть, я ни при каких обстоятельствах не смогу жить с тем, что сделал до и после обращения. Солнечное утро в теплой чистой кровати просто не срасталось ни с окровавленным пляжем, ни с бесконечными днями в катакомбах, с обглоданными скелетами, которые я оставлял за собой, с тяжелыми воспоминаниями жертв, которые пролистывал равнодушно, словно плохо написанные книги, выбирая, кого убью сегодня, кого завтра. Очнувшись, я не ощущал себя человеком, точнее, не ощущал, что заслуживаю спасения. Ужас и вина были всем, что я чувствовал, и ни гнев на Орфо, ни радость от вида нормального привычного мира не могли вернуть мне волю к жизни. Чуть позже, в ванной, которая осталась точно такой же, как четыре года назад, я пустил горячую воду, взял бритвенный нож и, сев на край купальни, поднес лезвие сначала к запястью, потом к шее. Несколько мгновений я верил, что это и будет правильным решением, – ведь я заслужил. Но воли не хватило, пальцы задрожали, и я бросил нож на пол. Некоторое время просто сидел, закрыв лицо руками, потом все-таки заставил себя встать. Вода привела меня в чувство. Чистая одежда вернула к действительности. А теперь, поговорив с Плиниусом, я малодушно цепляюсь за его слова. Ви-

ну нужно искупать, а не бежать от нее в смерть. В конце концов, и сам он, и Орфо делают именно это.

Понимая, насколько она ждет хоть чего-то, я говорю единственно возможное:

– Я не могу ответить на этот вопрос. Знаю, что это двулично, но пока не могу.

И если ты презрительно скривишься, вспомнив, с чего мы начинали в комнате, я тебя пойму.

– Почему двулично? – серьезно спрашивает Орфо. Презрения нет, в глазах даже проступил испуг. – Я... рада. Хотеть жить, даже после страшных поступков, нормально. Даже если не представляешь как.

Я не уверен, что этого желания хватит надолго. Но если я скажу еще и это, мы никогда не перестанем мучить друг друга. И я просто киваю.

– Да, наверное.

Скорфус высовывает наконец голову из кувшина и, облизывая морду, внимательно смотрит на нас. Потом слетает со стола на траву, разваливается там, начинает быстро умыться. Удивительно, как долго и тактично он молчит. Молчит даже сейчас, когда тишина между мной и Орфо такая густая, что вряд ли удалось бы разрубить самым острым клинком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.